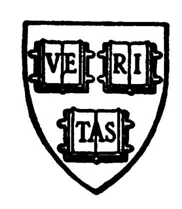
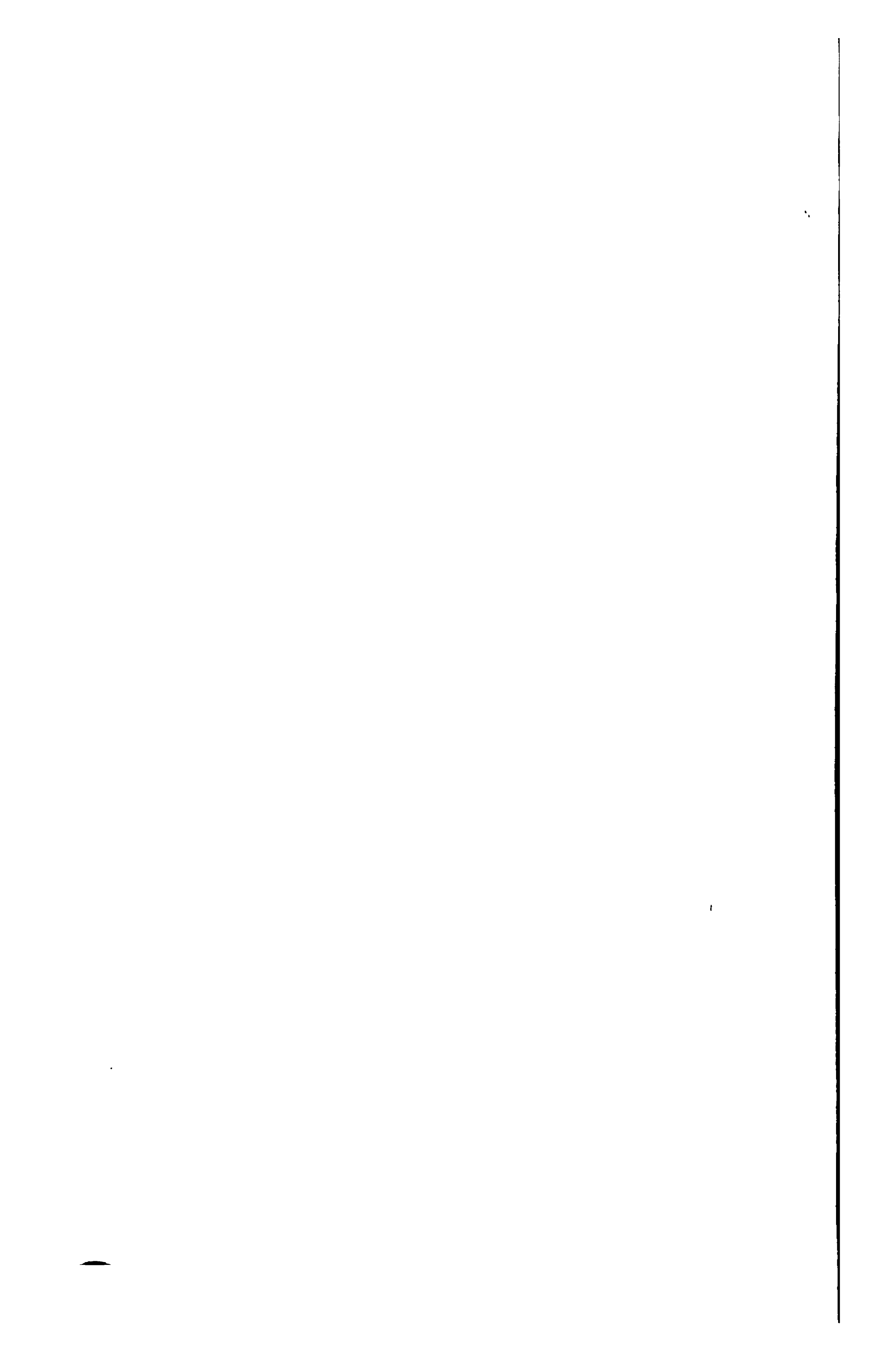
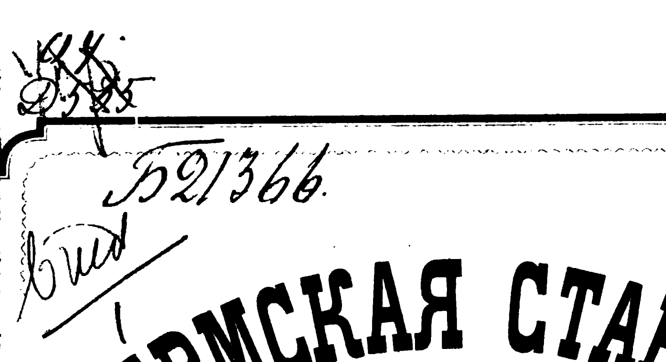

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,

преподавателя Пермскихъ мужской и Маріинской женской гимназій, товарища предсѣдателя и правителя дѣлъ Пермской ученой архивной коммиссіи, члена-сотрудника С.-Петербургскаго археологическаго института и другихъ ученыхъ учрежденій и обществъ.

Выпускъ I.

ДРЕВНОСТИ БЫВШЕЙ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.

Типографія П. Ф. Каменскаго.

1889.

ПРОВЕРЕНО
1964 г.

ПЕРМСКАЯ СТАРИНА.

СБОРНИКЪ

ИСТОРИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ и МАТЕРІАЛОВЪ

преимущественно

О ПЕРМСКОМЪ КРАѢ.

АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВА,

преподавателя Пермскихъ мужской и Маріинской женской гимназій, товарища председателя и правителя дѣлъ Пермской ученой архивной коммиссіи, члена-сотрудника С.-Петербургскаго археологическаго института и другихъ ученыхъ учрежденій и обществъ.

Выпускъ I.

ДРЕВНОСТИ БЫВШЕЙ ПЕРМИ ВЕЛИКОЙ.

ИЗДАНІЕ АВТОРА.

ПЕРМЬ.
Типографія П. Ф. Каменскаго.
1889.

Печатается по постановленію Пермскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 14 января 1889 года.

Автобіографическая замѣтка автора-издателя.

(Вмѣсто обычнаго предисловія).

Съ 1880 года, когда я опредѣленъ былъ преподавателемъ исторіи и географіи въ Пермскую гимназію, я занялся спеціально изученіемъ мѣстной исторіи Пермскаго края. Я сталъ постепенно приводить въ исполненіе мысль, впервые явившуюся у меня еще на университетской скамьѣ. Еще въ 187⁴/₅ академическомъ году, въ бытность студентомъ 3-го курса историко-филологическаго факультета Казанскаго университета, во мнѣ родилась эта мысль подъ вліяніемъ чтенія Новгородскихъ лѣтописей. Избравъ спеціальностью Русскую исторію, я обратился тогда къ профессору Д. А. Корсакову за темою для годичнаго курсоваго сочиненія. Онъ предложилъ мнѣ тему: «Библіографическій разборъ Третьей Новгородской лѣтописи и отношеніе ея къ прочимъ Новгородскимъ и Лаврентьевской лѣтописямъ». Тема была хороша тѣмъ, что заставила меня работать совершенно самостоятельно надъ важнѣйшими источниками Русской исторіи и углубиться въ обширную и въ высшей степени интересную область русскаго лѣтописанія. Проработавъ упорно цѣлый учебный годъ надъ разработкой темы и сдавъ сочиненіе, я въ слѣдующемъ 4-мъ курсѣ, въ 187⁵/₆ уч. году, просилъ Д. А. Корсакова опять дать мнѣ такую тему для годичнаго сочиненія, которая имѣла бы соприкосновеніе съ прежней. Онъ исполнилъ мое желаніе, предложивъ тему: «О договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и

Московскими». Третій курсъ университета я посвятилъ изученію многотомнаго «Полнаго собранія русскихъ лѣтописей», въ четвертомъ пришлось не мало посидѣть и потрудиться надъ «Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ», «Актами Историческими» съ ихъ «Дополненіями», «Актами Археографической Экспедиціи» и другими фундаментальными изданіями нашей Археографической Коммиссіи. Вторая работа имѣла очень близкое отношеніе къ первой и была въ одинаковой степени полезна для моей исторической подготовки, заставивъ работать самостоятельно надъ первоисточниками.

Двухгодичная спеціальная работа надъ источниками Новгородской исторіи естественно привела меня, уроженца Пермскаго края, къ мысли заняться когда нибудь спеціально исторіей Пермской земли, составлявшей нѣкогда часть обширныхъ Новгородскихъ владѣній и затѣмъ постепенно вошедшей въ составъ земель великихъ государей Московскихъ—сперва въ церковномъ, потомъ и въ гражданско-административномъ отношеніяхъ. Можетъ быть, моя мысль и не воплотилась бы въ дѣло, если бъ, по окончаніи университетскаго курса, мнѣ пришлось служить не въ своемъ родномъ краѣ, куда впрочемъ я стремился неудержимо, а въ какой нибудь другой губерніи. Къ счастію, обстоятельства сложились именно такъ, что я имѣлъ возможность занять мѣсто преподавателя своего спеціальнаго предмета въ той самой Пермской гимназіи, гдѣ я получилъ среднее образованіе и куда желалъ попасть болѣе всего не столько по служебнымъ, даже семейнымъ, сколько по научнымъ соображеніямъ. Я занялъ это мѣсто съ радужной надеждой привести въ исполненіе мою прежнюю студенческую мечту относительно изученія *мѣстной* исторіи. Я былъ болѣе многихъ

другихъ подготовленъ къ изученію исторіи именно Пермскаго края, который при томъ же, какъ родной для меня, всегда былъ особенно близокъ моему сердцу. Съ теплой любовью къ дѣлу, но не безъ нѣкоторой робости на первыхъ порахъ приступалъ я къ изученію родной пермской старины на мѣстѣ, въ самомъ средоточіи нынѣшней Пермской земли, благодаря Бога за столь счастливое сочетаніе обстоятельствъ моей жизни.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что первой мыслью, осуществленіе которой составляетъ теперь цѣль моей жизни, я обязанъ Казанскому университету въ лицѣ его достоуважаемаго профессора Д. А. Корсакова, который на научномъ поприщѣ былъ моимъ первымъ и лучшимъ руководителемъ. Поселившись въ Перми, съ готовымъ планомъ предстоящихъ научныхъ работъ, долженствовавшихъ составить собою продолженіе моихъ университетскихъ занятій, я познакомился прежде всего съ Д. Д. Смышляевымъ, нынѣ ревностнымъ членомъ Православнаго Палестинскаго Общества, временно живущимъ въ Іерусалимѣ. Уроженецъ Пермскаго края, питомецъ Пермской гимназіи, обладающій замѣчательною начитанностью, рѣдкій знатокъ и въ свое время очень почтенный общественный дѣятель Пермскаго края, Д. Д. Смышляевъ былъ для меня лучшимъ руководителемъ при началѣ изученія собственно Пермской исторіи. Его небольшая по объему, но драгоцѣнная по содержанію книга: «Источники и пособія для изученія Пермскаго края» (Пермь. 1876 г.) съ 1880 года стала для меня настольною. Въ то время былъ еще въ живыхъ другой извѣстный знатокъ этого края, Н. К. Чупинъ, съ которымъ впрочемъ мнѣ не суждено было познакомиться лично. На его труды, какъ на образцовые въ своемъ родѣ,

указалъ мнѣ Д. Д. Смышляевъ, и я въ теченіе одного года основательно познакомился съ ними. Такимъ образомъ Н. К. Чупинъ, умершій въ 1882 г., сдѣлался для меня третьимъ учителемъ въ дѣлѣ изученія мѣстной исторіи. Въ теченіи 1880 и 1881 г.г. я окончательно подготовилъ себя къ занятіямъ Пермской исторіей, начавъ съ слѣдующаго 1882 года самостоятельныя работы въ этой области.

Но прежде чѣмъ начать *самостоятельные* труды по разработкѣ Пермской исторіи, мнѣ нужно было составить для себя тотъ или другой планъ ученой работы и уяснить себѣ практическіе ея пріемы. Н. К. Чупинъ писалъ Пермскую исторію, сидя на мѣстѣ, въ Екатеринбургѣ, гдѣ онъ нѣсколько десятилѣтій былъ директоромъ мѣстнаго горнаго училища, имѣя подъ руками богатѣйшій горный архивъ. Я, какъ частный и невластный любитель старины, нашелъ болѣе цѣлесообразнымъ держаться экскурсіальнаго пріема мѣстныхъ изслѣдованій, въ послѣднее время въ широкихъ размѣрахъ практикуемаго почти всѣми учеными обществами. Служба давала возможность пользоваться для ученыхъ экскурсій ежегодно лѣтними вакатами. При небольшомъ учительскомъ жалованьѣ и неимѣніи другихъ средствъ я могъ предпринимать, конечно, скромныя поѣздки, не задаваясь широкими планами. Обращаться за субсидіями къ ученымъ обществамъ я не хотѣлъ, потому что не желалъ связывать себя никакими обязательствами*). Равнымъ образомъ я никогда не обращался ни за какимъ содѣйствіемъ «подлежащихъ властей». Какъ частный, безвластный и безвѣстный любитель, я одиноко работалъ и про-

---

*) Впрочемъ Пермскій губернскій статистическій комитетъ далъ мнѣ, какъ своему члену, небольшую субсидію *на изданіе* нѣкоторыхъ матеріаловъ, собранныхъ мною на свой счетъ.

должаю работать по мѣстной исторіи—урывками, въ свободное отъ служебныхъ занятій время, а потому какія бы то ни было обязательства меня только угнетали бы нравственно. «Содѣйствіе же властей», на мой взглядъ, нерѣдко только вредитъ тамъ, гдѣ имѣешь совершенно частное дѣло съ частными же лицами. Особенно не любитъ его деревня, которая между тѣмъ является хранительницей многихъ полезныхъ для науки данныхъ, какъ убѣдилъ меня опытъ. Брать на себя стороннихъ обязательствъ я не могъ и потому, что, пускаясь въ экскурсію по губерніи, могъ-ли я съ увѣренностью сказать, что возвращусь изъ поѣздки не съ пустыми руками? что у меня хватитъ умѣнія розъискать въ томъ или другомъ мѣстѣ обладателей старины и внушить имъ довѣріе къ себѣ, что бы получить возможность воспользоваться для науки ихъ рукописями, книгами, коллекціями? Я обыкновенно пускался въ путь на удачу, особенно въ первыя экскурсіи въ тотъ или другой уѣздъ. Дѣло въ томъ, что всѣ рукописные историческіе матеріалы я собиралъ не изъ казенныхъ и общественныхъ архивовъ, что не представляло бы ничего труднаго, а *изъ частныхъ рукъ,* при чемъ сплошь и къ ряду не легко было доискаться самыхъ обладателей старины, нерѣдко людей вовсе безвѣстныхъ, такъ сказать, случайныхъ хранителей памятниковъ прошлаго. Мнѣ случалось въ деревнѣ у безграмотныхъ крестьянъ находить поземельные акты XVII столѣтія, представляющіе несомнѣнный интересъ и значеніе для историка Пермскаго края.

Сообразуясь съ историческими судьбами Пермскаго края, я началъ самоознакомленіе съ нимъ съ сѣверо-западнаго угла нынѣшней обширной Пермской губерніи, т. е. съ уѣзда Чердынскаго, нѣкогда входившаго

въ число новгородскихъ владѣній и составлявшаго, вмѣстѣ съ Соликамскимъ и болѣе южными уѣздами, такъ называемую «Пермь Великую». Порядокъ предпринятыхъ мною по собственной иниціативѣ и на свои средства экскурсій былъ слѣдующій: въ 1881 году въ Чердынскій уѣздъ; въ 1882 г.—въ Соликамскій; въ 1883 г.—въ Пермскій уѣздъ и вторично въ Соликамскій и Чердынскій; въ 1884 г.—въ третій разъ въ Чердынскій и Соликамскій уѣзды и въ первый—въ Верхотурскій уѣздъ; въ 1885 г. вторично въ уѣзды Пермскій и Верхотурскій и первый разъ—въ Екатеринбургскій, Камышловскій и Шадринскій; въ 1886 г.—въ первый разъ въ уѣзды Кунгурскій и Красноуфимскій; въ 1887 г.—вторично въ уѣздъ Екатеринбургскій и въ третій разъ въ Верхотурскій; въ 1888 г.—въ третій разъ въ Пермскій уѣздъ. Такимъ образомъ изъ 12 уѣздовъ громадной Пермской губерніи я не успѣлъ доселѣ побывать съ спеціальной цѣлью только въ трехъ—Ирбитскомъ, Оханскомъ и Осинскомъ, знакомыхъ мнѣ лишь отчасти, благодаря случайнымъ переѣздамъ по нимъ. Всѣ доселѣ предпринятыя 8 экскурсій мнѣ стоили до 3000 рублей. Но такъ какъ серьезная научная работа въ отдаленной провинціи часто встрѣчаетъ препятствія по недостатку научныхъ пособій, то я долженъ былъ иногда брать дополнительные къ вакату отпуски и въ 1882, 1886, 1887 и 1888 годахъ по тому же дѣлу изученія Пермской старины предпринимать поѣздки въ Петербургъ и Москву, ознакомившись въ то же время кстати какъ съ столичными историческими достопримѣчательностями, такъ и съ памятниками древности попутныхъ городовъ—Новгорода Великаго, Владиміра губернскаго, Нижняго-Новгорода, Ярославля, Ростова Великаго, Костромы и нѣк. друг., не говоря уже про близко и давно зна-

комую мнѣ Казань. Эти экскурсіи на западъ дали мнѣ весьма много свѣдѣній для *сравнительнаго* изученія памятниковъ русской древности, особенно церковной, и сблизили меня съ людьми одной спеціальности. Въ 1887 г. я имѣлъ возможность побывать впервые на археологическомъ съѣздѣ въ Ярославлѣ, въ качествѣ приглашеннаго частнаго члена съѣзда, и лично познакомиться еще со многими представителями русской науки.

До сихъ поръ я работалъ на избранномъ поприщѣ одиноко, какъ частный любитель, если безъ всякой матеріальной поддержки, за то при нравственной поддержкѣ тѣхъ, кто любитъ и уважаетъ науку *). Теперь въ Перми возникаетъ губернская ученая архивная коммиссія. Удостоенный избранія въ правители ея дѣлъ, съ исполненіемъ обязанностей и товарища предсѣдателя, я получаю возможность расширить кругъ дѣятельности на поприщѣ мѣстной археографіи, особенно если въ числѣ членовъ коммиссіи найдется нѣсколько трудолюбивыхъ, энергичныхъ и свѣдущихъ въ этой области лицъ, съ которыми можно будетъ сообща предпринять нѣкоторыя большія работы по части научной обработки и изданія въ свѣтъ памятниковъ пермской старины. Но все это, конечно, вопросъ будущаго, предрѣшать котораго нельзя. А теперь, во ожиданіи будущихъ предпріятій общественнаго характера, составляющихъ пока наши pia

*) Впрочемъ моимъ предпріятіямъ не сочувствуютъ, какъ водится, нѣкоторые жалкіе завистники изъ людей одной со мною профессіи, и—не знаю почему—чиновники Оренбургскаго учебнаго округа. Послѣднее обстоятельство едва не заставило меня въ 1886 г. бросить навсегда неблагодарную учительскую службу и поступить въ Археологическій Институтъ, почтившій меня въ прошломъ году избраніемъ въ свои члены, и только нравственная связь съ гимназіей, въ которой я и самъ учился, и научные интересы по отношенію къ давно изучаемому мною краю удержали меня отъ такого намѣренія.

desideria, не мѣшаетъ разобраться въ томъ, что уже сдѣлано лично нами въ теченіе 8 лѣтъ.

Съ чувствомъ живѣйшаго удовольствія не могу не засвидѣтельствовать, что, за немногими исключеніями, я постоянно встрѣчалъ сочувствіе своему предпріятію и потому имѣлъ успѣхъ въ своихъ археографическихъ поискахъ въ предѣлахъ обширной Пермской губерніи. Долго было-бы перечислять людей различныхъ состояній, званій, образованія и общественнаго положенія, съ коими мнѣ пришлось имѣть дѣло во время экскурсій по градамъ и весямъ роднаго края. Съ глубокой признательностью вспоминаю то радушіе, предупредительность и подчасъ рѣдкое въ наше время безкорыстіе, свидѣтелемъ которыхъ я имѣлъ удовольствіе быть много и много разъ. Благодаря этому теплому сочувствію къ моему предпріятію, плодомъ восьмилѣтнихъ скитаній моихъ по губерніи явилось значительное собраніе историческихъ матеріаловъ преимущественно по исторіи Пермскаго края за время съ XVII вѣка до нашихъ дней. Съ каждымъ послѣдующимъ годомъ кругъ знакомствъ увеличивался, и сообразно съ тѣмъ все болѣе обезпечивался успѣхъ частнаго предпріятія. Собранное лѣтомъ приводилось въ порядокъ, научно обработывалось и подготовлялось къ печати зимой. Въ такихъ трудахъ прошли 1881—1888 годы, давъ въ результатѣ уже до 40 статей по исторіи обширнаго Пермскаго края, разбросанныхъ въ разныхъ мѣстныхъ періодическихъ и повременныхъ изданіяхъ. Но поступленіе въ мой частный архивъ новыхъ матеріаловъ постоянно превышало количество изданныхъ въ свѣтъ, почему архивъ этотъ оставляетъ работы еще на много лѣтъ, тѣмъ болѣе что изъ года въ годъ пополняется новыми пріобрѣтеніями. Такъ благодатна еще въ Пермской

губерніи почва для археографическихъ изысканій! Была бы только надлежащая къ тому подготовка и личное желаніе потрудиться на этой почвѣ!

Люди науки не разъ указывали мнѣ на практическое неудобство пользоваться статьями, разбросанными въ разныхъ газетахъ за многіе годы. Особенно много матеріаловъ помѣщено мною въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», полные экземпляры которыхъ за прежніе годы весьма трудно достать даже на мѣстѣ ихъ изданія, въ Перми. На этомъ основаніи мнѣ не разъ высказывалось желаніе, что бы я предпринялъ изданіе всѣхъ своихъ статей въ одномъ сборникѣ. Но, съ одной стороны, для частнаго лица чего стоитъ такое изданіе, а съ другой—какая гарантія въ томъ, что сборникъ спеціальныхъ статей не залежится въ книжныхъ лавкахъ, а уйдетъ въ продажу? Въ 1882 г. Пермскій губернскій статистическій комитетъ, по мысли Д. Д. Смышляева, сдѣлалъ подобную попытку, издавъ въ особомъ сборникѣ историческія статьи Н. К. Чупина; попытка оказалась весьма убыточной для комитета, и едва-ли не половина изданія и сейчасъ лежитъ нераспроданною, показавъ, что спросъ на спеціальныя ученыя изданія въ провинціи ничтоженъ. Въ этихъ видахъ я все откладывалъ изданіе сборника, какъ предпріятіе, казавшееся непосильнымъ при моихъ ограниченныхъ учительскихъ средствахъ. Между тѣмъ изъ года въ годъ число печатныхъ статей моихъ по исторіи Пермскаго края увеличивалось, и неотложная надобность въ изданіи сборника чувствовалась даже при собственныхъ дальнѣйшихъ занятіяхъ. Теперь я рѣшаюсь наконецъ приступить къ изданію сборника своихъ статей подъ общимъ названіемъ «Пермская Старина». Онъ будетъ выходить небольшими выпусками, листовъ въ десять или болѣе

каждый, что сдѣлаетъ изданіе для меня посильнымъ. Нѣсколько выпусковъ иногда будутъ составлять одну серію при однородности матеріала. Такой пріемъ изданія будетъ цѣлесообразнымъ въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, онъ дастъ возможность назначить за каждый выпускъ умѣренную цѣну, и во 2-хъ, предоставитъ каждому возможность пріобрѣсти изъ многаго лишь то, кому что нужно.

Таково происхожденіе и цѣль настоящаго изданія. Оно задумано частнымъ лицомъ при небольшихъ средствахъ и потому не претендуетъ, конечно, на внѣшнюю роскошь. Но въ корректурномъ отношеніи издатель, являющійся вмѣстѣ и авторомъ каждой статьи, старался сдѣлать свое изданіе по возможности безупречнымъ, особенно въ отношеніи подлиннаго текста разныхъ древнихъ актовъ. Каждый выпускъ будетъ распадаться на два отдѣла: 1) изслѣдованія и 2) матеріалы, съ присовокупленіемъ въ нѣкоторыхъ выпускахъ и третьяго отдѣла мелкихъ замѣтокъ. Порядокъ расположенія статей въ своемъ изданіи я принимаю не тотъ, въ какомъ являлись онѣ въ печати первоначально, а стараюсь по возможности сводить однородный матеріалъ въ одну группу. Многія статьи будутъ передѣланы и дополнены вновь добытыми данными по тѣмъ же вопросамъ. Я не буду стѣснять себя никакими заранѣе установленными сроками, такъ какъ печатаніе выпусковъ будетъ зависѣть отъ моихъ матеріальныхъ средствъ, количества свободнаго отъ служебныхъ занятій времени и другихъ внѣшнихъ условій.

Не лишнимъ считаю замѣтить, что многія мои статьи уже вошли въ массивный сборникъ В. Н. Шишонко: «Пермская Лѣтопись», но съ разными сокращеніями и вставками изъ статей другихъ лицъ.

Поэтому я желаю издать свои статьи вновь въ особомъ сборникѣ. Различіе между «Пермской Стариной» и «Пермской Лѣтописью» будетъ состоять, во 1-хъ, въ томъ, что первое изданіе предпринимается въ скромныхъ размѣрахъ частнымъ лицомъ исключительно на свои средства, а второе печатается на средства Пермскаго Губернскаго Земства и задумано по широкой программѣ; во 2-хъ въ томъ, что «Лѣтопись», не представляя самостоятельнаго сочиненія издателя, составляетъ лишь сводъ и перепечатку всего, что было доселѣ напечатано множествомъ лицъ и разныхъ ученыхъ обществъ и учрежденій по исторіи Пермскаго края, а «Старина» есть сборникъ оригинальныхъ статей и критически обработанныхъ матеріаловъ исключительно самого издателя, перепечатываемыхъ нерѣдко въ значительно измѣненной имъ же самимъ редакціи, при чемъ и самые матеріалы большею частію вновь открыты и собраны самимъ авторомъ-издателемъ. Само собою разумѣется, что и библіографическія требованія отъ того и другаго изданія должны быть не одинаковы.

Послѣ настоящей замѣтки считаю нужнымъ привести здѣсь полный списокъ доселѣ напечатанныхъ мною статей и матеріаловъ по исторіи преимущественно Пермскаго края. Онъ покажетъ, какого рода матеріалы были находимы мною и какихъ разнообразныхъ вопросовъ въ прошлой жизни Пермскаго края касаются они. Списокъ этотъ будетъ удлинняться съ каждымъ годомъ. Въ него не вошли, конечно, мои статьи по географіи и этнографіи Пермскаго края, какъ не умѣстныя въ сборникѣ, которому присвоено названіе «Пермской Старины».

Пермь.
1888 г.

Александръ Дмитріевъ.

Списокъ статей автора-издателя по исторіи преимущественно Пермскаго края, напечатанныхъ въ 1882—1888 г.г.

Въ „*Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*“:

1. „Картофельный бунтъ въ Россіи и новый матеріалъ къ его исторіи въ Пермской губерніи“. 1882 г. №№ 37—41.

2. „Изъ прошлой статистики солеваренія въ Соликамскомъ уѣздѣ“. 1882 г. № 71.

3. Библіографическая замѣтка къ сочиненію Ѳ. А. Волегова: „Историческія свѣдѣнія о г.г. Строгановыхъ“. 1882 г. № 81.

4. „Усольская лѣтопись Ѳ. А. Волегова“. 1882 г. №№ 96 и 97.

5. „Полюбовное соглашеніе братьевъ Строгановыхъ въ 1749 году“. 1883 г. № 37.

6. „Раздѣлъ вотчиннаго имѣнія и соляныхъ промысловъ братьевъ Строгановыхъ въ 1747 и 1749 г.г.“ 1883 г. №№ 45, 47, 51—53.

7. „Раздѣлъ имѣній г.г. Строгановыхъ въ бассейнѣ Чусовой въ 1784 г.“. 1883 г. № 68.

8. „Мѣстные историческіе документы о праздновaніи коронованія Петра II, Анны, Елизаветы, Екатерины II и Павла“. (По поводу коронаціи 1883 года). 1883 г. №№ 48, 63 и 64.

9. „Историческій очеркъ поземельныхъ отношеній на Уралѣ съ половины XVIII вѣка въ районѣ бывшихъ имѣній Григорія Дмитріевича Строганова“. 1883 г. №№ 73—79.

10. „Соликамскія лѣтописи“. 1883 г. №№ 80—82, 84—90 и 1884 г. №№ 6—17.

11. „Ѳ. А. Волеговъ, какъ историкъ Строгановыхъ“. 1884 г. №№ 30—34, 36—38.

12. „Историческіе акты XVII вѣка крестьянъ села Антоновскаго Ирбитскаго уѣзда". 1884 г. №№ 85—87.

13. „Историческій актъ XVII вѣка крестьянъ села Шогринскаго Ирбитскаго уѣзда". 1884 г. № 104.

14. „Верхотурскій кремль и подчиненныя ему крѣпости, по описямъ конца XVII и начала XVIII столѣтій". 1885 г. №№ 4, 7—14.

15. „Историческій актъ XVII вѣка крестьянъ села Арамашевскаго Верхотурскаго уѣзда". 1885 г. № 37.

16. „Бывшій Висимскій казенный заводъ". Историческій очеркъ. 1885 г. №№ 45—47.

17. „Начало нынѣшняго города Камышлова". 1885 г. №№ 80—83.

18. „Къ характеристикѣ Е. П. Кашкина, генералъ-губернатора Пермскаго и Тобольскаго". 1885 г. №№ 101 и 102.

19. „Изъ исторіи города Перми". 1886 г. №№ 1—5, 7, 9—12, 14, 16—20, 23, 24, 27, 30, 34, 40, 43, 48, 51, 53—57, 78—87, 89, 91, 92, 94, 96, 99 и 100.

20. „Братство св. Стефана Пермскаго при Пермской гимназіи". Исторія его и отчетъ за 1885 годъ. 1886 г. №№ 80—83.

21. „Кунгурская лѣтопись Пиликиныхъ". 1887 г. №№ 13, 14, 15 и 17.

22. „Библіотека В. В. Голубцова въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи". 1887 г. №№ 32—36.

23. „И. Ф. Грацинскій". Матеріалы къ исторіи Пермской гимназіи. 1887 г. №№ 38—40.

24. „Къ біографіи И. Ф. Грацинскаго". 1887 г. №№ 103—104.

Примѣчаніе: Большая часть перечисленныхъ статей, напечатанныхъ въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1882—1887 т.г. включительно, вышли и отдѣльными оттисками въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

Въ „*Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ*“:

25. „Новоспасскій монастырь въ Москвѣ, какъ усыпальница бояръ Романовыхъ и въ числѣ ихъ—чердынскаго узника Михаила Никитича Романова“. 1888 г. № 4 отъ 16 февраля.

26. „Ростовъ Великій и бывшій Григорьевъ монастырь Затворъ—мѣсто постриженія и приготовленія къ проповѣди св. Стефана Пермскаго“. 1888. г. № 19 отъ 1 октября.

Въ „*Екатеринбургской Недѣлѣ*“:

27. „Чердынскій окружный начальникъ Волковъ и его сподвижники“. 1882 г. № 24.

28. „Посѣщеніе Екатеринбурга Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году“. 1887 г. № 20.

29. „Очерки изъ исторіи города Перми. 1812—1832 годы“. (Продолженіе печатавшихся въ Пермск. Губ. Вѣдом.) 1888 года №№ 5, 7, 9, 11, 14, 17, 20 и 25.

Въ „*Волжскомъ Вѣстникѣ*“:

30. „Ирбитъ и Тюмень, какъ торговые соперники“. За 1884 г. №№ 20 и 22.

31. „О памятникѣ вогулу Чумпину на горѣ Благодати“. 1885 г. № 216.

32. „Писатель-самоучка А. Н. Зыряновъ“. 1885 г. № 224.

33. „Столѣтіе Пермской гимназіи“. 1886 г. №№ 204 и 208.

34. „Посѣщеніе Перми Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ 1837 году“. 1887 г. № 133.

35. „Древній Булгаръ и татарскія о немъ преданія“. 1888 г. №№ 180 и 181.

Въ „*Календарѣ Пермской губерніи на 1883 годъ*“:

36. „Историко-археологическіе очерки Чердынскаго края“.

Въ *„Отчетѣ Пермской классической гимназіи за 188⁶/₇ учебный годъ“:*

37. **„Фундаментальная библіотека Пермской гимназіи“. Историко-библіографическій очеркъ.**

Въ *„Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“:*

38. **„Предсмертное увѣщаніе В. Н. Татищева сыну“. 1886 г. апрѣльская книга.**

Въ журналѣ *„Историческій Вѣстникъ“:*

39. **„Дѣловыя и литературныя диковинки“. 1886 г. Ноябрь.**

40. **Въ защиту „Предсмертнаго увѣщанія В. Н. Татищева сыну“. 1886 г. Декабрь.**

Сверхъ того напечатано въ *„Памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1889 годъ“* (издаваемой мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ):

41. **„Изъ трудовъ Ѳ. А. Волегова по исторіи Строгановыхъ“. „Историко-статистическія таблицы на Пермскія имѣнія г.г. Строгановыхъ со времени пожалованія ихъ, т. е. съ 1558 по 1850 годъ—за 292 года“.**

ОТДѢЛЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Въ первомъ выпускѣ предпринимаемаго мною изданія я помѣщаю историко-археологическую монографію о древней Перми Великой, вновь составленную мною спеціально для настоящаго изданія. Къ этому побудило меня то соображеніе, что исторія обширнаго Пермскаго края получаетъ свое начало въ области древней Перми Великой, отъ которой наша губернія получила и свое названіе. Древнѣйшая исторія Перми Великой служитъ исходною точкою для исторіи всей нынѣшней Пермской губерніи, всѣхъ ея 12 уѣздовъ.

Вопроса о древней Перми Великой я касался уже въ статьѣ: „Историко-археологическіе очерки Чердынскаго края“, напечатанной въ „Календарѣ Пермской губерніи на 1883 годъ“, изданномъ мѣстнымъ статистическимъ комитетомъ, членомъ коего я состою. Но эта статья не имѣетъ спеціальнаго характера, а представляетъ собою рядъ популярныхъ очерковъ по первоначальной исторіи Пермскаго края. Она написана была довольно поспѣшно, къ опредѣленному сроку, а именно къ предстоявшему 18 октября 1881 г. столѣтнему юбилею Перми и Пермской губерніи. Не оконченная въ свое время по недостатку времени и сданная въ черновомъ, такъ сказать, видѣ въ статистическій комитетъ, она попала затѣмъ въ такомъ же видѣ въ печать, по усмотрѣнію тогдашняго секретаря комитета. Само собой разумѣется, что, составленная при такихъ обстоятельствахъ, статья носитъ на себѣ отпечатокъ поспѣшности и теперь, чрезъ семь лѣтъ, совершенно уже не удовлетворяетъ самого автора. Отъ нѣкоторыхъ прежнихъ положеній, высказанныхъ въ ней, я теперь долженъ отказаться въ силу болѣе близкаго ознакомленія съ исторіей и археологіей Перми Великой. Таковъ въ особенности труднѣйшій для рѣшенія вопросъ о самомъ объемѣ, границахъ и административномъ дѣленіи Перми Великой.

Меня всегда интересовалъ вопросъ о древней Перми Великой, а въ последнее время я спеціально занялся исторіей Великопермской страны и результаты своихъ изысканій теперь предлагаю благосклонному вниманію спеціалистовъ въ I выпускѣ своей „Пермской Старины". Если и въ этомъ изслѣдованіи встрѣтятся какіе либо недосмотры, упущенія, то да извинятъ ихъ мнѣ мои критики во 1-хъ тѣмъ, что изслѣдованіе писано въ далекой Перми, при относительно невыгодныхъ для всякой серьезной научной работы условіяхъ, а во 2-хъ—самой сложностью вопроса о древней Перми Великой, большой запутанностью его въ русской исторической литературѣ и относительной бѣдностой содержанія всѣхъ предъидущихъ научныхъ изслѣдованій въ этой области.

Главнѣйшей цѣлью настоящаго изслѣдованія былъ вопросъ о границахъ такъ называемой Перми Великой, доселѣ рѣшавшійся крайне поверхностно, такъ какъ всѣ предъидущіе изслѣдователи касались его, такъ сказать, мимоходомъ, при чемъ игнорировали важнѣйшіе мѣстные историческіе источники—писцовыя книги. А безъ нихъ этотъ вопросъ никогда не былъ бы рѣшенъ удовлетворительно. Въ связи съ нимъ мы старались дать посильный отвѣтъ на вопросъ объ административномъ дѣленіи и управленіи Перми Великой, начиная съ XV и до XVII вѣка. Но прежде чѣмъ перейти къ самостоятельному рѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ, я счелъ необходимымъ сгруппировать мнѣнія всѣхъ предъидущихъ изслѣдователей нашего вѣка о древнихъ обитателяхъ Великопермской страны, степени культурнаго ихъ развитія, древнихъ торговыхъ путяхъ и т. д. Самыхъ разнорѣчивыхъ мнѣній было высказано такъ много, что не только помирить, но сгруппировать ихъ болѣе или менѣе удовлетворительно представляется дѣломъ весьма нелегкимъ. Насколько умѣло исполнили мы эту задачу—судить не намъ.

Пермь. 1888 г. *А. Дмитріевъ.*

ДРЕВНЯЯ ПЕРМЬ ВЕЛИКАЯ

ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ НАУЧНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Исторія нынѣшней Пермской губерніи, широко раскинувшейся на обоихъ склонахъ и по самому гребню средняго Урала, на пространствѣ въ шесть тысячъ квадратныхъ миль, начинается съ сѣверо-западнаго ея угла. Въ предѣлахъ нынѣшнихъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ, на верхнемъ теченіи Камы и ея сѣверныхъ притоковъ, упоминаются древнѣйшіе, исторически извѣстные, города съ инородческими названіями; здѣсь первоначально появляется смѣлый и предпріимчивый русскій колонизаторъ; здѣсь же возсіялъ впервые крестъ христіанскаго храма. Слѣдовательно, сѣверо-западный уголъ нынѣшней Пермской губерніи есть колыбель русской гражданственности для всего, столь обширнаго нынѣ, Пермскаго края, первоначально инородческо-языческаго, а съ XV вѣка русско-христіанскаго края.

Какъ и всюду, принятіе христіанства въ этомъ краѣ въ 1462—63 г.г. было историческимъ фактомъ первостепенной важности. Другимъ весьма важнымъ моментомъ въ исторической жизни Пермскаго края было политическое подчиненіе его въ 1472 году власти великихъ государей Московскихъ, уничтожившее послѣдніе остатки прежней автономіи. Третьимъ исторически важнымъ событіемъ въ жизни верхняго Покамья нужно считать появленіе въ этомъ финскомъ краѣ предпріимчивыхъ новгородцевъ и первоначальное подчиненіе Пермскихъ князей власти Великаго Новгорода. Но за отдаленностью его отъ нашего времени мы лишены возможности точно обозначить время этого событія. Фактъ политическаго подчиненія Пермской земли Новгороду теряется во мракѣ новгородской исторіи, съ которою долго сливалась пермская исторія. Лѣтопись повѣдала намъ только, что уже въ XI

вѣкѣ отважные новгородцы ходили за Уралъ, въ страну Югры, для собиранія съ нея дани; а путь ихъ лежалъ, конечно, чрезъ землю Пермскую. Отодвигая такимъ образомъ фактъ перваго появленія русскихъ въ Пермскомъ краѣ приблизительно къ XI вѣку, мы углубляемся затѣмъ въ еще болѣе отдаленное отъ насъ и потому еще менѣе извѣстное намъ время исключительнаго господства инородцевъ въ этомъ обширномъ краѣ. Это—темный и длинный до-славянскій періодъ, называемый иногда *чудскимъ*, иначе—доисторическая эпоха въ жизни Пермскаго края.

Все сказанное даетъ намъ достаточно прочное научное основаніе установить въ жизни Пермскаго края слѣдующіе *главные* періоды, которые въ свою очередь могутъ быть подраздѣлены на второстепенныя части:

I. *Доисторическій періодъ* съ его обычнымъ подраздѣленіемъ на три части, продолжающійся для Перми приблизительно до XI вѣка,—время самостоятельнаго, политически независимаго существованія пермскихъ инородцевъ, часто объединяемыхъ въ народной памяти подъ общимъ названіемъ *Чуди*. Памятниками его служатъ нѣкоторыя древнія народныя преданія, прежнія и современныя географическія названія рѣкъ, горъ, урочищъ, древнѣйшихъ поселеній и т. д. и многочисленныя *городища* съ ихъ каменными, костяными, бронзовыми, мѣдными и желѣзными вещами, находимыми и по сіе время. Древнѣйшіе обладатели такихъ вещей въ наукѣ получили названіе „Пермской Чуди".

II. *Новгородскій періодъ* приблизителвно съ XI и до XV вѣка—время, такъ сказать, вассальной зависимости Пермской земли отъ Новгорода Великаго. Важнѣйшими источниками для его изученія служатъ Новгородскія лѣтописи, договорныя грамоты Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими, Епифаніево житіе св. Стефана Пермскаго XIV в. и отчасти другія древне-русскія лѣтописи. Переходъ отъ новгородской зависимости къ московской совершался для

Пермской страны постепенно, болѣе или менѣе продолжительное время, но окончательное завоеваніе Пермской земли Іоанномъ III относится къ 1472 году.

III. *Московскій періодъ*, съ его подраздѣленіями на отдѣльныя части, продолжался, какъ и въ другихъ областяхъ Русскаго государства, до XVIII вѣка. Это—время полнаго подчиненія Пермской земли Москвѣ.

Дальнѣйшая исторія Пермскаго края довольно рѣзко подраздѣляется на двѣ главныя части—до открытія особаго Пермскаго намѣстничества въ 1781 году и послѣ того. Впрочемъ, это подраздѣленіе является общимъ для всего нашего государства, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей.

I.

Современное состояніе вопроса о Финнахъ вообще, такъ называемой Чуди и въ частности о народѣ Пермь (Пермякахъ).

До учрежденія громадной Сибирской губерніи при Петрѣ Великомъ въ 1708 году, съ подраздѣленіемъ ея въ 1719 году на три провинціи—Вятскую, Соль-Камскую и Тобольскую, сѣверо-западная часть нынѣшней Пермской губерніи, отъ вологодской границы до рѣки Чусовой включительно, во всѣхъ правительственныхъ актахъ постоянно именовалась *Пермью Великой*. Названіе это весьма древняго происхожденія, поэтому давно занимало очень многихъ ученыхъ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ и создало уже большую литературу. Дѣло въ томъ, что историческіе источники допускаютъ значительную неопредѣленность и сбивчивость въ употребленіи слова *Пермь* то безъ всякихъ опредѣленій, то съ прибавленіемъ „Великая", „Малая", „Старая". Трудно подвести итогъ всему, что было высказано въ разное время многими учеными относительно значенія этихъ словъ. Въ

одномъ, думается, мы не ошибемся, если скажемъ, что вопросъ этотъ въ наукѣ всё еще не получилъ окончательнаго и вполнѣ удовлетворительнаго разрѣшенія; все еще слишкомъ много мѣста отводится въ данномъ случаѣ догадкамъ и личнымъ предположеніямъ, болѣе или менѣе смѣлымъ, рѣшительнымъ. Рѣдкая путаница въ рѣшеніи этого вопроса въ значительной степени объясняется тѣмъ, что названіе *Пермь*, и безъ того употреблявшееся, какъ видимъ, въ неодинаковомъ каждый разъ смыслѣ, многіе ученые вздумали сближать и даже отождествлять съ скандинавскимъ словомъ *Біармія*, смыслъ котораго для насъ, конечно, еще болѣе теменъ, загадоченъ. Другою причиною запутанности вопроса о древней Перми служило то обстоятельство, что ученые старались одновременно рѣшить двѣ задачи, дѣйствительно имѣющія между собою самое близкое соотношеніе—что такое была Пермь, какъ страна, и Пермь, какъ народъ? въ какихъ границахъ заключалась эта страна съ одноименнымъ ей населеніемъ? какого происхожденія это населеніе? на какой степени культурнаго развитія стояла Пермь? и т. д. Ясно, что этотъ сложный историческій вопросъ представляетъ собою двѣ стороны и требуетъ двухъ рѣшеній. Принимая за Пермь Великую сѣверо-западную часть Пермской губерніи до рѣки Чусовой включительно и откладывая доказательства этого до слѣдующихъ главъ, мы займемся сперва вопросомъ о древнихъ обитателяхъ Перми.

Разбираясь въ массѣ всевозможныхъ мнѣній о древнихъ Финнахъ, высказанныхъ только въ нашемъ вѣкѣ (о прошломъ мы уже не станемъ говорить), замѣчаемъ, что этнологическая сторона вопроса болѣе занимала всѣхъ ученыхъ, нежели сторона топографическая. Какъ извѣстно, изслѣдованіе происхожденія финскихъ народовъ, съ незапамятныхъ временъ заселявшихъ сѣверъ Россіи, создало въ наукѣ нашего вѣка цѣлую *алтайскую теорію* происхожденія финскаго племени, особенно хорошо разработанную въ трудахъ извѣст-

наго финнолога *Кастрена* *). Но не успѣла еще упрочиться эта теорія, какъ подъ вліяніемъ венгерскаго ученаго *Антона Регули* и его послѣдователя *Павла Гунфальви*, издателя „Наслѣдства Антона Регули“ (Пештъ 1864 г.), а затѣмъ финляндскаго ученаго *Августа Альквиста* возникаетъ *угорская теорія* общаго происхожденія Остяковъ, Вогуловъ и Венгровъ, полагавшая уже мѣстомъ первобытнаго ихъ появленія сѣверъ Европейской Россіи (мнѣніе *Д. Европеуса*), также Уралъ (мнѣніе *Макса Мюллера*) и т. д. и обособлявшая остальныхъ финновъ, и въ томъ числѣ нашихъ Зырянъ, Пермяковъ и Вотяковъ, въ особыя группы, число которыхъ у разныхъ ученыхъ не одинаково **).

Одновременно съ раздѣленіемъ всѣхъ финновъ то на 2, то на 3, то на 4 вѣтви, въ наукѣ возникаетъ не менѣе спорный вопросъ о племени *Чуди*, съ одной стороны упоминаемомъ въ древнѣйшихъ источникахъ русской исторіи, какова наша первоначальная лѣтопись, а съ другой сохранившемся въ народныхъ преданіяхъ до сихъ поръ. Изслѣдователи этого вопроса опять раздѣляются на разныя группы:

*) Изъ трудовъ *Кастрена* особенно важное значеніе имѣетъ изданный академикомъ *Шифнеромъ*: «Ethnologische Vorlesungen ueber die altaischen Völker». S.-Petersb. 1857 г. и весьма интересныя его «Путешествія и письма» въ 1838—44 г.г. и 1845—49 г.г., въ русскомъ переводѣ въ «Магазинѣ землевѣдѣнія и путешествій» Фролова. Москва, 1860 г., томъ VI.

**) *Европеусъ* всѣхъ финновъ дѣлитъ на двѣ группы: Угорскую и Чудскую или собственно Финскую. *Кастренъ* восточную вѣтвь Финскаго племени подраздѣляетъ на три группы: Волжскую, Камскую и Уральскую. Знаменитый представитель школы сравнительнаго языковѣдѣнія, *Максъ Мюллеръ*, всѣхъ финновъ дѣлитъ уже на четыре вѣтви: Угорскую, Булгарскую, Пермскую и Чудскую (см. его «Лекціи по наукѣ о языкѣ» (переводъ съ англійскаго, СПБ. 1865 г., стр. 241—243 и 303). *Европеусъ* печаталъ свои изслѣдованія объ угорскихъ народахъ въ журналѣ «Suomi» 1868 г., издаваемомъ «Финскимъ литературнымъ обществомъ въ Гельсингфорсѣ». На русскомъ языкѣ см. его статью: «Къ вопросу о народахъ, обитавшихъ въ средней и сѣверной Россіи до прибытія Славянъ» въ «Журналѣ Министер. Народн. Просвѣщ.» 1868 г., іюль, стр. 67 и др. *Альквистъ* печаталъ свои труды также въ Гельсингфорсѣ; таковы: «Ethnographische Schilderung der Wogulen»; «Unter Ostjaken und Wogulen». 1882 г. и другіе. Объ остякахъ важныя сообщенія въ послѣднее время сдѣлалъ еще *Н. Л. Гондатти*. Литература о Финнахъ вообще очень обширна.

одни, и преимущественно поклонники прославленной Біарміи или Біармландіи, утверждали, что нынѣшніе финскіе обитатели русскаго сѣвера суть *прямые* потомки древней Чуди; другіе скептически отвергали это положеніе, ссылаясь на его преждевременность при современномъ запасѣ нашихъ свѣдѣній по антропологіи финновъ нынѣшнихъ и прежнихъ*). Одни видѣли въ названіи *Чудь* обобщеніе всѣхъ финновъ, *чуждыхъ* по происхожденію и языку русскимъ; такъ, *С. М. Соловьевъ* слово „Чудь" считаетъ русскимъ названіемъ всего племени, „Финнъ"—нѣмецкимъ, „Суомалайнъ"—своенародным ъ („Исторія", I, 76). Другіе, строго держась древнелѣтописной этнографической номенклатуры, пріурочивали это названіе только къ обитателямъ Заволочья и Балтійскаго побережья; наприм. *Максъ Мюллеръ*, называющій Чудскою только одну изъ четырехъ вѣтвей финскаго племени, и *Н. И. Костомаровъ* **). Не говоримъ уже про болѣе широкую классификацію народовъ всего Туранскаго племени, гдѣ разногласіе ученыхъ часто бьетъ въ глаза, доказывая тѣмъ самымъ все еще недостаточное знакомство ихъ съ многочисленными языками этого племени. Довольно сказать, что Волжско-Камскихъ Булгаръ нѣкоторые считаютъ финнами *(Мюллеръ)*, другіе приписываютъ имъ даже славянское происхожденіе *(Д. И. Иловайскій)* ***.

Въ частности относительно занимающей насъ Перми изъ многихъ мнѣній, доселѣ высказанныхъ учеными, пока

---

*) Лучшія изслѣдованія по вопросу о Чуди безспорно принадлежатъ академику *Шегрену* (Sjögrén) въ его «Historisch—ethnographische Abhandlungen ueber die finnisch—russischen Norden». St.-Petersb. 1861 г. Ранѣе его о Чуди написалъ прекрасныя статьи профессоръ *Эйхвальдъ:* 1) «Чудскія племена въ Россіи» въ «Вѣстникѣ естественныхъ наукъ» 1855 г. №№ 7—9 и 2) «О чудскихъ копяхъ» въ «Запискахъ Императ. Русскаго Археологич. Общества» т. IX, стр. 269—370. Каждый финнологъ неизбѣжно встрѣчается съ вопросомъ о древней Чуди.

**) «Сѣверно-русскія народоправства» СПБ. 1863 г., т. I, стр. 17, 402.

***) «Исторія Россіи» ч. 1-я: Кіевскій періодъ. Москва 1876 г., стр. 26 и примѣчаніе 7-е Д. И. Иловайскій основываетъ мнѣніе о славянствѣ Булгаръ на показаніяхъ арабскихъ писателей Ибнъ-Фадлана и Масуди.

можно вывести одно болѣе или менѣе устойчивое научное заключеніе. что *нынѣшніе Пермяки суть прямой остатокъ прежней Перми,* упоминаемой въ древнихъ памятникахъ письменности, по которымъ и можно прослѣдить постепенное видоизмѣненіе прежняго названія. Такъ въ „Уставной грамотѣ Чердынцевъ и Усольцевъ“ 1553 года упоминаются Пермичи, Великопермцы и *Пермяки*—нынѣшняя форма народнаго названія *). *Что же касается непосредственной генетической связи самого народа Пермь съ Чудью, то этотъ вопросъ въ наукѣ всё таки остается открытымъ.*

Затѣмъ что касается племеннаго отношенія нынѣшнихъ Пермяковъ къ другимъ финскимъ народамъ, то по языку они почти нисколько не отличаются отъ Зырянъ и очень близки къ Вотякамъ, составляя съ ними несомнѣнно одну этнографическую семью. Такого мнѣнія держались ученые *Кеппенъ, Видеманъ, Шегренъ, Максъ Мюллеръ* и другіе. Послѣдній Пермяковъ, Зырянъ и Вотяковъ принимаетъ за одну, такъ называемую имъ, *пермскую вѣтвь* финскаго или уральскаго класса Туранскаго семейства народовъ“. „Пермская вѣтвь, говоритъ онъ, заключаетъ идіомы Вотяковъ, Зырянъ и Пермяковъ—три діалекта одного языка“. („Лекціи“, стр. 243). Шегренъ признаетъ древнюю Пермь за непосредственныхъ предковъ нынѣшнихъ Пермяковъ, а подъ Печерой, въ источникахъ упоминаемой рядомъ съ Пермью, разумѣетъ Зырянъ. Но лучше всего близкое родство Пермяковъ съ Зырянами и Вотяками доказано изслѣдованіями *П. И. Савваитова* и *Н. А. Рогова,* изъ коихъ первый—уроженецъ Вологодскаго, а другой—Пермскаго края и оба отлично изучили эти финскія нарѣчія каждый на своей родинѣ. Относительно

*) Грамота напечатана въ книгѣ *Берха:* «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ» СПБ. 1821 г., гдѣ см. стр. 129. Въ этомъ документѣ слово «Пермякъ» встрѣчается едва-ли не впервые въ предѣлахъ Пермской губерніи. А на Двинѣ оно употреблялось еще въ 1471 году. См. «Акты Археогр. Экспедиціи» т. I, № 94.

же Вотяковъ укажемъ на ученые труды *Видемана*, изданные на нѣмецкомъ языкѣ*).

Таковы взаимныя этнографическія отношенія трехъ народовъ, населяющихъ теперь губерніи Пермскую, Вологодскую, отчасти Архангельскую и Вятскую. Нѣтъ основаній сомнѣваться въ еще большей родственной близости ихъ въ древнія времена. Это слѣдуетъ уже изъ того, что Пермяки и Зыряне долго объединялись въ одномъ наименованіи *Пермянъ*, что видимъ между прочимъ въ извѣстномъ Епифаніевомъ житіи св. Стефана Пермскаго XIV вѣка.

II.

Степень культурнаго развитія обитателей древней Перми, по даннымъ раскопокъ. Скептики Біарміи.

Указавъ мѣсто Пермяковъ, прямыхъ потомковъ древней Перми, въ обширной семьѣ финскихъ народовъ, остановимся теперь на вопросѣ о степени культурнаго развитія обитателей Перми въ древнѣйшія времена. И этотъ вопросъ въ наукѣ относится къ числу весьма спорныхъ, какъ все, касающееся древнѣйшей эпохи Финновъ. Причина этого таже—

*) Николай Абрамовичъ *Роговъ*, мнѣ лично и близко знакомый, и сейчасъ живетъ въ селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда и губерніи, состоя на службѣ у графа С. А. Строганова. Его «Опытъ грамматики Пермяцкаго языка» (СПБ. 1860 г.) во многомъ напоминаетъ по пріемамъ изложенія «Зырянскую грамматику» *П. И. Савваитова*, что при ближайшемъ родствѣ этихъ двухъ народовъ было необходимо и сдѣлано по совѣту академика *Шегрена*. «Пермяцко-Русскій и Русско-Пермяцкій словарь» Н. А. Рогова (СПБ. 1869 г.) доселѣ остается единственнымъ въ своемъ родѣ трудомъ по отношенію къ Пермяцкой народности. Н. А. Роговъ долго жилъ въ самомъ центрѣ Пермяцкаго населенія, въ такъ назыв. Иньвенской дачѣ Строгановыхъ Соликамск. уѣзда, гдѣ и производилъ всѣ свои наблюденія надъ Пермяками. Относительно Зырянъ въ послѣднее время получили громкую извѣстность изслѣдованія г. *Лыткина*, о коихъ будетъ рѣчь впереди. О Вотякахъ весьма важны труды *Видемана:* «Grammatik der wotjakischen Sprache». Reval. 1851 г. и къ ней словари вотяцко-нѣмецкій и нѣмецко-вотяцкій. Тотъ же Видеманъ составилъ грамматику языковъ Зырянскаго и Черемисскаго; обѣ вышли въ Ревелѣ въ 1847 году.

отсутствіе положительныхъ научныхъ данныхъ и крайняя неопредѣленность и шаткость существующихъ о древней Перми свидѣтельствъ. Отдаленное прошлое Перми скрыто отъ насъ такимъ же, почти непроницаемымъ для взора историка, туманомъ, какой господствуетъ до сихъ поръ въ исторіи древней Скиѳіи. Всѣ изслѣдователи древнѣйшей Перми раздѣлились на двѣ, рѣзко очерченныя, группы: на поклонниковъ нѣкогда славной будто-бы Біарміи, именовавшейся у русскихъ Славянъ Пермью, и на скептиковъ, считающихъ эту прославленную Біармландію столько же плодомъ фантазіи скандинавскихъ скальдовъ, сколько и простого недоразумѣнія позднѣйшихъ ученыхъ. Одни считали важнѣйшимъ источникомъ для изученія древней Перми скандинавскія саги, сбивчивыя и смутныя свидѣтельства арабскихъ писателей и находки въ предѣлахъ бывшей Біарміи древнѣйшихъ восточныхъ монетъ и разныхъ золотыхъ и серебряныхъ вещей необыкновенной древности. Таковы наприм. въ нашемъ вѣкѣ *Расмуссѣнъ* и *Сенковскій*, а за ними даже *Павелъ Савельевъ*, авторъ извѣстной „Мухаммеданской нумизматики въ отношеніи къ Русской исторіи“ (СПБ. 1847 г.), *Гаркави*, авторъ „Сказаній мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ“. (СПБ. 1870 г.), *Н. Полевой*, авторъ „Очерковъ Русской исторіи въ памятникахъ быта“ (СПБ. 1879 г., т. I, стр. 145—152)*. Другіе ученые за непреложныя свидѣтельства

*) Со словъ плѣннаго шведа *Табберта фонъ Штраленберга*, написавшаго сочиненіе «Das Nord und Ostlische Theil von Europa und Asien» (Stokholm. 1730 г.), Біармію восхваляли потомъ многіе ученые, напр. *Ломоносовъ*, *Чулковъ* въ извѣстномъ «Описаніи Россійской Коммерціи» и другіе. Въ нашемъ вѣкѣ, на основаніи сказаній арабскихъ писателей и средневѣковыхъ географовъ Копенгагенскій профессоръ *Расмуссѣнъ* написалъ «Историческій и географическій опытъ о торговлѣ и сношеніяхъ Арабовъ и Персовъ съ Россіею и Скандинавіею» (переводъ въ «Русскомъ Зрителѣ» 1828 г., ч. 2-я, №№ VII и VIII), гдѣ также отдаетъ дань уваженія древнимъ Біармійцамъ и Сириніанійцамъ, какъ онъ величаетъ древнихъ Зырянъ. Немного спустя, нашъ извѣстный баронъ *Брамбеусъ (Сенковскій)*, въ своихъ статьяхъ о скандинав. сагахъ не пропустилъ случая въ томъ же хвалебномъ духѣ поговорить о древней Біарміи (см. «Библіотеку для чтенія» за 1834 г., т. 1 и 2). Было не мало и другихъ хвалителей этой страны, но перечислять ихъ было бы и долго, и безполезно.

о культурномъ состояніи древняго народа Пермь и Чуди (если только это одно и тоже), принимають только то, что въ настоящее время говорять намъ достовѣрнѣйшіе источники—лѣтописи, затѣмъ многочисленныя „чудскія городища" съ ихъ остатками глубокой старины и данныя антропологіи (или собственно краніологіи) и филологіи. Уже трезвый умъ *Карамзина* не могъ помириться съ увѣреніями разныхъ хвалителей Біарміи, и въ первомъ же томѣ его „Исторіи Государства Россійскаго" мы читаемъ слѣдующія достопамятныя для своего времени слова: „Исландскія повѣсти наполнены сказаніями о сей великой Финской области; но *баснословіе ихъ можетъ быть любопытно для однихъ легковѣрныхъ*" (Изд. Смирдина, т. I, стр. 42). *С. М. Соловьевъ* также не придаетъ значенія старымъ баснямъ о Біарміи и свои воззрѣнія на Финновъ основываетъ главнѣйшимъ образомъ на древне-русской лѣтописи, при чемъ, по его мнѣнію, разные финскіе народы, подобно славянскимъ, стояли не на одинаковой степени культурнаго развитія. („Исторія Россіи", т. I, стр. 76—79). Авторитетный историкъ нашего времени *Д. И. Иловайскій* недавно высказалъ со своей стороны сомнѣніе въ высокой культурѣ Біарміи. („Исторія Россіи". Москва 1880 г. ч. 2-я, примѣчаніе къ ней 24).

Въ послѣднее время вопросъ о культурѣ древней Чуди изъ рукъ историковъ переданъ въ руки натуралистовъ и разрѣшается преимущественно на почвѣ естествознанія, что въ отношеніи исчезнувшихъ народностей весьма цѣлесообразно въ научномъ отношеніи. Правда, и многіе филологи, особенно финляндскіе и венгерскіе, дѣятельно занимаются изученіемъ прежнихъ и нынѣшнихъ финновъ, но имъ врядъ-ли удастся когда нибудь разрѣшить вопросъ о племени древней Чуди и ея генетическомъ отношеніи къ другимъ племенамъ за полнымъ, совершеннымъ отсутствіемъ древнѣйшихъ письменныхъ памятниковъ ея языка. Поэтому о древней Чуди и ея культурѣ остается судить только по вещественнымъ памятникамъ,

добываемыхъ путемъ курганныхъ раскопокъ. И нужно отдать справедливость той энергіи и настойчивости, съ какою ведется это дѣло повсемѣстно въ Россіи съ легкой руки незабвеннаго графа *А. С. Уварова,* отца русской доисторической археологіи. Въ настоящее время наши ученыя общества, во главѣ съ Московскимъ Археологическимъ, уже обладаютъ весьма значительнымъ количествомъ курганныхъ вещей доисторической эпохи, систематическое описаніе которыхъ въ отношеніи каменнаго вѣка предпринялъ самъ покойный иниціаторъ этого дѣла въ своемъ классическомъ трудѣ „Археологія Россіи“ (т. I и II, Каменный періодъ. Москва. 1881 года). Всѣмъ достаточно извѣстно, что дали до сихъ поръ наукѣ наши курганныя раскопки. Теперь въ рѣдкомъ даже провинціальномъ музеѣ ученаго общества не встрѣтишь особаго отдѣла доисторическихъ древностей. Каждое лѣто ученыя общества командируютъ въ разныя мѣстности своихъ членовъ для изслѣдованія древнихъ городищъ и кургановъ, кладбищъ, костищъ и т. п. — на всемъ необъятномъ пространствѣ отъ Варшавы до Иркутска, отъ Улеоборга до Эривани и Самарканда. Годъ отъ году все больше поднимается та завѣса, которая скрываетъ отъ пытливаго взора ученыхъ отдаленнѣйшія доисторическія времена нашего отечества. Конечно, ученые не обошли вниманіемъ и Пермскую губернію, тѣмъ болѣе что Уралъ иногда принимается, какъ мы видѣли, за первобытную родину нѣкоторыхъ народностей.

Что же сдѣлано доселѣ по доисторической археологіи Пермскаго края? У насъ было до сихъ поръ три замѣчательныхъ мѣстныхъ изслѣдователя костищъ, городищъ и кургановъ: въ зауральской половинѣ губерніи Мих. Виктор. *Малаховъ* († 1885 г.) и Александръ Никиф. *Зыряновъ* († 16 ноября 1884 г.), а въ пріуральской—Александръ Ефимов. *Теплоуховъ* († 17 апрѣля 1885 г.). Находки первыхъ двухъ теперь составляютъ собственность музея „Уральскаго Общества любителей естествознанія“ въ г. Екатеринбургѣ и частью

„Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“ въ С.-Петербургѣ, гдѣ М. В. Малаховъ нѣкоторое время состоялъ секретаремъ, а древности А. Е. Теплоухова теперь находятся въ рукахъ его сыновей въ с. Ильинскомъ, Пермскаго уѣзда и губерніи, при чемъ коллекція эта дѣятельно пополняется въ настоящее время *Ѳед. Ал. Теплоуховымъ**). Кромѣ того было и есть нѣсколько другихъ любителей по части собиранія древнихъ вещей, при чемъ, къ сожалѣнію, за это дѣло берутся иногда люди безъ малѣйшей къ нему подготовки. Но пріѣзжихъ съ археологической цѣлью ученыхъ въ нашей губерніи перебывало много, и не далѣе какъ лѣтомъ 1887 г. отъ Московскаго Археологическаго Общества были командированы сюда профессоръ-антропологъ *Д. Н. Анучинъ* и извѣстный изслѣдователь Остяковъ *Н. Л. Гондатти*—для изученія преимущественно бронзоваго вѣка на пермскомъ Уралѣ. Значительная часть пермскихъ доисторическихъ древностей теперь находится такимъ образомъ за предѣлами нашей губерніи. Намъ извѣстно, что покойный А. Е. Теплоуховъ отправлялъ даже нѣкоторыя интересныя археологическія находки въ музеи заграничныхъ ученыхъ обществъ**).

Въ частности въ предѣлахъ бывшей Перми Великой, т. е. уѣздахъ Чердынскомъ, Соликамскомъ, Пермскомъ, Оханскомъ и частію Кунгурскомъ и Слободскомъ Вятской губерніи,—изслѣдованіе городищъ началось еще въ прошломъ вѣкѣ. Первыя описанія ихъ мы находимъ въ путешествіи капитана *Рычкова* 1769—70 г.г. Осмотрѣвъ городища Вятскаго края и въ числѣ ихъ городище въ пяти верстахъ отъ Глазова, на правомъ берегу Чепцы, и городище у села

*) Во всей Пермской губерніи только и существуетъ два *богатыхъ* собранія мѣстныхъ доисторическихъ древностей — въ г. Екатеринбургѣ и селѣ Ильинскомъ Пермскаго уѣзда.

**) Небогатые результаты экскурсіи Анучина и Гондатти см. въ «Указателѣ выставки при VII Археологическомъ Съѣздѣ» (Ярославль. 1887 года). О пермскихъ доисторическихъ древностяхъ, разсѣянныхъ теперь повсюду, см. «Археологію Россіи» графа *А. С. Уварова* (Москва. 1881 г.) т. II, стр. 9 и 108 и рисунки при немъ.

Балезина, Рычковъ вступилъ въ предѣлы Соликамскаго уѣзда. На пути по этому краю онъ видѣлъ городище въ 2 верстахъ отъ с. Рождественскаго на р. Обвѣ, подробно имъ описанное (стр. 74—76), гор. у села Купросъ (стр. 78), у Майкора (тамъ же) и въ 15 верстахъ отъ него на р. Иньвѣ (стр. 79), у села Городищенскаго на Камѣ (стр. 81), близъ Висимскаго завода (стр. 82). Затѣмъ Рычковъ останавливается на городищахъ Чердынскаго края: по р. Колвѣ — у села Покчи (115 стр.), у с. Вильгорть (тамъ же), у с. Искоръ (115—116); затѣмъ описываетъ „камни“ по р. Колвѣ: Ветланъ, Дивій (116—118) съ его пещерою (118—122) и Боецъ; далѣе опять городища — въ 5 верстахъ отъ села Ныробъ и у деревни Губиной, на берегу Камы, въ 25 верстахъ отъ Чердыни, которое Рычковъ считаетъ нѣкогда главнѣйшимъ поселеніемъ Чуди и описываетъ особенно подробно (стр. 125—126). „Я съ великимъ примѣчаніемъ, пишетъ онъ, разсматривалъ всѣ городища, находящіеся внутрь и внѣ предѣловъ Пермской провинціи: но сіе изъ всѣхъ городищъ есть превосходнѣйшее“ (стр. 126). Проѣхавъ затѣмъ опять въ Соликамскій и Пермскій уѣзды, Рычковъ осмотрѣлъ городище на Камѣ близъ деревни Старой Горевой, въ 28 верстахъ отъ Висимскаго завода, и городище въ 2 верстахъ отъ устья р. Чусовой у Алебастровой горы (130—132)*).

Въ 1810-хъ годахъ Василій Никол. *Берхъ*, чиновникъ Пермской казенной палаты, а впослѣдствіи извѣстный „исторіографъ русскаго флота“ и историкъ трехъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ, изслѣдовалъ нѣсколько Чердынскихъ городищъ, а именно: „Чудское городище“ на лѣвомъ берегу Камы въ Пянтежской волости и такія же городища у деревни Уролъ и села Искоръ, что въ 10 верстахъ къ югу отъ историческаго села Ныробъ. Въ первомъ городищѣ не оказалось

*) «Журналъ или дневныя записки путешествія» капитана *Рычкова* въ 1769—1770 г.г. СПБ. 1770 г. О древнихъ пещерахъ въ Перми Великой см. у *Лепехина* «Продолженіе дневныхъ записокъ», ч. III, СПБ. 1780 г.

ничего, кромѣ шлака и угля, во второмъ Берхъ нашелъ битыя изъ глины печи, а въ Искорѣ — нѣсколько желѣзныхъ вещей, мѣдныя серьги и серебряное кольцо*). В. Н. Берхъ три раза ѣздилъ въ Чердынь и Соликамскъ, очень старательно собиралъ историческія свѣдѣнія о тѣхъ мѣстахъ**) и пришелъ къ совершенно отрицательнымъ заключеніямъ о мнимомъ величіи и славѣ древней Біарміи и Біармійцевъ, а также и самаго города Чердыни. „Всѣ почти историки наши, говоритъ почтенный изслѣдователь, сочинители географическихъ словарей и Чулковъ въ плодовитомъ описаніи своемъ о Россійской коммерціи утверждаютъ единогласно или, лучше сказать, *повторяютъ безъ всякаго изысканія*, что нынѣшняя Пермь есть Біармія древнихъ. Въ опроверженіе сего несправедливаго заключенія помѣщу я здѣсь отрывокъ изъ сочиняемой мною исторіи географическихъ открытій Россіянъ" („Путешествіе", стр. 60). Сдѣлавъ затѣмъ очень обстоятельный разборъ мнѣній о Біарміи разныхъ ученыхъ XVIII вѣка, какъ русскихъ, Чулкова въ особенности, такъ и иностранныхъ, преимущественно шведскихъ, приведя даже свидѣтельства Цицерона, Плинія и Халкондилы, Берхъ приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „Удивляюсь толь неосновательнымъ заключеніямъ!" (стр. 70); „какъ неопредѣлительны настоящія границы бывшей Біарміи!" (стр. 68); „полагаютъ, что Великою названа Пермія по своей знаменитости, но едва-ли сіе заключеніе справедливо" (стр. 70); „я, имѣвъ случай быть троекратно въ городѣ Чердыни, собиралъ съ особеннымъ любопытствомъ всѣ старинныя преданія, разрывалъ съ жадностью тѣ кучи земли, которыя, какъ мнѣ сказывали,

*) Подробное описаніе этихъ городищъ см. въ очень интересной книгѣ *В. Н. Берха:* «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изысканія историческихъ древностей» (СПБ. 1821 г.), стр. 89—98. Мы много разъ будемъ еще ссылаться на нее.

**) См. «предувѣдомленіе» къ его книгѣ. А въ самомъ текстѣ книги на стр. 85 Берхъ говоритъ: «Нельзя не пожалѣть, что знаменитый исторіографъ нашъ *Миллеръ* обратилъ такое слабое вниманіе на Чердынь, что даже самъ туда не ѣздилъ, а выписывалъ въ Соликамскъ бумаги тамошняго архива».

изображають древнія укрѣпленія, и *заключилъ напослѣдокъ, что здѣсь не могъ обитать народъ просвѣщенный*" (стр. 66); „ежели бы жители мѣстъ сихъ были дѣйствительно на такой степени просвѣщенія, на какой намъ ихъ хотятъ представить, то памятники величества ихъ достигли бы и до нашихъ временъ, подобно какъ въ Италіи, или какъ при берегахъ Волги и Камы открываютъ и до сихъ поръ остатки прежнихъ огромныхъ зданій" (стр. 65—66). Приведя затѣмъ очень простое, но вполнѣ естественное соображеніе, что и св. Стефанъ, по всѣмъ даннымъ, нашелъ Пермяковъ народомъ грубымъ, полудикимъ, Берхъ вполнѣ логически заключаетъ: „Слѣдовательно, народъ сей занимался ловлею звѣрей и *былъ очень далекъ отъ всякаго просвѣщенія*" (стр. 67).

Вотъ результаты самыхъ добросовѣстныхъ *мѣстныхъ* историко-археологическихъ розысканій почтеннаго ученаго, предпринятыхъ еще въ 1810-хъ годахъ. Мы видѣли, что и незабвенный Н. М. Карамзинъ, котораго врядъ-ли кто либо рѣшится назвать пристрастнымъ историкомъ, пришелъ еще ранѣе къ такимъ же воззрѣніямъ на древнюю Біармію. Послѣ Берха въ разное время въ предѣлахъ древней Перми Великой было сдѣлано не мало археологическихъ находокъ, но всѣ онѣ лишь подтверждали еще больше справедливость его ученыхъ заключеній о *мнимой* славѣ Біарміи. Подробно перечислять ихъ здѣсь мы не станемъ и отсылаемъ за справками интересующихся даннымъ вопросомъ къ прекрасной книгѣ *Д. Д. Смышляева*: „Источники и пособія для изученія Пермскаго края" (Пермь. 1876 года).

Новѣйшія раскопки, сдѣланныя по пріемамъ, усвоеннымъ современною археологіею, въ Чердынскомъ, Соликамскомъ и Пермскомъ уѣздахъ, а равно въ восточной части Глазовскаго и Слободскаго уѣздовъ Вятской губерніи, производилъ *А. П. Ивановъ*, членъ „Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ", по порученію его, въ 1879—1880 г.г. Онъ проплылъ Каму отъ самаго ея истока

и старательно изслѣдовалъ многія прикамскія городища въ перечисленныхъ выше уѣздахъ, напечатавъ результаты въ „Трудахъ“ упомянутаго общества (т. X, вып. 1-й 1881 г.), въ статьѣ: „Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края“.

Въ Глазовскомъ уѣздѣ первыя находки каменныхъ орудій г. Ивановъ сдѣлалъ въ дер. Гордино (Кривецкое), д. Сергиной, Бисеровѣ, затѣмъ у села Елорвевскаго. Онъ осмотрѣлъ Большую Рудную или *Чудскую* гору, откуда вступилъ въ предѣлы уѣзда Слободскаго. Тутъ онъ производилъ изслѣдованія въ Лойнахъ и с. Гидаевѣ, гдѣ записалъ нѣкоторыя повѣрья и преданія о Чуди. Еще ниже по Камѣ онъ достигъ границы Пермской губерніи и продолжалъ путь уже по Чердынскому уѣзду, въ которомъ осмотрѣлъ городища: Куденсевское на Камѣ, Пятигорское на той же рѣкѣ, два городища въ окрестностяхъ села Уролки, городища съ остатками валовъ въ ю.-зап. части уѣзда близь деревень Чиревой, Большой Кочи и Пелыма, два городища близь села Косы, на р. Лологѣ; городища Губинское и Пянтежское на Камѣ. Сверхъ того въ восточной части уѣзда г. Ивановъ упоминаетъ городища Дивье и Бобыльское на р. Колвѣ.

При раскопкахъ г. Ивановъ находилъ кромѣ обыкновенныхъ костяныхъ и каменныхъ вещей палеолитической эпохи, не мало вещицъ бронзовыхъ, мѣдныхъ и даже серебряныхъ; но послѣднимъ онъ приписываетъ болгарское происхожденіе и только вещи грубой отдѣлки считаетъ дѣломъ рукъ Чуди, на основаніи различныхъ научныхъ соображеній. Общее его заключеніе о Чердынскихъ городищахъ таково: „Первое условіе, что требовалось для Чуди—неприступность жилья, говоритъ онъ. Городища строились на высокихъ мѣстахъ, скаты искусственно дѣлались круче; у подножія горы съ одной стороны болото, съ другой—рѣка или озеро. Отъ смежной высоты городищенская площадка отдѣляется тройной системой валовъ, идущихъ отъ одного обрыва къ другому. Площадка мала; на ней, если только тамъ были

строенія, могло помѣститься не болѣе 10—30 дворовъ. Строенія могли быть только деревянныя: нигдѣ никакихъ слѣдовъ камня нѣтъ. Находки вещей дѣлаются рѣдко на самой площадкѣ; чаще вблизи отъ нея. Городища не разбросаны произвольно; они не стоятъ особнякомъ; напротивъ, они кучатся вмѣстѣ, отстоя одно отъ другого верстъ на 5—10, такъ что представляли ассоціаціи, группы городищъ"*).

Въ Соликамскомъ уѣздѣ г. Ивановъ изслѣдовалъ городища: въ с. Кудымкорѣ на р. Иньвѣ, въ с. Купросѣ, въ деревнѣ Пыстоноговой на р. Обвѣ, город. близь дер. Левиной въ 2 верстахъ отъ Верхъ-Иньвы и городище въ 4 верстахъ отъ Нердвы между двумя Гусевыми логами. Сверхъ того г. Ивановъ упоминаетъ городища: въ д. Стариковой, д. Баксановой Тиминской волости, въ д. Вакиной той же волости, у села Майкоръ на Иньвѣ и въ Верхъ-Усылѣ Тиминской волости. Еще въ Пермскомъ и Соликамскомъ уѣздѣ г. Ивановъ осмотрѣлъ городище Лаврятское на р. Вильвѣ и Чаньвенскую костеносную пещеру. Ивановъ осмотрѣлъ нѣсколько такъ называемыхъ „костищъ" въ Пермскомъ уѣздѣ (въ Чердынскомъ и Соликамскомъ онъ не встрѣтилъ ниодного), а именно: Ильинское при селѣ того же имени на р. Обвѣ, Гаревское и Останинское при деревнѣ Останиной на Косьвѣ.

Разобравшись въ добытыхъ данныхъ, г. Ивановъ дѣлаетъ нѣкоторые общіе выводы относительно древнихъ обитателей „городищъ" и „костищъ". Время господства Чуди въ верхнемъ Понамьѣ онъ относитъ къ X—XIII в.в., принимая при этомъ Чудь за прямыхъ предковъ нынѣшнихъ Зырянъ, Вотяковъ и Пермяковъ. Впрочемъ, доводы его въ пользу этого заключенія, на мой взглядъ, не достаточно обоснованы. Къ какому же заключенію онъ пришелъ относительно собственно-чудской или древне-пермской культуры? Вотъ его слова: „Судя по находимымъ остаткамъ, культура пермской

*) «Матеріалы къ антропологіи Пермскаго края» въ «Трудахъ общества естеств. при Казанскомъ универс.» т. X, вып. I, стр. 22.

Чуди не была самостоятельна. Мы не находимъ издѣлій спеціально пермскихъ: всѣ они заносныя кромѣ развѣ несложныхъ желѣзныхъ подѣлокъ. При такихъ условіяхъ для насъ вполнѣ объяснимъ, съ перваго раза непонятный, фактъ исчезновенія яко бы самостоятельной, довольно высокой культуры біармійцевъ. Куда она дѣвалась? Какъ она могла исчезнуть? *Ея не было никогда.* Прекратилась историческая автономія и торговое преобладаніе Болгарско-Билярской земли—прекратился отсюда доступъ металлическихъ издѣлій въ чудской сѣверъ. *Всѣ разсказы о баснословныхъ богатствахъ Біарміи не находятъ никакого фактическаго подтвержденія и должны быть отнесены къ области* тѣхъ *вымысловъ,* которые обыкновенно слагаются по поводу отдаленныхъ, мало извѣстныхъ земель. Самостоятельная, высшая культура, если бъ таковая была у Пермяковъ, не могла исчезнуть безслѣдно, тѣмъ болѣе что во внѣшнемъ отношеніи она, какъ ускользнувшая отъ татарскаго погрома, разразившагося надъ Русью и Болгарской землей, находилась въ выгоднѣйшихъ условіяхъ*).

Такимъ образомъ почти чрезъ три четверти вѣка п. *Ивановъ* въ сущности повторилъ слова *Берха,* придя къ одному съ нимъ заключенію совершенно самостоятельнымъ путемъ. Замѣтимъ, что въ предѣлахъ Пермскаго уѣзда археологическія раскопки и изслѣдованія „костищъ" еще ранѣе г. Иванова производилъ покойный *А. Е. Теплоуховъ.* Результаты его изысканій изложены въ статьѣ: „Ueber die prähistorischen Opferstätten am Uralgebirge", напечатанной въ ноябрьской книгѣ 1879 г. журнала: „Archiv für Antropologie"**). О находкахъ мамонта въ Пермской губерніи свѣдѣнія сгруппированы въ „Археологіи Россіи" графа *А. С. Уварова,* т. I, М. 1881 г., стр. 141—142, о пещерахъ тамъ же,

*) «Матеріалы къ антропологіи», тамъ же, стр. 34—35.

**) Къ крайнему сожалѣнію, живя въ Перми, мы лишены возможности, за неимѣніемъ въ рукахъ заграничнаго журнала, пользоваться прекрасными изслѣдованіями *А. Е. Теплоухова.*

стр. 207—212, о находкахъ вещей—тамъ же, т. II, стр. 9 и 108. А наиболѣе полный перечень чудскихъ городищъ въ области бывшей Перми Великой приведенъ въ капитальномъ, драгоцѣнномъ въ настоящее время, трудѣ *Никиты Сав. Попова*: „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи" (изданіе 1-е въ двухъ томахъ. Пермь 1804 г. См. томъ I, §§ 5, 6, 9 и 10 и томъ II, § 219).

Сосѣдніе съ Чердынскимъ Глазовскій и Слободской уѣзды Вятской губерніи въ послѣдніе годы въ доисторическомъ отношеніи очень старательно изслѣдуются мѣстными археологами Вятскаго края *А. А. Спицынымъ* и *Ник. Григ. Первухинымъ*. Г. Спицынъ, рѣдкій любитель и знатокъ древностей своей родной губерніи, изслѣдовалъ всѣ уѣзды Вятской губерніи, намѣреваясь въ будущемъ, какъ сообщилъ мнѣ лично, распространить изысканія и на прилегающіе уѣзды нашей Пермской губерніи. Г. Первухинъ занимается преимущественно Глазовскимъ уѣздомъ, почему его работы имѣютъ особенно близкое отношеніе къ области бывшей Перми Великой*). Вятскіе археологи ограничиваются пока собираніемъ матеріаловъ, благоразумно воздерживаясь отъ широкихъ и смѣлыхъ научныхъ обобщеній. О Вологодскихъ археологахъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ свѣдѣній (г. *Лыткинъ* доисторической археологіей своей родины не занимался). Кажется, Усть-Сысольскій уѣздъ, бывшая Пермь Вычегодская, досель не былъ еще спеціально изслѣдованъ въ доисторическомъ отношеніи.

*) Многія находки *Н. А. Спицына* и *Н. Г. Первухина* описаны въ «Указателѣ выставки при VII Археологическомъ Съѣздѣ» (Ярославль. 1887 г., стр. 1—18). Кромѣ того весьма важны изданія *А. А. Спицына:* «Каталогъ древностей Вятскаго края» (Вятка. 1881 г.) и «Новыя свѣдѣнія по доисторической археологіи Вятскаго края» (Вятка. 1887 г.).

Кромѣ спеціально-археологическихъ изслѣдованій обширной области древней Перми Великой, въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ недавно предпринято было антропологическое изслѣдованіе обитающихъ тамъ Пермяковъ профессоромъ Казанскаго, а нынѣ Томскаго университета, Н. *Маліевымъ*, который еще раньше въ такомъ же отношеніи изучалъ Вотяковъ Вятской губерніи. Его „Антропологическій очеркъ Вотяковъ“ напечатанъ въ „Трудахъ Общества естествоиспытателей при Казанскомъ университетѣ“ (1874 г., томъ IV, № 2) въ отдѣлѣ матеріаловъ для сравнительной антропологіи и анатоміи финскихъ народностей, продолженіемъ которыхъ служитъ подобный же „Антропологическій очеркъ племени Пермяковъ“, помѣщенный въ тѣхъ же „Трудахъ“ (1887 года, томъ XVI, выпускъ 4). При обѣихъ работахъ указана подробная литература о Вотякахъ и Пермякахъ и приложены таблицы измѣреній череповъ и живыхъ людей и фотолитографическіе рисунки череповъ, вырытыхъ изъ древнихъ могилъ.

Г. *Маліевъ* не берется рѣшать, за недостаткомъ фактическаго матеріала, вопросовъ: какъ давно поселились Пермяки въ Приуральѣ, откуда явились они сюда и въ какомъ отношеніи стоятъ они къ древней Чуди? Въ этомъ отношеніи г. Маліевъ является болѣе осторожнымъ ученымъ, нежели г. Ивановъ, съ такой авторитетностью отвѣчающій на тѣ же вопросы въ своихъ „Матеріалахъ къ антропологіи Пермскаго края“. По словамъ Маліева, сами себя нынѣшніе Пермяки называютъ *Коми* и считаютъ себя прямыми потомками Чуди; но *Н. А. Роговъ* приводитъ свидѣтельство, что Пермяки, напротивъ, считаютъ себя другимъ народомъ, отличнымъ отъ Чуди. „Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи, говоритъ Маліевъ, какъ напримѣръ Роговъ, отчасти поддерживаютъ это мнѣніе... Но я не знаю, на чемъ собственно основано это мнѣніе, такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, доселѣ не установленъ типъ самой Чуди. При отсутствіи всякихъ положительныхъ

данныхъ о древности Пермяковъ, мнѣ кажется, единственная возможность разрѣшить этотъ вопросъ — единственный путь освѣтить ихъ далекое прошедшее и установить или отвергнуть генетическую связь ихъ съ Чудью — это сравненіе пермяцкихъ череповъ съ чудскими. Мнѣ кажется, меня нельзя будетъ упрекнуть въ пристрастіи къ спеціальности, если я выражу твердое убѣжденіе, что только путемъ точныхъ краніологическихъ изысканій можно указать на сродство, тождество или отличіе этихъ двухъ народовъ. Исторія и археологія здѣсь безсильны. Но такія изслѣдованія еще заставляютъ себя ждать — и настоящая работа представляетъ первый шагъ, первую къ тому попытку" (стр. 29—30). Г. Маліевъ собралъ краніологическую коллекцію изъ 29 древнихъ череповъ въ селѣ Кудымкорскомъ Соликамскаго уѣзда, главномъ средоточіи пермяцкаго населенія — томъ самомъ, гдѣ Н. А. Роговъ изучалъ Пермяковъ въ 1850 годахъ. Всѣ черепа добыты на древнемъ кладбищѣ, въ самомъ селѣ, возлѣ нынѣшней православной церкви. *Раскопки не обнаружили ни малѣйшихъ слѣдовъ высокой мѣстной культуры.* По собраннымъ г. Маліевымъ въ 1886 г. свѣдѣніямъ, всѣхъ Пермяковъ-Коми въ уѣздахъ Глазовскомъ, Слободскомъ, Чердынскомъ и Соликамскомъ въ настоящее время считается 90000 человѣкъ, изъ коихъ на одинъ Соликамскій уѣздъ въ 1885 году ихъ приходилось 51118 чел. и на Чердынскій — 21871 человѣкъ коренныхъ Пермяковъ, сохранившихъ свой языкъ и племенныя особенности. На Вятскую губернію, по словамъ г. Маліева, приходится не болѣе 10000 чел. (стр. 20 и др.)*). Сужденія г. Маліева о славѣ древней Біарміи не самостоятельны, совершенно бездоказательны и странны тѣмъ болѣе, что самъ же онъ при раскопкахъ могъ убѣдиться въ противномъ.

---

*) *Добротворскій* въ статьѣ «Пермяки» въ «Вѣстникѣ Европы» 1883 года, мартъ, показываетъ число 50000 чел. въ Пермской и до 10000 въ Вятской губерніяхъ — всего до 60000 Пермяковъ. (См. въ указанной книгѣ журнала стр. 239—240).

Обращаясь отъ доисторической археологіи и антропологіи обитателей древней Перми къ этнографіи нынѣшнихъ Пермяковъ, мы должны сказать, что въ этомъ отношеніи сдѣлано больше. Уже извѣстный *Лепехинъ* въ своихъ „Дневныхъ записках путешествія" (т. III, СПБ. 1780 года) сообщаетъ важныя свѣдѣнія о Зырянахъ и Пермякахъ, а въ нашемъ вѣкѣ о нихъ было писано довольно много. Не видя надобности въ послѣдовательномъ перечисленіи всѣхъ трудовъ по этнографіи Пермяковъ (что сдѣлано въ работѣ Маліева), ибо для насъ важно лишь то, что имѣетъ отношеніе къ исторіи и археологіи этого народа, мы остановимся здѣсь только на двухъ этнографическихъ трудахъ.

Мы уже говорили, какую научную важность представляютъ филологическіе труды *Н. А. Рогова* о Пермякахъ, т. е. его пермяцкая грамматика и словарь. Ему же принадлежитъ и лучшій этнографическій очеркъ Пермяковъ подъ заглавіемъ: „Матеріалы для описанія быта Пермяковъ" *). Ни прежде, ни послѣ Рогова никто не сдѣлалъ столь обстоятельнаго описанія быта Пермяковъ. Другіе писатели нерѣдко черпали у него же. Въ недавнее время въ „Вѣстникѣ Европы" появилась статья *Добротворскаго*: „Пермяки" (1883 г. книги 3 и 4), посвященная преимущественно Пермякамъ Вятской губерніи. Въ ней встрѣчаются неточности и даже погрѣшности, указанныя въ упомянутой выше работѣ Маліева. Достоинствомъ статьи г. Добротворскаго можно считать сообщеніе нѣкоторыхъ, еще неизвѣстныхъ и очень любопытныхъ, мѣстныхъ пермяцкихъ преданій и легендъ, указывающихъ на *прямое* происхожденіе Пермяковъ отъ древней Чуди**);

*) Начало этой прекрасной работы *Н. А. Рогова* было напечатано въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1858 года, апрѣль, отдѣлъ 3, стр. 45—126 (и оттиски), а продолженіе въ «Пермскомъ Сборникѣ» изданія Д. Д. Смышляева. Москва. 1860 г., т. II, отдѣлъ 2, ст. 1—128.

**) *Добротворскаго*: «Пермяки» въ «Вѣстникѣ Европы» 1883 г. мартъ, стр. 230, 235 и 236. Въ Пермской губ. записано преданіе о братьяхъ Осьясѣ и Ожьясѣ, о Степѣ-угодникѣ (св. Стефанѣ) и *чудскихъ ямахъ* съ ихъ кладами.

въ противоположность свидѣтельству г. Рогова, записанному со словъ Пермяковъ—старожиловъ, что „Чудь, Чудаки, оставившіе городища, были другой народъ, отличный отъ Пермяковъ, большая часть котораго не хотѣла принимать христіанскую вѣру и добровольно обрекала себя на смерть: Они цѣлыми семействами забирались въ нарочно вырытыя пещеры или ямы, подрубали стойки и умирали подъ обрушившеюся на нихъ землею. Такимъ образомъ Чудаки исчезли и ихъ мѣста заняли Пермяки“ *). Г. Добротворскій въ сущности приводитъ тоже преданіе о чудскихъ ямахъ, вырытыхъ Чудью при появленіи въ ихъ странѣ Степы-угодника (св. Стефана), но съ прибавленіемъ (варіантъ), что Чудь не вся погибла въ этихъ ямахъ. „*Много тоже ея съ ямъ убѣжало*, прибавляли Пермяки,—*мы вотъ теперь отъ этой Чуди и народились*“ **). Сопоставляя двѣ редакціи одного и того же преданія, мы должны заключить, что, по убѣжденію самихъ Пермяковъ, нынѣшніе Пермяки ведутъ свое происхожденіе отъ той части древней Чуди, которая измѣнила язычеству и согласилась перейти въ новую христіанскую вѣру. Конечно, эти народныя преданія въ научномъ отношеніи особенной цѣнности не представляютъ, но и не заслуживаютъ того, чтобъ ихъ совершенно игнорировать.

Дѣйствительно, „Лѣтописецъ Двинской“, напечатанный въ Новиковской „Вивліоѳикѣ“, совершенно такъ же смотритъ на отношеніе языческой Чуди къ христіанству ***). Ученые напрасно не обращали должнаго вниманія на важныя свидѣтельства этого „Лѣтописца“, объясняющаго исчезновеніе слова Чудь въ книжномъ языкѣ принятіемъ христіанства. Вотъ слова лѣтописи: „Тогда же (т. е. послѣ крещенія Новгорода въ X вѣкѣ) и Заволоческую Чудь крестиша и просвѣтишася

---

*) «Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ» 1858 г, кн. IV, отд. 3, сноска на стр. 8.

**) «Вѣстникъ Европы» 1883 г., мартъ, стр. 235—236.

***) «Древняя Россійская Вивліоѳика», 2-е изданіе, 1791 года, томъ XVIII, см. стр. 2—3.

тіи святымъ крещеніемъ, понеже Новгородскаго предѣла бяху... И мнози отъ нихъ ослѣплени идольскою прелестію отъ святого крещенія избѣгоша... *Новопросвѣщенная же Заволоческая Чудь рѣки валинія Двины для того пріименовашася Двиняне*". Итакъ слово Чудь исчезаетъ въ книжномъ языкѣ (въ народномъ говорѣ оно живетъ и сейчасъ) съ принятіемъ христіанства, какъ напоминающее о временахъ язычества и потому презрѣнное въ глазахъ духовныхъ лицъ, каковыми у насъ были тогда почти всѣ писатели. Вотъ причина, почему Епифаній Премудрый, написавшій въ XIV в. житіе св. Стефана, многіе народы называетъ по именамъ тѣхъ рѣкъ, на берегахъ которыхъ они жили (Двиняне, Вычегжане, Виледжане, Южане и т. д.); а до него такія названія не употреблялись, такъ какъ на тѣхъ же мѣстахъ до времены св. Стефана жила языческая Чудь, язычники-Финны. Нельзя не замѣтить, что все сказанное служитъ однимъ изъ вѣскихъ доказательствъ *прямого* происхожденія нынѣшнихъ финскихъ инородцевъ отъ древней Чуди.

Таковы народныя преданія и данныя раскопокъ, находящіяся въ распоряженіи современной археологіи. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ мы не видимъ никакого указанія на древнюю мнимо-великую Біармію. Она упоминается въ преданіяхъ только *не мѣстныхъ*, а чуждыхъ - скандинавскихъ. Равнымъ образомъ нѣтъ ея слѣдовъ и въ древнихъ городищахъ и могилахъ. Посмотримъ, на чемъ же основываютъ свои возрѣнія хвалители этой безслѣдно исчезнувшей Біарміи.

III.

Древніе торговые пути, шедшіе чрезъ Пермь. Апологеты Біарміи.

Мы указали два цикла ученыхъ, имѣющихъ діаметрально противоположныя воззрѣнія на древнюю Пермь. Однихъ можно назвать скептиками, другихъ—апологетами Біарміи. Мы видѣли, что скептики, усвоивъ себѣ критическіе пріемы изслѣдованій, выработанные современною археологическою наукою (въ обширномъ смыслѣ), отвергнули заключенія апологетовъ о славѣ и величіи древней Перми, отождествляемой ими съ Біарміей. Научные доводы ихъ настолько убѣдительны, что, взвѣшивая ихъ съ доводами апологетовъ, мы съ своей стороны рѣшительно склоняемся на сторону ученыхъ скептиковъ.

Однако мы не имѣемъ никакого права, въ видахъ научнаго безпристрастія, игнорировать убѣжденіе цѣлаго цикла ученыхъ относительно былого величія Біарміи. Вѣдь и апологеты имѣли извѣстныя основанія для своихъ восторговъ. Каковы же могли быть эти основанія? Гдѣ источникъ такого ученаго недоразумѣнія? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, мы должны сказать теперь о древнѣйшихъ торговыхъ путяхъ, шедшихъ чрезъ Пермь.

Припомнимъ дѣленіе Пермской исторіи на періоды, установленное нами въ началѣ настоящаго изслѣдованія. Въ каждомъ изъ трехъ періодовъ шли особые торговые пути чрезъ Пермскую землю, которые и нужно разсмотрѣть въ послѣдовательномъ порядкѣ.

Въ существованіи на востокѣ Европы торговыхъ путей въ глубочайшей древности, до которой далеко не простирается Русская исторія, сомнѣваться нельзя, ибо на то имѣются неопровержимыя доказательства. Нумизматическія и

другія находки цѣнныхъ вещей во всей пріуральской половинѣ нынѣшней Пермской губерніи положительно убѣждаютъ въ существованіи торговыхъ сношеній Пріуралья съ далекимъ азіатскимъ югомъ въ древнѣйшія времена. Еще въ 1852 г. почтенный нумизматъ *Савельевъ* въ статьѣ: „Пермская губернія въ археологическомъ отношеніи“ справедливо замѣтилъ: „При недостаткѣ *достовѣрныхъ* данныхъ о древней Біарміи и ея торговомъ значеніи на сѣверѣ, историку остается ожидать пособія только отъ археологіи. Подземная Біармія можетъ еще воскресить для него Пермь..... Болѣе чѣмъ вѣроятно, что археологическіе поиски въ земляхъ древней Біарміи доставили бы рядъ данныхъ въ пользу мнѣнія объ участіи въ древности жителей этой страны въ торговыхъ сношеніяхъ не только съ отдаленнымъ европейскимъ сѣверомъ, но и съ югомъ, съ Азіею—посредствомъ-ли передачи благородныхъ металловъ, или же произведеніями собственной земли—желѣзомъ и солью“ *). Съ этими словами *Савельева* не мѣшаетъ сопоставить слова бывшаго Московскаго профессора *С. В. Ешевскаго,* весьма интересовавшагося археологическими находками на востокѣ Россіи: „Многія вещи, находимыя въ Казанской губерніи, особенно по Камѣ и ея притокамъ, (разумѣя вещи до-татарской эпохи), совершенно сходны съ находимыми въ Пермской губерніи..... Сличеніе древностей Пермскаго края съ древностями Казанской губерніи такъ же естественно и необходимо, какъ и сличеніе первыхъ съ вещами и памятниками, встрѣчающимися въ Сибири. Нѣкоторыя вещи, находимыя въ Пермской губерніи, очевидно, Сибирскаго или Азіатскаго происхожденія“ **). Это обстоятельство заставляетъ оставить сомнѣнія въ существованіи торговаго пути изъ волжско-камской Болгаріи въ Пермь Великую и далѣе—въ Пермь Вычегодскую и на устья С.

*) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1852 г., іюль, стр. 114.

**) *Ешевскаго.* «Замѣтка о пермскихъ древностяхъ» въ «Пермскомъ Сборникѣ» т. I, Москва. 1859 г., стр. 135.

Двины. Въ Болгарію же этотъ путь шелъ чрезъ Хозарію съ юга, изъ Азіи, какъ положительно свидѣтельствуютъ находки монетъ и разныхъ цѣнныхъ вещей восточной фабрикаціи.

Для образца укажемъ нѣсколько подобныхъ находокъ. Въ 1851 г. въ Красноуфимскомъ уѣздѣ Пермской губерніи, близь деревни Шестаковой и берега рѣки Иргина, найденъ былъ замѣчательный кладъ, состоявшій: изъ серебрянаго ковшика вѣсомъ въ $2^1/_2$ фунта, серебрянаго, искусно витаго, жгута съ застежками того же металла, подвѣсокъ и серегъ, обломковъ отъ золотыхъ перстней, ожерелій изъ бусъ чернаго хрусталя, сердолика и другихъ камней, болѣе чѣмъ изъ 20 монетъ сассанидскихъ, византійскихъ и индобактріанскихъ V, VI и начала VII вѣка отъ Р. Х. Въ 1846 г. въ имѣніяхъ гр. Строганова въ Пермской губерніи найденъ кладъ изъ одиннадцати древне-персидскихъ монетъ династіи Сассанидовъ и серебряной чаши съ изображеніемъ какого-то божества и надписью неизвѣстными письменами. По опредѣленію академика *Дорна*, монеты оказались принадлежащими V и VI вѣкамъ отъ Р. Х. (441—594 г.г.)—времени Сассанидскихъ царей Эздегирда II, Кобода и Хосроя II. *Д. Д. Смышляевъ*, почтенный любитель и знатокъ Пермскаго края, въ 1860 г. купилъ въ Перми и уступилъ потомъ Императорскому Эрмитажу найденную въ 18 верстахъ отъ Чердыни замѣчательную серебряную чашу съ изображеніемъ животныхъ южныхъ странъ: тигровъ, крокодиловъ, змѣй и морскихъ птицъ. По заключенію академиковъ *Броссе* и *Стефани*, чаша оказалась относящеюся ко времени императора Анастасія (491—518 г.г.)*). Въ позднѣйшее время, именно, въ 1885 году, въ селѣ Ключахъ, Златоустовское тожъ, Красноуфимскаго уѣзда опять были найдены серебряныя блюда съ изображеніемъ какихъ-то животныхъ. По опредѣленію Императорской

*) «Источники и пособія для изученія Пермскаго края» *Д. Д. Смышляева*. Пермь. 1876 г., стр. 19—23.

Археологической Коммиссіи въ Петербургѣ, блюда оказались произведеніемъ эпохи Сассанидовъ *).

Параллельно съ этимъ замѣтимъ, что на развалинахъ древняго Булгара на Волгѣ уже давно находили множество восточныхъ монетъ и разныхъ цѣнныхъ вещей, какъ-то золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ серегъ, браслетъ и перстней, части металлическихъ зеркалъ, бусы, металлическія украшенія конской упряжи и т. д. Древняго серебра въ Болгарахъ находили такъ много, что, по откровенному сознанію одного Казанскаго купца, торговавшаго въ серебряномъ ряду, на своемъ вѣку онъ одинъ переплавилъ до 8 пудовъ болгарскихъ серебряныхъ монетъ и всякихъ древнихъ вещей! Не смотря на это варварское истребленіе драгоцѣнныхъ остатковъ глубокой старины, множество болгарскихъ находокъ попало, къ счастію, и въ разныя ученыя коллекціи, какъ наприм. въ извѣстную коллекцію *А. Ѳ. Лихачева* въ Казани **).

Столь значительныя богатства, составлявшія продуктъ восточной торговли, легко могли сдѣлаться источникомъ извѣстныхъ преданій о „закамскомъ серебрѣ", но говорятъ-ли они намъ о высокой *самобытной* культурѣ древней прославленной Перми? Съ какой стати станемъ мы заключать объ этой *самобытности*, почти не встрѣчая болѣе или менѣе замѣчательныхъ *мѣстныхъ* издѣлій? Здѣсь, въ этомъ занесенномъ съ востока и юга богатствѣ, по нашему мнѣнію, главный источникъ ученыхъ недоразумѣній въ вопросѣ о древней Перми. Вмѣсто того, чтобы мѣстному Чудскому племени приписывать только грубыя бронзовыя, мѣдныя и желѣзныя издѣлія, обыкновенно находимыя въ городищахъ и

*) Наиболѣе подробный указатель старинныхъ цѣнныхъ находокъ по отдѣльнымъ уѣздамъ нашей губерніи сдѣлалъ *Штиглицъ* въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи». СПБ. 1875 г., стр. CXL—CXLIV.

**) *С. М. Шпилевскій:* «Древніе города и другіе булгарско-татарскіе памятники въ Казанской губерніи». Казань. 1877 г., стр. 258 и слѣд. О монетахъ стр. 42—47 и другія.

курганахъ, ему стали безъ разбора приписывать чуть не все серебряное богатство, отрытое изъ земли и съ очевидностью обличающее свое случайное, заносное появленіе въ области древней Перми и несомнѣнно-восточное происхожденіе. Указывали на то, что на всемъ громадномъ разстояніи отъ Алтая до Урала извѣстны такъ называемыя въ простонародьѣ *„чудскія копи“*. Но присутствіе ихъ развѣ несомнѣнно свидѣтельствуетъ о высокомъ самобытномъ развитіи Чуди? Извлеченные изъ этихъ копей металлы мы и находимъ теперь въ видѣ *грубыхъ* издѣлій то же въ *„чудскихъ“* городищахъ. И городищамъ, и копямъ народъ присвоилъ, какъ видимъ, одинъ эпитетъ *чудскихъ*.

Множество серебряныхъ и другихъ вещей, шедшихъ чрезъ Пермь съ юга на сѣверъ и частію какимъ-то образомъ оставшихся въ предѣлахъ Пермской страны и потому теперь случайно открываемыхъ отъ времени до времени, подало поводъ слагателямъ скандинавскихъ сагъ воспѣть древнюю Біармію, какъ какую-то необыкновенно богатую страну. Торговый путь изъ Хозаріи, Болгаріи и Перми продолжался далѣе на сѣверъ до береговъ Бѣлаго моря и устьевъ С. Двины, куда пріѣзжали для мѣновой торговли Норманны, въ былыя времена первые мореходы Западной Европы. Чрезъ Пермь сѣверный путь шелъ не иначе, какъ рѣками Камой, Вишерой, Колвой, Вишеркой, Чусовскимъ озеромъ, Березовкой, рѣчкой Вологомъ, далѣе *Бухонинымъ волокомъ* въ 7 верстъ длины, рѣчкой Нёмой, Вычегдой и С. Двиной. Другой путь отъ Березовки могъ отдѣляться на Печеру и направляться рѣками Еловкой, Вогулкой, Печерскимъ волокомъ (отъ 3 до 5 верстъ), рѣчкой Волосницей и р. Печерой*).

Во второй половинѣ IX вѣка, какъ извѣстно, норманскій мореплаватель Отеръ, состоявшій на службѣ у Альфреда

*) *Н. К. Чупинъ:* «Географическій и статистическій словарь Пермской губерніи». Пермь. 1878 г. отдѣльно и въ приложеніяхъ къ «Сборнику Пермскаго Губернскаго Земства» за тотъ же годъ, см. статью «Березовка», на стр. 85—87 и слѣд. до 91.

Великаго, короля Англіи, посѣтилъ устья С. Двины и сообщилъ потомъ о всемъ видѣнномъ своему королю. Это было первое, достовѣрно извѣстное, посѣщеніе Норманнами Бѣломорскаго побережья. По слѣдамъ Отера направились на далекій европейскій востокъ и другіе искатели легкой наживы. Отеръ сообщилъ Альфреду вѣрныя, неприкрашенныя свѣдѣнія о видѣнной имъ странѣ, а послѣдователи его сложили уже нѣсколько пѣсенъ о той же странѣ, въ которыхъ, естественно, дали просторъ своимъ чувствамъ и фантазіи.

Что же говорятъ о Біарміи Отеръ и саги? Отеръ повѣдалъ Альфреду, что вдоль всего сѣвернаго побережья восточной Европы, не исключая и Бѣломорскихъ береговъ, онъ видѣлъ только голую, почти лишенную населенія, пустыню, по которой лишь кое-гдѣ бродили какія-то финскія племена. Но въ устьяхъ С. Двины онъ встрѣтилъ осѣдлый народъ, называвшій себя *Біармійцами* и по языку близкій къ Финнамъ. Біармійцы навѣстили суда Отера и много говорили ему о своей странѣ и смежныхъ съ нею. Отеръ нашелъ ихъ страну довольно обработанною и вымѣнялъ у нихъ мѣха и моржовые клыки, которые и привезъ въ Англію.

Таковъ безыскусственный разсказъ Отера о Біарміи. Въ немъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, все естественно и правдоподобно. Совсѣмъ не то повѣствуютъ намъ саги о подвигахъ скандинавскихъ викинговъ и народѣ Біармійцахъ, ихъ знаменитомъ идолѣ Юмалѣ, необычайномъ богатствѣ этого капища и т. п. Въ этихъ сагахъ, обнимающихъ собою долгій періодъ времени съ IX вѣка до начала XIII, все облечено въ поэтическую форму, почему странно было бы въ наше время вѣрить подробностямъ ихъ разсказовъ. И между тѣмъ находилось не мало ученыхъ, которые, увлекшись сагами, вносили ихъ вымыселъ въ исторію. Слѣдовательно, въ вопросѣ о древней Перми, съ которою эти ученые отождествляли Біармію, скандинавскія саги послужили такимъ же источникомъ недоразумѣній, какъ и упомянутыя выше архео-

логическія находки въ предѣлахъ бывшей Перми Великой и царства Болгарскаго *).

Но вотъ за легендарной эпохой сагъ на европейскомъ сѣверо-востокѣ начинается періодъ новгородской колонизаціи. Если-бы все сообщаемое сагами о Біарміи и ея обитателяхъ было исторической дѣйствительностью, то эти сообщенія не преминули бы внести въ свои лѣтописи русскіе бытописатели. Но что же говорятъ намъ русскія лѣтописи? По-видимому, ближе всего было бы новгородскимъ лѣтописцамъ отмѣтить факты торговыхъ отношеній, существовавшихъ на сѣверо-востокѣ Европы, который постепенно вошелъ въ число владѣній Новгорода Великаго. Однако новгородскія лѣтописи до XII вѣка хранятъ глубокое молчаніе о сѣверо-восточной торговлѣ. Нѣкоторыя свѣдѣнія по этому вопросу мы находимъ не въ мѣстныхъ новгородскихъ, а въ общерусскихъ лѣтописяхъ. Въ Лаврентьевской и Никоновской лѣтописяхъ помѣщенъ извѣстный разсказъ отрока новгородскаго, пославшему его Гюрятѣ Роговичу о его путешествіи въ страну Югры въ 1096 (6604) году **). Отрокъ, т. е. ушкуйникъ новгородскій, шелъ сначала на Печеру — *„люди, яже суть дань дающе Новугороду“* — и „оттуду иде въ Югру. Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдять съ Самоядью на полунощныхъ странахъ...... Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропасгьми, снѣгомъ и лѣсомъ; тѣмже не доходимъ ихъ всегда; есть же и подаль на полунощіи“. (Лаврент. лѣтоп.). О Перми здѣсь нѣтъ упоминанія, но такъ какъ на Печеру можно было попасть не иначе, какъ чрезъ Пермь, то послѣдняя, очевидно, была извѣстна Новгородцамъ раньше и, конечно, такъ же платила Новгороду дань, какъ и болѣе

---

*) Подробности объ Отерѣ и сагахъ см. въ «Очеркахъ Русской исторіи въ памятникахъ быта» *Д. Н. Полевого,* СПБ. 1879 г., т. I, стр. 148—150.

**) «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», изданіе Археограф. Коммиссіи, томъ I, стр. 107 и т. IX, стр. 127.

отдаленный народъ Печера, т. е. Печерскіе Зыряне, какъ думаетъ Шегренъ. Путь изъ Новгорода на востокъ шелъ С. Двиной, Вычегдой и Печерой чрезъ Камень или Уралъ*). Впередъ шли Пермью, Печерой и Югрой, обратно—Югрой, Печерой и Пермью. Другого удобнаго пути за Уралъ въ то время еще не знали. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Заволочье Новгородцы проникли еще раньше. Приведенный разсказъ лѣтописи ясно показываетъ, что въ XI вѣкѣ восточные народы сохраняли свое отдѣльное управленіе и только платили дань Новгороду. Но въ такихъ же вассальныхъ отношеніяхъ къ Новгороду стояла Пермь и долго спустя, судя потому, что еще въ XV в. она имѣла своихъ князей, какъ намъ достовѣрно извѣстно изъ позднѣйшихъ лѣтописей и другихъ источниковъ.

Кромѣ лѣтописнаго извѣстія о платежѣ дани Новгороду восточными народами, есть извѣстіе о существованіи мирныхъ торговыхъ сношеній Болгаріи не только съ Пермью, но и отдаленной Югрой. Мы находимъ его у арабскаго писателя Ибнъ-Батуты XIV вѣка. Онъ говоритъ о мѣновой торговлѣ Болгаръ съ Югрой, отъ которой они получали соболей, горностаевъ и бѣлокъ**). Дорога изъ Болгаріи въ Югру пролегала, вѣроятно, не только водой, но и сухимъ путемъ. Не тотъ-ли самый это путь, шедшій чрезъ нынѣшніе уѣзды Красноуфимскій, Кунгурскій, Пермскій и далѣе на сѣверо-востокъ, слѣды котораго въ послѣднее время указалъ *Аспелинъ*?

Спрашивается: чѣмъ же бралъ Новгородъ дань съ восточныхъ своихъ сосѣдей, и какія *мѣстныя* богатства составляли предметъ торговли Перми, Печеры и Югры съ Волжскими Болгарами? Сколько можно видѣть изъ досто-

---

*) Отдѣльныя высокія вершины на Уралѣ народъ и сейчасъ называетъ *„камнями“*: Кончаковскій, Бобыцкій, Полюдовъ, Дѣвій и мн. др.

**) *П. Савельевъ*: «Мухаммеданская нумизматика». СПБ. 1847 г., стр. CXXXI и другія.

вѣрныхъ источниковъ, *которыми ограничивалось все мѣстное богатство* упомянутыхъ странъ. Прославленное же *закамское серебро*, въ смыслѣ *мѣстнаго* богатства Пермской страны, есть не болѣе, какъ миѳъ, плодъ недоразумѣнія, источники коего мы указали выше. Если у инородцевъ, напр. у Югры, и встрѣчалось серебро, то оно было *привозное* изъ другихъ странъ. Мѣстные металлы стали вывозить съ Урала гораздо позже, при чемъ именно серебромъ Уралъ никогда не былъ богатъ.

Съ теченіемъ времени все чаще встрѣчаются лѣтописныя извѣстія о походахъ Новгородцевъ для сборовъ дани въ Югру, страна которой казалась имъ особенно заманчивой. Всѣ эти походы совершались неминуемо чрезъ Пермь и Печеру. Не разъ назойливость новгородскихъ сборщиковъ дани выводила изъ терпѣнія инородцевъ, которые поднимали противъ нихъ вооруженное гоненіе. Такъ, подъ 1187 (6695) г. въ I Новгородской лѣтописи записано: „въ то же время избьени быша Печерьскѣи даньникы и Югрьскіи въ Печерѣ, а друзіи за Волокомъ; и паде головъ о стѣ къметьства." *). То же извѣстіе въ IV Новгородской лѣтописи читаемъ такъ: „Того же лѣта избьени быша даньникы *Перемьскіи* и Югорскіи, а друзіи за Волокомъ, и паде головъ о стѣ кмѣтей." **). Въ этихъ словахъ видимъ доказательство того, что въ XII вѣкѣ *путь въ Югру шелъ чрезъ Пермь и Печеру*. Еще большее сопротивленіе встрѣтили Новгородцы въ Югрѣ въ 1193 (6701) году. Вслѣдствіе избіенія сборщиковъ дани въ 1187 году, Новгородъ послалъ на этотъ разъ въ Югру цѣлую рать подъ начальствомъ воеводы Ядрѣя, которая встрѣтила тамъ укрѣпленные города. Одинъ изъ нихъ Новгородцы взяли, а подъ другимъ потерпѣли столь сильное пораженіе, что изъ всей рати осталось въ живыхъ только 80 человѣкъ. Всю зиму въ Новгородѣ не было вѣсти о пропавшей рати, и

*) «Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.», т. III, стр. 19.
**) ibidem, т. IV, стр. 17.

лишь слѣдующимъ лѣтомъ 1194 года вернулись изъ похода жалкіе ея остатки*).

Подобнымъ же образомъ еще раньше подчинили Новгородцы своей власти Заволочье—Біармію скандинавскихъ сагъ, куда проникли въ первый разъ еще во времена Ярослава въ 1032 г. (походъ Глѣба къ Желѣзнымъ Вратамъ). Что Заволочьская Чудь также не безъ борьбы признала новгородскую зависимость, выражавшуюся въ платежѣ дани, лучше всего показываетъ судьба князя Глѣба Святославича, убитаго за Волокомъ въ 1079 (6587) году (см. I Новгор. лѣтоп.). И сюда Новгородцевъ привлекало, какъ видно, исключительно пушное богатство, главный предметъ заграничнаго экспорта Великаго Новгорода. Подчинивъ себѣ силою туземцевъ Заволочья, Новгородъ впослѣдствіи не разъ долженъ былъ оберегать это владѣніе отъ другихъ претендентовъ на него— сначала Суздальскихъ, напр. въ 1169 г., а потомъ Московскихъ великихъ князей, пока въ 1471 г. Двинская земля окончательно не отошла къ Москвѣ**).

Такимъ-то *насильственнымъ* способомъ утвердилъ Новгородъ свою власть въ Заволочьѣ, Перми, Печерѣ и далекой Югрѣ. Нигдѣ въ лѣтописяхъ и другихъ достовѣрныхъ источникахъ не встрѣчаемъ мы при этомъ извѣстій о какихъ-либо иныхъ богатствахъ этихъ странъ, кромѣ пушнаго, за которымъ и стремился Новгородъ въ эти далекія лѣсныя дебри, обитаемыя звѣроловами-финнами. Только въ извѣстіяхъ объ

*) Подробный разсказъ объ этомъ событіи см. въ I Новгор. лѣтоп. подъ 1193 и 1194 г.г. (Под. Собр. Рус. Лѣт. т. III, 21—22). Слова Югры: „*яко копимъ сребро*" нужно понимать въ смыслѣ *привознаго* богатства, какъ продукта мѣновой торговли съ Болгарами или Азіей. Объ этомъ см. *Д. И. Иловайскаго:* «Исторію Россіи», т. I, ч. 2-я. Владимірскій періодъ. Москва. 1880 г., стр. 284—285.

**) Подробности объ отношеніяхъ Новгорода къ Заволочью, Перми, Печерѣ и Югрѣ см. у *Бѣляева:* «Исторія Новгорода Великаго». Москва. 1864 г. и *Костомарова:* «Сѣвернорусскія народоправства», СПБ. 1868 г., т. I, стр. 407—410 и м. др.

«Отказная грамота Новгородцевъ на Двинскую землю» и три списка Двинскихъ земель въ «Актахъ Археографической Экспедиціи», т. I, №№ 93 и 94, стр. 72, 73 и слѣдующія.

Югрѣ подъ 1193 годомъ, въ I Новгородской лѣтописи, замѣчено, что этотъ народъ даетъ Новгородцамъ данв „серебромъ и узорочьями“. По мнѣнію *Костомарова,* эти богатства шли на Уралъ изъ отдаленныхъ азіатскихъ странъ, жители которыхъ „отправляли серебро и золото *на границы* Перми и Югрѣ, а отъ послѣднихъ получали эти предметы Новгородцы“ *). На Уралѣ если и добывались изъ „чудскихъ копей“ металлы въ столь отдаленное время, то развѣ въ самомъ ограниченномъ количествѣ, при чемъ сами туземцы, конечно, не обладали искусствомъ переплавлять ихъ въ изящныя издѣлія. Такихъ издѣлій въ Пріуральѣ находили, правда, много, но археологія уже признала ихъ азіатское или болгарское происхожденіе. И между тѣмъ какъ скандинавскія саги воспѣваютъ баснословную Біармію, наши русскіе источники самымъ обыкновеннымъ тономъ повѣствуютъ о предпріятіяхъ Новгородцевъ въ тѣхъ же мѣстахъ. Кому же больше мы должны вѣрить?

Затѣмъ, послѣ утвержденія власти Новгорода Великаго среди восточныхъ инородцевъ, начиная съ XIII и до XV вѣка, Пермь, Печера и Югра постоянно упоминаются въ числѣ Новгородскихъ волостей въ длинномъ ряду договорныхъ грамотъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими. Двѣ древнѣйшія грамоты относятся къ 1263 году (были заключены съ вел. княземъ Тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ), а послѣдними были двѣ Яжелбицкія грамоты, заключенныя съ Василіемъ II Темнымъ въ 1456 г. и двѣ Коростынскія — съ Іоанномъ III отъ 11 августа 1471 года. Всѣхъ же договорныхъ грамотъ за указанное время было заключено до 24, и почти во всѣхъ ихъ дѣлается такое перечисленіе Новгородскихъ волостей: „Волокъ со всѣми волостьми, Торжокъ, Бѣжицы, Городецъ Палецъ, Мелеча, Шипинъ, Егна, Заволочье, Тре, *Пермь*, Печера, Югра,

*) «Сѣвернорусскія народоправства», т. I, стр. 415. Лѣтописную *Печеру* Костомаровъ вмѣстѣ съ Щегреномъ принимаетъ за Зырянъ, (ibidem, 411 и 415).

Вологда". Въ первыхъ двухъ договорныхъ грамотахъ 1263 года наша страна наименована *Пермь* *).

Наконецъ наступаетъ для Пермской страны Московскій періодъ исторіи. Извѣстія о Пермской странѣ дѣлаются все полнѣе и опредѣленнѣе по мѣрѣ приближенія къ новому времени. Прежніе пути сообщенія, какъ и направленіе народной дѣятельности, существенно измѣняются. Вмѣстѣ съ тѣмъ принятіе христіанства кореннымъ образомъ измѣняетъ характеръ мѣстнаго населенія и способствуетъ усиленію прилива русскихъ переселенцевъ въ Пріуралье. Мало по малу русская колонизація охватываетъ весь Уралъ, проникаетъ далѣе на востокъ и прочно утверждается въ предѣлахъ бывшаго Сибирскаго татарскаго царства. Такимъ образомъ въ Московскомъ періодѣ вся гражданственность восточной окраины Европы радикально измѣняется, и Пермь Великая окончательно сливается во едино съ Московскимъ царствомъ въ одномъ „славянскомъ морѣ", оставивъ позади себя лишь смутныя преданія о новгородской и еще болѣе отдаленной, такъ сказать, героической или скандинавской эпохѣ ея жизни.

Мы указали торговые пути, которые шли чрезъ Пермскую землю въ то отдаленное время, имѣя крайними пунктами устье Сѣверной Двины и Булгаръ на Волгѣ, откуда путь продолжался до Хозарскаго Итиля и далѣе на югъ и востокъ— въ Азію. Въ продолженіе Новгородскаго періода постепенно, съ большими усиліями, русскіе прокладываютъ новый путь съ запада на востокъ—въ Пермь, Печеру, Югру *и даже въ бассейнъ Оби*, гдѣ новгородцы впервые появляются, если не ошибаемся, въ 1364 году**). Затѣмъ въ 1465 г. за Ураломъ появляются впервые уже *Московскіе* воинскіе люди.

*) «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ», т. I, № 1.

**) «Той зимы $\left(\frac{1364 \text{ г.}}{6872}\right)$ съ Югры Новгородци пріѣхаша, дѣти боярьскіи и молодыи люди, и воеводы Александръ Абакуновичъ, Степанъ Ляпа воевавше по Обѣ рѣки до моря, а другая половина рати на верхъ Оби воеваша» (IV Новгородская лѣтопись).

Тѣмъ временемъ страшный татарскій погромъ положилъ конецъ древнему Булгару, а съ нимъ навсегда прервалъ прежній торговый путь съ юга на крайній сѣверъ Европы: Потому-то *именно съ этого момента навсегда замолкли героическія пѣсни скандинавскихъ скальдовъ о Біармін*. Новые властители сѣверо-восточной Европы, Новгородцы, уже не пѣли такихъ пѣсенъ, а безъ шума и рыцарской славы дѣлали свое дѣло, съ трудомъ и лишеніями прокладывая новые пути для своей торговой предпріимчивости, за пресѣченіемъ прежняго пути владѣніями первоначально грозной Золотой Орды. *Такъ, южный торговый путь уступилъ мѣсто сѣверо-восточному*, оставивъ по себѣ вѣковѣчный памятникъ въ видѣ развалинъ древняго Булгара на Волгѣ и множество восточныхъ монетъ и разныхъ металлическихъ вещей по берегамъ тѣхъ рѣкъ, по которымъ онъ когда-то пролегалъ.

Сѣверо-восточный путь, вновь проложенный Новгородцами съ такими усиліями, остался потомъ въ наслѣдіе Москвитянамъ и долго служилъ въ Московскомъ періодѣ единственной удобной дорогой изъ Европы въ Азію. Онъ шелъ С. Двиной, Вычегдой, волокомъ, Печерой, ея притокомъ Щугуромъ, снова волокомъ, Сыгвой и Сосвой на Обь (р. Сыгва, на которой стоялъ Югорскій городокъ Ляпинъ, есть лѣвый притокъ Сосвы). Этимъ путемъ, между прочимъ, въ 1499 году прошла на Обь Московская рать подъ начальствомъ князя Семена Ѳедоровича Курбскаго, князя Петра Ѳедоровича Ушатаго и Василія Бражника, какъ положительно извѣстно изъ Герберштейна и другихъ источниковъ *).

Но въ XVI вѣкѣ были уже и другіе, болѣе сѣверные, пути изъ Европы въ Азію, какъ можно видѣть изъ дошедшаго

*) *Замысловскій:* «Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи». СПБ. 1884 г., стр. 131—132 и 434—437 и въ атласѣ къ этой книгѣ карта № 2. О походѣ 1499—1500 (7007—7008) г.г. см. въ *Воскресенской* лѣтописи въ Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. VIII, стр. 237. Эта лѣтопись упоминаетъ вмѣстѣ съ Югричами и «Гогуличей», т. е. конечно Вогуличей, *впервые* названныхъ такъ въ Епифаніевомъ житіи св. Стефана XIV вѣка.

до нашего времени старинного (XVI в.) дорожника или „Указателя пути въ Печеру, Югру и къ р. Оби“; только ими, повидимому, пользовались мало, какъ не столь удобными и слишкомъ отдаленными. Направленіе этого сѣвернаго пути было таково: С. Двина, Пинега, волокъ, р. Кулой, текущая въ Бѣлое море, далѣе по морю до устья Мезени, р. Мезень, ея правый притокъ р. Пеза, два Волоковыхъ озера, рѣчки Рубиха, Чирка, рѣка Цыльма, Печора, Щугуръ и далѣе чрезъ Уралъ на Сигву и Сосву, откуда въ бассейнъ Оби. Впрочемъ съ Печоры на Обь чрезъ Уральскія горы шло въ XVI вѣкѣ и позже три дороги: самая сѣверная по р. Усѣ чрезъ горы на р. Собь, притокъ Оби, средняя по Щугуру чрезъ горы на Сыгву и Сосву и третья—южная по р. Илычѣ или Илычу (впадаетъ въ Печеру выше Щугура и Подчерема) чрезъ горы на р. Вогулку и Сосву *).

Въ слѣдующемъ XVII вѣкѣ, именно въ 1627 г., была составлена въ Москвѣ извѣстная *„Книга Большому Чертежу*, что сдѣланъ въ Розрядѣ новый чертежъ всему Московскому государству, городомъ, и полю, и рѣкамъ, и всякимъ полевымъ именнымъ урочищамъ 135 (1627) году“. Она издана была въ печати въ первый разъ въ 1792 г., во второй—въ 1838 г. *Д. И. Языковымъ*, въ третій—въ 1846 г. *Григоріемъ Спасскимъ*, издателемъ „Сибирскаго Вѣстника“, и представляетъ собою подробное описаніе не дошедшей до насъ большой карты Московскаго государства. По ней можно видѣть и существованіе въ XVII в. пути сообщенія въ Россіи и въ числѣ ихъ—пути въ Азію. Не видя надобности приводить еще большія подробности о сѣверныхъ путяхъ изъ Европы въ Азію, мы обратимъ теперь вниманіе исключительно на торговые пути, шедшіе чрезъ Пермь. Они-то и были важнѣйшими путями сообщенія между Европейской Россіей и сѣверной Азіей.

*) *Замысловскій:* «Герберштейнъ», стр. 148—150 и примѣчанія къ нимъ.

Самый древній торговый путь, шедшій съ Волги Камою и ея сѣверными притоками на Вычегду и С. Двину и потерявшій свое важное значеніе со времени татарскаго погрома въ XIII в., все таки не былъ заброшенъ совершенно и служилъ впослѣдствіи путемъ сообщенія изъ Золотой Орды чрезъ Пермь въ Заволочье. Это видно изъ лѣтописнаго извѣстія подъ 1324 (6832) годомъ: „Идоша Новгородци съ княземъ Юрьемъ на Заволочье и взяша Устьюгъ на щитъ и придоша на Двину,... *а князь Юрьи пойде въ Орду изъ Заволочья по Камѣ рѣцѣ*" (см. I и IV Новгородскія, Воскресенскую и друг. лѣтописи).

Но этотъ древній путь съ юга на сѣверъ, путь, имѣвшій теперь далеко не прежнее торговое значеніе, уже давно—съ XI или XII вѣка—пересѣкался другимъ „Новгородскимъ" путемъ съ запада на востокъ—за Уралъ. Мы не можемъ указать съ точностью, когда былъ оставленъ онъ, но полагаемъ, что *около половины XVI в.*, когда вслѣдствіе политическаго возвышенія Чердыни и Соликамска, обусловленнаго завоеваніемъ Перми Великой, *прежній Новгородскій путь съ Вычегды и Печеры на Сосьву и Объ былъ замѣненъ новымъ, болѣе южнымъ, Московскимъ путемъ* изъ Москвы чрезъ Ярославль, Тотьму, Устюгъ Великій, Лальскъ, южную часть Усть-Сысольскаго края и далѣе чрезъ Кайгородъ, Соликамскъ, Чердынь, Уральскія горы на Лозвинскъ, вновь построенный русскими около 1590 г. при впаденіи въ рѣку Лозьву рѣчки Ивделя. Слѣдовательно, *Московскій* путь шелъ рѣками: съ Вычегды на верхнюю Каму, по р. Камѣ, ея притоку Вишерѣ, по притоку Вишеры Велсую, притоку Велсуя Почмогу, чрезъ Уралъ на рѣчку Тальтію, притокъ Ивделя, по р. Ивделю на Лозьву, Тавду и Тоболъ, еще не входя въ бассейнъ Оби *).

*) *Н. К. Чупинъ:* «Географич. и статист. словарь Пермской губерніи», стр. 53—54 (статья: «Бабиновская дорога»). Рѣка Лозьва, сливаясь съ южной Сосьвой, образуетъ вмѣстѣ съ нею рѣку Тавду, лѣвый притокъ Тобола. Тавда съ сѣвера принимаетъ въ себя рѣку Пелымъ, гдѣ былъ городъ того же имени.

Въ „Соликамскомъ Лѣтописцѣ“, изданномъ *В. Н. Берхомъ,* подъ 1595 годомъ значится: „По указу царя Θедора Іоанновича *велѣно* провѣдывать прямую дорогу отъ Соли Камской до Верхотурья; прежняя была окольная отъ Соли Камской, мимо городъ Чердынь, вверхъ по Вишерѣ рѣкѣ, да черезъ Камень (Уралъ) въ Лозьву рѣку, Лозьвою внизъ въ Тавду, да Тавдою внизъ до Тобола рѣки, а Тоболомъ вверхъ до устья Туры рѣки, а Турою вверхъ до Тюмени. Тою дорогою хаживала денежная и соболиная казна и хлѣбные припасы, по смѣтѣ въ 2000 верстъ. Провѣдалъ прямую дорогу Верхъ-Усолецъ крестьянинъ Артюшка Бабиновъ, и стало отъ Соликамска до Верхотурья только 250 верстъ. За сію службу пожаловалъ царь Θедоръ Іоанновичъ Бабинова грамотою безданною и безпошлинною“. („Путешествіе“ *Берха,* стр. 206).

Артемій Бабиновъ открылъ новую дорогу южнѣе прежней—отъ Соликамска, *минуя г. Чердынь,* прямо на востокъ, чрезъ Уральскія горы, къ верховьямъ рѣки Туры, притока Тобола. Въ 1597 г. эта новая дорога, прозванная *Бабиновскою,* была окончательно приспособлена для ѣзды. Съ того времени городокъ Лозвинскъ былъ заброшенъ, а на томъ мѣстѣ р. Туры, гдѣ вышла къ ней новая дорога, былъ основанъ новый городъ Верхотурье въ 1598 году. Здѣсь устроена была таможня, и съ того времени никакими другими дорогами, кромѣ этой, не разрѣшалось ѣздить въ Сибирь и обратно, хотя безъ контрабанды, конечно, не обходилось*).

Итакъ, съ 1597 г. главный трактъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь шелъ слѣдующимъ образомъ: Москва, Переяславль Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Шуйскій Ямъ, Тотьма, Устюгъ, Лальскій посадъ, Кай-городокъ, Соль-Камская, село Ростесъ, Верхотурье, Туринскъ, Тюмень, Тобольскъ—длиною 2388 верстъ. Впослѣдствіи дорога отъ

*) *Костомаровъ* «Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII стол.». СПБ. 1862 г., стр. 113—117 и мн. другія.

Верхотурья уклонилась на села Салдинское и Мугайское, потомъ на Туринскъ, немного сократившись чрезъ это измѣненіе.

Съ учрежденіемъ Ирбитской ярмарки по указу царя Михаила Ѳеодоровича около 1643 года, опять послѣдовало нѣкоторое измѣненіе въ направленіи главной Сибирской дороги. Это произошло около 1685 года. До Верхотурья шла прежняя Бабиновская дорога, а отъ Верхотурья она круче уклонялась на юговостокъ, уже вовсе минуя Туринскъ и направляясь къ важному торговому пункту г. Ирбити. Вотъ это новое направленіе: Верхотурье, село Салдинское, с. Мугайское, Невьянскій монастырь, Невьянская слобода, Рудная слобода, Ницинская слобода, *Ирбитская* слобода, Киргинская слобода, Чубарова, Верхъ-Ницинская, Краснослободскій острогъ, Усть-Ницинская, Тюмень и Тобольскъ. Прежде отъ Верхотурья чрезъ Туринскъ до Тобольска считалось 612 верстъ, а теперь между тѣми же городами чрезъ Ирбить считалось 622, но это новое направленіе дороги, захватывая важный торговый пунктъ, было удобнѣе *).

---

*) *Примѣчаніе*. Хотя предѣломъ настоящаго изслѣдованія мы положили XVII вѣкъ, но, занявшись вопросомъ о торговыхъ путяхъ, позволимъ себѣ указать здѣсь же и пути, шедшіе чрезъ Пермь Великую въ слѣдующемъ столѣтіи.

При Аннѣ Іоанновнѣ въ 1731 году путь изъ Москвы въ Сибирь существенно измѣнился, направившись на Владиміръ, Муромъ, Нижній Новгородъ и Козмодемьянскъ. Здѣсь Сибирская дорога отдѣлялась отъ Казанской, поворачивала на сѣверо-востокъ и проходила чрезъ Царево-Санчурскъ, Яранскъ, Котельничъ, Хлыновъ (Вятку), Кайгородъ, Соликамскъ, Ростесъ, Верхотурье, Салду, Мугай, Невьянскій монастырь и слободу и т. д.—чрезъ Ирбить до Тюмени и Тобольска. По этому пути отъ Москвы до Тобольска считалось уже 2851 версты.

Лѣтъ чрезъ 20 послѣ уничтоженія Верхотурской таможни, именно около 1783 года, былъ проложенъ новый, такъ называемый, *„Большой Сибирскій трактъ“*, оставившій въ сторонѣ всѣ упомянутые города Вятской губерніи, а равно и Пермскіе—Соликамскъ съ Верхотурьемъ и направившійся изъ Казани чрезъ Сарапулъ, Оханскъ, Пермь—губернскій, Кунгуръ на Екатеринбургъ, Тюмень до Тобольска и далѣе на востокъ.

Кромѣ всѣхъ перечисленныхъ путей изъ Европейской Россіи въ Сибирь въ Перми Великой съ древнѣйшихъ временъ и доселѣ существуетъ особый путь съ Камы

IV.

Эксплоатація естественныхъ богатствъ Перми Великой.

Мы остановились довольно подробно на древнихъ торговыхъ путяхъ, шедшихъ чрезъ Пермь Вычегодскую и Прикамскую или Великую, въ томъ соображеніи, что эти пути вмѣстѣ съ археологическими находками, обыкновенно сопровождающими ихъ, и съ скандинавскими сагами были главными источниками ученыхъ заблужденій для всѣхъ апологетовъ Біарміи. Какъ въ вопросѣ о древней Чуди и ея культурѣ, такъ и въ вопросѣ о древнихъ торговыхъ путяхъ мы не могли отдѣлять Перми сѣверную отъ южной, Вычегодскую отъ Прикамской или *Чусовой*: такъ не разрывна связь между ними по отношенію къ древнѣйшей скандинавской эпохѣ. Теперь мы должны обратить вниманіе на *дѣйствительныя* минеральныя богатства тѣхъ странъ, по которымъ шли древнѣйшіе пути,—и особенно Перми Великой, составляющей главный предметъ нашего изслѣдованія. Посмотримъ, можно ли съ этой стороны принять за дѣйствительность разсказы о „закамскомъ серебрѣ“.

Уже сказано было, что какъ за Ураломъ, такъ и къ западу отъ него встрѣчается не мало такъ называемыхъ „чудскихъ копей“ *), свидѣтельствующихъ о разработкѣ металловъ въ этихъ мѣстахъ въ глубокой, еще доисторической древности. Но мы знаемъ уже, какъ грубы и несовер-

---

на Печеру. Направленіе его указано выше. О немъ есть моя особая статья: «Нѣсколько словъ о торговомъ транзитѣ между рѣчными системами Печеры и Колвы» въ «Пермск. Губерн. Вѣдом.» 1882 г. № 21. О другихъ позднѣйшихъ путяхъ въ Перми Великой довольно полно говорится въ сочиненіяхъ *Н. С. Попова*: «Хозяйственное описаніе Пермской губерніи». Изданіе 1-е, Пермь 1804, т. I, стр. 69—82; затѣмъ *Штиглица*: «Списки населенныхъ мѣстъ Пермской губ.» СПБ. 1875 г. стр. CVIII—CX, въ «Словарѣ» *Н. К. Чупина*, въ статьѣ г. *Эйгера* объ Ирбитской ярмаркѣ въ «Пермскомъ Сборникѣ», т. II, Москва. 1860 г. и у *Мозеля*: «Пермск. губ.» СПБ. 1864, I и II т.

*) Припомнимъ опять спеціальное изслѣдованіе проф. *Эйхвальда* «О чудскихъ копяхъ» въ «Запискахъ Импер. Русск. Археолог. Общества», томъ IX, стр. 269—370.

щенія были металлическія издѣлія, большею частію мѣдныя и желѣзныя, находимыя теперь въ „городищахъ“, приписываемыхъ преданіями, какъ и самыя копи, той же исчезнувшей Чуди. Серебряныя же вещи высокой технической отдѣлки, на основаніи различныхъ археологическихъ соображеній, спеціалисты считаютъ принадлежностью далекаго Азіатскаго юга и востока. Подъ ними-то, кажется, и нужно разумѣть прославленное „*закамское серебро*“, *большею частію привезенное на берега Камы съ далекаго юга и востока*. „Далеко не всѣ предметы вывоза болгарской торговли, отмѣченные Арабами, замѣчаетъ *Полевой*, принадлежали къ *мѣстнымъ* произведеніямъ Волжской Болгаріи. Къ мѣстнымъ произведеніямъ могутъ быть отнесены только медъ и воскъ, кожа и тѣ дешевые ковры, о которыхъ упоминаютъ Арабы. Большая часть мѣховъ, въ особенности дорогихъ, а также и желѣзо, добывались изъ далекой Югры; болѣе дешевые мѣха, мамонтовая кость и моржовые клыки шли въ Болгарію съ сѣвера, изъ туманной, полу-баснословной Біарміи“ *). „*Монеты и лучшія вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, находимыя въ Пермскомъ краѣ*, говоритъ Д. И. Иловайскій, *конечно не туземнаго происхожденія, а добывались съ помощію привозной торговли*. Говоря о Біарміи, не надобно забывать существованіе промышленнаго народа Камскихъ Болгаръ, которыхъ торговцы далеко на сѣверъ и западъ распространяли произведенія какъ собственныя, такъ и привозимыя изъ мусульманской Азіи“ **). Множество драгоцѣнныхъ находокъ на почвѣ древней Перми и Болгаріи, повторяющихся отъ времени до времени и до сихъ поръ, все больше подтверждаютъ справедливость этихъ словъ глубокаго знатока русской отдаленной старины.

Достовѣрныя лѣтописныя извѣстія о разработкѣ горныхъ богатствъ Урала и прилегающихъ къ нему странъ начинаются

*) «Очерки Русской исторіи въ памятникахъ быта», т. I, стр. 143.
**) «Исторія Россіи», т. I, часть 2-я: Владимірскій періодъ, стр. 542.

только съ XV вѣка. Въ 1491 году великій князь Иванъ Васильевичъ посылалъ на Печору Андрея Петрова и Василія Иванова Болтина съ какими-то нѣмцами Іоганномъ и Викторомъ искать серебряной руды, и они удачно выполнили это порученіе. „Лѣта 7000 (1492) октября въ 20, говоритъ лѣтописецъ, пріидоша на Москву Ондрѣй Петровъ да Василій Ивановъ сынъ Болтина, что посылалъ князь велики съ ними Нѣмець Ивана да Виктора на Печеру руды искати сребреные, и они нашли руду сребряную и мѣденую въ великого князя вотчинѣ на рѣцѣ на Цимлѣ, не доходя Космы рѣки за полъднища, а отъ Печеры рѣки за семь днищь; а мѣста того, гдѣ нашли, на десяти верстахъ, а отъ Москвы дотолѣ полъ—4 тысячи верстъ; а нашли руду лѣта девятдесять девятаго августа 8" *). Однако благихъ послѣдствій это открытіе не имѣло. „Россія почти не обработывала своихъ металловъ, говоритъ *Н. И. Костомаровъ*. При Іоаннѣ III находка печерскихъ рудниковъ была, кажется, столь же безплодна, какъ многочисленныя попытки правительства къ отысканію руды въ XVI и XVII вѣкахъ. Только желѣзо выдѣлывалось у насъ въ *горнахъ* и *домницахъ* въ Орѣшкѣ, въ землѣ Корельской, Каргополѣ, Тихвинѣ, Новгородѣ, Устюжнѣ, прозванной „желѣзнопольскою", и около Коширы. Это не были правильные заводы, а только крестьянскіе опыты. Иванъ Васильевичъ даровалъ англичанамъ право завести желѣзные заводы въ Вычегдѣ" **). Слѣдовательно, даже въ позднѣйшее время Россія не обходилась безъ иностраннаго желѣза; равнымъ образомъ золото и серебро привозилось къ намъ изъ за границы въ монетѣ, слиткахъ и издѣліяхъ ***). Тѣмъ болѣе все это было неизбѣжно въ древнѣйшія времена, о которыхъ мы говорили выше.

*) *Воскресенская* лѣтопись подъ 1491 г. Полн. Собр. Рус. Лѣтоп. т. VIII, 223.

**) «Очеркъ торговли Московскаго госуд.» СПБ. 1862 г. стр. 194—195.

***) ibidem, стр. 197, 201 и мн. др.

Успѣшнѣе эксплоатировались соляныя залежи въ разныхъ мѣстахъ Россіи, но и это дѣло возникаетъ у насъ довольно поздно. Въ XV вѣкѣ, по словамъ *Костомарова*, еще не было добыванія соли, и Великій Новгородъ получалъ соль изъ за границы“ *). Въ слѣдующемъ XVI в. началось солевареніе близъ Старой Русы. Въ 1517 г. Строгановы заводятъ свои солеварни на Вычегдѣ, въ Устюжскомъ и Сольвычегодскомъ краѣ, а съ 1558 года въ Перми Великой на р. Камѣ, въ нынѣшнемъ Соликамскомъ уѣздѣ. Однако *Костомарову* осталось неизвѣстнымъ, что *самое старинное солевареніе возникло у насъ въ началѣ XV вѣка, еще до появленія Строгановыхъ на Камѣ*, возникло около нынѣшняго Соликамска на рѣчкѣ Боровой и на мѣстѣ самаго города, на рѣчкѣ Усолкѣ. Не даромъ же первые русскіе поселенцы на этихъ мѣстахъ дали и городу, и рѣчкѣ такое названіе; самый Соликамскъ первоначально назывался *Усолье Камское* или *Соль Камская*. *Берхъ*, основываясь на одномъ старинномъ документѣ, найденномъ имъ въ Соликамскѣ, замѣчаетъ: „Въ XV вѣкѣ посадскіе *Калмыкиновы* завели солевареніе выше села Верхъ-Боровскаго, при рѣкѣ Боровой, и поставили тамъ пять трубъ. Скудость росоловъ побудила ихъ скоро оставить мѣсто сіе и переселиться около 1430 года на рѣчку Усолку (въ нынѣшній Соликамскъ), гдѣ они и нашли больше способовъ для продолженія своего промысла“ **). *Это-то и были, сколько намъ извѣстно, первыя въ Россіи солеварни*. Въ XVI—XVII в.в. Строгановы сдѣлались обладателями громадныхъ имѣній въ Пермскомъ краѣ, и съ того времени соляное дѣло въ Перми Великой было поставлено на прочную ногу. Они постепенно заводятъ соляныя варницы: въ 1564 г. въ Кергеданѣ или Орлѣ-городкѣ, въ 1568 г. въ Нижнемъ Чусовскомъ городкѣ, въ 1606 г.—въ Новомъ Усольѣ***). Тѣмъ временемъ

*) ibidem, стр. 191.

**) *Берхъ*: «Путешествіе въ Чердынь и Соликамскъ». СПБ. 1821 г., стр. 3.

***) «Усольская лѣтопись *Ѳ. А. Волегова*», изданная мною въ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1882 г. №№ 96 и 97 и въ оттискахъ (Пермь. 1882 г.).

основанный въ 1560 г. Строгановыми Пыскорскій Преображенскій монастырь заводитъ соляныя варницы на р. Камѣ въ Рождественскомъ Усольѣ, которое чаще называлось Дедюхинымъ (впослѣдствіи горный городъ, а нынѣ — заштатный) и на рѣчкѣ Зырянкѣ. Со временемъ Дедюхинскія солеварни, неизвѣстно когда возникшія *первоначально*, переходятъ въ казну, а Зырянскія — къ Строгановымъ. Въ писцовыхъ книгахъ Ивана Яхонтова 1579 г. по Чердынскому уѣзду уже упоминаются семь варницъ на рѣкѣ Вишерѣ, съ коихъ получалъ соль между прочимъ и Великопермскій намѣстникъ, да кромѣ того „за рѣкою Вишерою на рѣкѣ на Толычѣ, на рѣчкѣ на Усолкѣ, посадскихъ и волостныхъ крестьянъ соляныя варницы: Якова Могильникова, Пимена Коробейникова, Филиппа Возмищева“; да варницы „молодчихъ людей“: Юшка Наумова, Максимка Калинина, Аникія Конотова и Ивана Фотѣева*). Въ 1610 году выходецъ изъ Балахны Соколовъ завелъ солеварни на рѣчкѣ Ленвѣ, гдѣ потомъ появляются варницы и другихъ промышленниковъ: Задорина, Черкасова, Шустова и Филатьева. Въ 1616 г. Строгановы заводятъ на Чусовой по сосѣдству съ Нижнимъ Верхній Чусовской городокъ съ солеварнями**). Со временемъ всѣ Ленвенскія солеварни также переходятъ въ руки богачей Строгановыхъ. Въ 1623—24 г.г. второй писецъ Михаилъ Кайсаровъ уже показываетъ въ Соли Камской на посадѣ и на рѣчкѣ Зырянкѣ 37 варницъ разныхъ частныхъ лицъ: Ивана Безукладникова, Парѳена Третьякова, Усачева и другихъ***). Столь широкаго развитія достигло въ Перми Великой частное солевареніе уже въ началѣ XVII столѣтія!

Итакъ, солевареніе въ Перми Великой впервые возникаетъ въ XV вѣкѣ. Между тѣмъ первые горные заводы для

*) Оттискъ писцовыхъ Чердынскихъ книгъ Яхонтова изъ Пермск. Губ. Вѣдом. 1878 г. стр. 41.

**) «Усольская лѣтопись *Ѳ. А. Волегова*», изд. *А. А. Дмитріева*. Пермь. 1882 г.

***) Оттискъ Соликамскихъ писцовыхъ книгъ Кайсарова изъ Пермск. Губ. Вѣдом. за 1872 г. Пермь. 1872 г. стр. 50—57.

плавки металловъ появляются въ этой странѣ только въ XVII вѣкѣ. Упомянутый Пыскорскій монастырь, въ то время богатѣйшій во всемъ Пермскомъ краѣ, имѣвшій уже, какъ мы видѣли, свои солеварни, положилъ основаніе первому горному заводу въ Перми Великой*). Заводъ построенъ былъ около 1640 года на устьѣ рѣчки Камгорки возлѣ самаго монастыря, подъ горой, гдѣ и досель видны его слѣды (шлаки). Первоначально на немъ плавили желѣзную руду, открытую на р. Яйвѣ въ земляхъ Строгановыхъ въ Кунгурскомъ рудникѣ. Рудникъ разрабатывался коштомъ боярина Дѣя Андреевича Свитейщикова въ сообществѣ съ нѣмцемъ Аристомъ Петцольтъ. Потомъ открытъ былъ Григоровскій мѣдный рудникъ при горѣ того же имени, около Пыскора, и тогда Кунгурскій рудникъ былъ оставленъ, а на Пыскорскомъ заводѣ стали плавить мѣдную руду. Впослѣдствіи заводъ на нѣкоторое время прекращалъ свое дѣйствіе, а въ 1724 году снова былъ пущенъ въ дѣйствіе**).

Пыскорскій заводъ въ теченіе столѣтія былъ *единственнымъ* во всей Перми Великой. Надлежащимъ же образомъ горнозаводское дѣло упрочилось здѣсь, какъ и на всемъ Уралѣ, только съ Петра Великаго. Преобразовательная эпоха сильно оживила Пермскій край построеніемъ многихъ горныхъ заводовъ, привлекшихъ на Уралъ массу новыхъ переселенцевъ изъ внутренней Россіи. Но мы не станемъ здѣсь подробно слѣдить за развитіемъ горнаго дѣла въ Перми Великой въ XVIII вѣкѣ, такъ какъ цѣлью нашей въ настоящемъ случаѣ было—указать зародышъ, начало горнаго дѣла въ этой странѣ.

---

*) Самымъ первымъ на всемъ Уралѣ считается *Ницинскій* желѣзодѣлательный заводъ въ Ирбитскомъ уѣздѣ, основанный въ 1628 г. *Пыскорскій* былъ вторымъ на всемъ Уральскомъ хребтѣ. «Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской имперіи», сочиненіе *Германа*, часть 1-я. Екатеринбургъ. 1810 г., стр. 3 и 4. «Списокъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи» *Иттиндица*. СПБ. 1875 г. стр. CLXXV.

**) *Германъ*, стр. 3 и 4. Въ «Путешествіи» *Берха* на стр. 42—47 см. грамоту Михаила Θеодоровича архимандриту Пыскорскаго монастыря Гермогену отъ 15 апрѣля 1641 года.

Итакъ, слѣдя по достовѣрнымъ историческимъ источникамъ за эксплоатаціей природныхъ богатствъ занимающаго насъ края, мы еще разъ убѣждаемся въ *отсутствіи* въ глубокой древности высокой мѣстной культуры въ области Перми Великой. Можно лишь признать, по даннымъ археологическихъ раскопокъ и такъ называемыхъ чудскихъ копей, знакомство древнѣйшихъ обитателей страны съ первобытными пріемами плавки металловъ. Всѣ же древнія вещи, болѣе или менѣе совершенныя въ техническомъ отношеніи и находимыя теперь въ Пріуральѣ, нужно считать продуктомъ восточной торговли и не мѣстной, а иноземной культуры. Къ такому мнѣнію склоняется теперь большинство ученыхъ. Многое, быть можетъ, выяснится еще въ темномъ прошломъ Пріуралья при дальнѣйшихъ ученыхъ изысканіяхъ, но при современномъ уровнѣ нашихъ познаній объ этомъ прошломъ *мы можемъ только констатировать несомнѣнный фактъ все большаго и большаго недовѣрія со стороны ученыхъ къ мнимой славѣ и величію Пермской страны въ отдаленной древности.*

V.

Границы и административное раздѣленіе Перми Великой до начала XVII вѣка.

Переходимъ къ чрезвычайно спорному въ наукѣ вопросу о границахъ древней Перми. Что бы какъ нибудь разобраться въ цѣломъ хаосѣ всевозможныхъ предположеній и мнѣній, высказанныхъ доселѣ по этому вопросу, мы сдѣлаемъ сначала двоякую группировку матеріала: во 1-хъ, сгруппируемъ различныя историко-географическія названія и во 2-хъ— ученыя заключенія о значеніи этихъ названій.

Относительно занимающей насъ страны въ историческихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ слѣдующія историко-географическія названія:

1. *Біармія*, *Біармландія* — скандинавскія слова и Beormas — англо-саксонское употребляются въ описаніи путешествія Отера въ IX вѣкѣ и въ скандинавскихъ сагахъ, а отсюда и въ трудахъ всѣхъ апологетовъ этой страны.

2. *Пермь*, *Перемь*, *Пермія* — русское наименованіе страны — употребляется въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ и договорныхъ грамотахъ Новгорода съ великими князьями Тверскими и Московскими.

3. *Пермь Великая* — въ смыслѣ названія цѣлой страны употребляется постоянно во всѣхъ государевыхъ грамотахъ и указахъ Московскаго періода, писцовыхъ книгахъ XVI—XVII в.в. и во всѣхъ другихъ правительственныхъ актахъ за то-же время.

4. *Пермь Великая Чердынь* — въ смыслѣ названія города (иногда и безъ прибавленія слова „Чердынь") употребляется въ тѣхъ же документахъ и за то-же время.

5. *Пермь Старая* — въ смыслѣ названія города Усть-Выма, на р. Вычегдѣ при впаденіи въ нее р. Вымы, употреблено въ „Книгѣ Большаго Чертежа" 1627 года.

6. *Пермь Малая* или *Пермца*, въ смыслѣ названія одной Зырянской волости въ Сольвычегодскомъ краѣ, упоминается въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ документахъ Московскаго періода въ Вологодскомъ краѣ.

Таковы встрѣчающіяся въ историческихъ источникахъ старинныя наименованія Пермской страны и ея нѣкоторыхъ населенныхъ пунктовъ. Обитатели же этой страны въ тѣхъ же источникахъ именуются такимъ образомъ:

1. *Біармійцы*, т. е. жители Біарміи, упоминаются тамъ же, гдѣ и это названіе страны.

2. *Заволоческая Чудь* — русское наименованіе древнѣйшихъ обитателей Заволочья, упоминаемое въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ.

3. *Пермь* вмѣстѣ съ именами *Печёра* и *Югра*, въ смыслѣ наименованія народовъ и самыхъ странъ, упоминаются вмѣстѣ съ предъидущимъ названіемъ въ древне-русскихъ лѣтописяхъ и договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ.

4. *Пермь Великая* иначе *Чусовая*, какъ народъ, упомянута въ Епифаніевомъ житіи св. Стефана Пермскаго XIV вѣка.

5. *Пермяне, Пермичи,* какъ общее названіе Зырянъ и Пермяковъ, упоминаются въ томъ же житіи и во многихъ грамотахъ Московскаго періода.

6. *Пермяки* — передѣлка имени Пермянъ — упоминается въ первый разъ въ спискѣ Двинскихъ земель 1471 г. *), а затѣмъ въ Великопермской уставной грамотѣ 1553 года **).

Такова историко-географическая номенклатура въ области бывшей Пермской страны, съ которою у разныхъ ученыхъ соединяется далеко не одинаковое представленіе въ отношеніи ея границъ. Попробуемъ сгруппировать и самыя заключенія ученыхъ о границахъ древней Перми.

Предварительно замѣтимъ однако, что въ связи съ вопросомъ о границахъ стоитъ вопросъ и происхожденіи названій *Пермь* и *Біармія*, при рѣшеніи котораго всѣ ученые раздѣлились на двѣ партіи. Одни утверждали, что *Пермь* есть испорченное скандинавское имя *Біармія*, есть русская передѣлка скандинавскаго названія, и что, слѣдовательно, *Біармія* и *Пермь* есть въ сущности одно и тоже. Стараясь уяснить себѣ значеніе слова „Пермь", *Савельевъ, Шегренъ* и *Кастренъ* производятъ его отъ финско-зырянскаго корня и суффиксовъ и переводятъ это слово въ смыслѣ *украйны*, задней, крайней

*) «Акты Археографической Экспедиціи», томъ I, № 94.

**) «Путешествіе» *В. Н. Берха*, стр. 121—134 и въ приложеніяхъ къ настоящей книгѣ.

стороны (отъ финскаго „Perävana“ = задняя сторона, или зырянскаго „Perjema“ = унаслѣдованная земля, по *Шегрену*; пермяцкое „Paarma“ однозначуще съ зырянскимъ „Syrjä, syrja“ = украйна, слѣдовательно Пермяки и Зыряне—слова синонимическія, по *Савельеву* и *Савваитову*)*). Другіе знатоки зырянско-пермяцкаго языка, напримѣръ *Роговъ* и въ послѣднее время *Лыткинъ*, производятъ слово „Пермь“ отъ зырянскаго „парма“ = возвышенная мѣстность; то же мнѣніе поддерживаетъ профессоръ *Замысловскій* **).

Но есть другая партія ученыхъ, которая, считая форму „Біармія“ первообразомъ слова „Пермь“, старалась объяснить происхожденіе самого скандинавскаго наименованія изъ финскихъ языковъ. Тутъ встрѣтилось еще больше затрудненій въ словообразованіи, почему и выводы были еще гипотетичнѣе. Одни складывали это слово изъ *би* (огонь) *уръ* (бѣлка) *му* (земля) = земля огненной, т. е. красноватой, бѣлки; другіе—изъ *би-аръ* (годъ) *му* = земля годоваго огня; третьи—изъ *би-югоръ* (лучъ) *му* = земля огненныхъ лучей***). Конечно, всѣ такія объясненія не привели ни къ чему опредѣленному, и смыслъ слова *Біармія* для насъ и понынѣ такъ же теменъ, какъ и прежде.

Изъ всѣхъ приведенныхъ филологическихъ розысканій наиболѣе простымъ, естественнымъ является производство слова *Пермь* изъ пермяцкаго и зырянскаго *парма* = возвы-

*) *Шегренъ:* «Gesammelte Schriften», I, 295—296.

Савваитовъ: «О зырянскихъ древнихъ календаряхъ» въ «Трудахъ I Археолог. Съѣзда». Москва. 1869 г. II.

Савельевъ: «Пермская губернія въ археологическ. отношеніи» въ «Журналѣ Министерства Внутр. Дѣлъ» 1852 г. № 7.

**) *Роговъ:* «Матеріалы для описанія быта Пермяковъ» въ «Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ» 1858 г. № 4.

Лыткинъ: «Пятисотлѣтіе Зырянскаго края» въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» 1883 г. № 12.

Замысловскій: «Объясненія къ учебному атласу по Русской исторіи». СПБ. 1887 года, стр. 30.

***) «Сказаніе о жизни и трудахъ святаго Стефана, епископа Пермскаго» *А. М.* (архимандрита *Макарія*). СПБ. 1856 г. на стр. 88, примѣчаніе 6-е.

шенность, такъ какъ и сейчасъ Пермяки и Зыряне „пармою“ называютъ всякую возвышенную плоскость. Достойно вниманія, что одна возвышенная лѣсистая и глухая мѣстность въ сѣверо-восточной части Соликамскаго уѣзда, въ бассейнѣ рѣки Глухой Вильвы, текущей слѣва въ Язьву, притокъ Вишеры, *и досель называется среди мѣстныхъ жителей (русскихъ) Пармою,* а въ недалекомъ отсюда разстояніи, въ бассейнѣ р. Косьвы, лѣваго притока Камы, но въ предѣлахъ сосѣдняго Пермскаго уѣзда, встрѣчается двѣ деревни съ названіемъ *Пермское* и село *Перемское,* иначе Николаевское; кромѣ того въ Чердынскомъ уѣздѣ на рѣчкѣ Зулѣ, въ 315 верстахъ отъ уѣзднаго города, въ Юрлинской волости, донынѣ есть деревня *Парма.* Однако и указанное словообразованіе „Пермь“ отъ „парма“ теряетъ значеніе въ отношеніи собственно къ народамъ, населявшимъ эту страну съ древнихъ временъ, такъ какъ и Пермяки, и Зыряне сами себя называютъ *Коми* и, по свидѣтельству знатока ихъ *Рогова,* сами *„не знаютъ, почему страну ихъ называютъ Пермью, а ихъ Пермяками“* *).

Обращаясь затѣмъ къ мнѣніямъ разныхъ ученыхъ о границахъ древней Перми, мы замѣчаемъ въ этомъ отношеніи четыре группы.

1. По мнѣнію однихъ, Біармія и Пермь есть одно и тоже, именно огромная страна, занимавшая восточныя части нынѣшнихъ Архангельской и Вологодской губерній и сѣверныя Вятской и Пермской.

2. По другимъ, Біармія была одна страна, именно побережье Бѣлаго моря и бывшее Заволочье—отъ р. Онеги либо Двины до Печоры и даже Уральскаго хребта, а Пермь—другая, лежавшая южнѣе, въ области нынѣшняго зырянско-пермяцкаго населенія, слѣдовательно восточная часть теперешней Вологодской губерніи, сѣверо-западная Пермской и сѣверо-восточная Вятской.

*) «Журналъ Минист. Внутр. Дѣлъ», 1858 г., № 4, въ статьѣ о Пермякахъ.

3. По третьимъ, Пермь вообще и Пермь Великая была одна и та же страна (безотносительно къ Біарміи) въ предѣлахъ теперешняго зырянскаго и пермяцкаго населенія.

4. По четвертымъ, Пермь Великая была въ сѣверо-западной части нынѣшней Пермской губ. (до рѣки Чусовой включительно) и въ сѣверо-восточной части Вятской, а Пермь (вообще, безъ опредѣленія) лежала по теченію р. Вычегды и ея притоковъ, р. Вымы, Сысолы и другихъ.

Приведемъ мнѣнія только важнѣйшихъ представителей каждой группы. Самой обширной по числу послѣдователей является первая группа ученыхъ, считающихъ Біармію и Пермь за одну и ту же страну съ двумя названіями — скандинавскимъ и русскимъ. Сюда относятся всѣ писатели-апологеты прошлаго вѣка, касавшіеся вопроса о древней Перми, каковы *Страленбергъ, Ломоносовъ, Чулковъ, Рычковъ* и мн. др. Въ нашемъ вѣкѣ первымъ авторитетнымъ представителемъ той же гипотезы является *Карамзинъ*, въ первомъ же томѣ своего монументальнаго историческаго труда рѣшительно заявившій: „Имя нашей Перми есть одно съ именемъ древней Біарміи, которую составляли Архангельская, Вологодская, Вятская и Пермская губерніи“ („Ист. Гос. Россійск.“, изд. Смирдина, I, 42). Позднѣе такое же мнѣніе высказалъ извѣстный нумизматъ *Савельевъ*, на основаніи иныхъ научныхъ соображеній*). Въ 1860 годахъ гипотеза о тождествѣ Перми и Біарміи пріобрѣтаетъ новаго авторитетнаго защитника въ лицѣ *Костомарова*. По его словамъ, древнѣйшему пріуральскому торговому пути „обязана Пермь извѣстностію въ скандинавскихъ памятникахъ, *подъ именемъ Біарміи*, своими богатствами. Пермяки и Зыряне вымѣнивали на мѣха восточные товары и въ древности снабжали ими скандинавскихъ викинговъ“. Въ другомъ мѣстѣ *Костомаровъ* еще яснѣе говоритъ: „Въ глубокой древности Пермскій край былъ извѣстенъ

*) «Пермская губер. въ археологич. отношеніи» въ «Журналѣ Минист. Внутр. Дѣлъ». 1852 г., № 7.

Скандинавамъ и въ Путешествіи Отера называется Біармосъ — испорченное названіе Пермь, Перемь" *). Наконецъ въ самое послѣднее время знатокъ русской исторической географіи, профессоръ Русской исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, *Е. Е. Замысловскій*, послѣ многолѣтнихъ занятій въ этой области, высказалъ мнѣніе, что „народъ Пермь имѣлъ очень древнюю культуру, промышлялъ горнымъ дѣломъ и велъ торговлю съ Болгарами, Скандинавами, которые называли Пермскую землю Біарміею, и, вѣроятно, Славянами. Біармія простиралась отъ береговъ С. Двины на востокъ, можетъ быть, до самаго Уральскаго хребта, и въ составъ ея входила нынѣшняя Пермская губернія" **).

Вторая группа ученыхъ держится прямо противоположнаго мнѣнія, что *Біармія не есть Пермь*, что это — двѣ различныя, хотя и сосѣднія, страны, и что нѣкоторое случайное созвучіе ихъ названій еще не доказываетъ ихъ тождества. Если первую группу составляютъ преимущественно апологеты Біарміи, то ко второй нужно отнести скептиковъ, въ первомъ ряду которыхъ стоятъ нѣкогда извѣстный историческій критикъ *Шлецеръ* ***) и *В. Н. Берхъ*, такъ усердно, такъ много занимавшійся вопросомъ о древней Перми и ея обитателяхъ — на мѣстѣ, въ предѣлахъ бывшей Перми Великой. „Къ сильнѣйшему сомнѣнію, что нынѣшняя Пермь не есть Біармія, говоритъ онъ, побуждаютъ болѣе часто встрѣчаемыя противорѣчія..... Многіе думаютъ утвердить существованіе Біарміи тѣмъ, что греческій авторъ Холкокондиль о ней писалъ, и извѣстіе историка, жившаго въ XV вѣкѣ, считаютъ они за самое сильное доказательство..... Сличая сіи извѣстія о Перми, надобно заключить, что она находилась не у Ледовитаго океана, а около Чернаго и Каспійскаго морей. Вотъ

*) «Сѣвернорусскія народоправства». СПБ. 1863 г., т. I, стр. 415 и 411.

**) *Замысловскій*: «Объясненія къ учебному атласу по Русской исторіи». СПБ. 1887 г., стр. 30 и въ самомъ «Атласѣ» см. карты подъ №№ 1 и 3.

***) *Шлецеръ*: «Einleitung in die nordische Geschichte». Halle. 1771. Этой книги мы не имѣемъ въ рукахъ.

до какой степени заблуждались люди, чтобъ поддержать мнѣніе свое о коммерціи до временъ Рюрика". („Путешествіе", стр. 72—73). Находя болѣе правдоподобности только въ научныхъ воззрѣніяхъ Несторова критика *Шлецера*, *Берхъ* съ его словъ замѣчаетъ, что „въ важныхъ извѣстіяхъ Отера описываются одни только берега, а не внутренность земель, т. е. Біарміи" (Ibidem, 74). — Замѣчательно, что черезъ 60 лѣтъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ пришелъ *Д. И. Иловайскій* въ своемъ послѣднемъ капитальномъ трудѣ по исторіи Россіи, — пришелъ послѣ всѣхъ многочисленныхъ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій въ области русской исторической науки, новорожденной русской археологіи и сравнительной филологіи и антропологіи. Вотъ его подлинныя слова:

„Изъ ряда отдѣльныхъ вопросовъ, относящихся къ древней исторіи Финскаго сѣвера Россіи, укажу на составившееся представленіе о какой-то самобытной Финской гражданственности, стоявшей когда-то на довольно высокой степени въ странѣ, извѣстной подъ именемъ Біарміи. Представленіе это основалось во первыхъ на разсказахъ Скандинавскихъ сагъ о Біарміи, во вторыхъ на многихъ цѣнныхъ предметахъ, находимыхъ случайно или добытыхъ раскопками, преимущественно въ Пермскомъ краѣ. *По моему крайнему разумѣнію, означенное представленіе о древней цвѣтущей Біарміи и самобытно развившейся тамъ финской гражданственности основано на нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ и недоразумѣніяхъ.* По всей вѣроятности, племя Зырянъ или Пермяковъ, сосѣднее и отчасти подчиненное Болгарамъ, преимущественно подъ ихъ вліяніемъ развило свой болѣе дѣятельный и промышленный характеръ, которымъ оно значительно отличается отъ другихъ Финновъ. Это-то Пермяцко-Зырянское племя отождествляютъ съ Беорминами или Біармійцами скандинавскихъ сагъ; хотя *послѣднія указываютъ собственно на прибрежья Бѣлаго моря, т. е. на страну Заволоцкой Чуди.* Замѣчу кромѣ того, что помянутыя извѣстія этихъ сагъ

относятся къ XI—XIII вѣкамъ, т. е. къ тому времени, когда сѣверовостокъ Европы былъ также посѣщаемъ и русскими торговцами, и русскими сборщиками даней съ туземцевъ; а отъ нихъ наши первые лѣтописцы могли получать современныя имъ свѣдѣнія о народахъ той стороны и даже о болѣе отдаленной Югрѣ, и, какъ мы видимъ, дѣйствительно получали (напр. разсказъ Гюряты Роговича). Но въ лѣтописяхъ нашихъ не находимъ никакихъ указаній на существованіе какого-либо Біармійскаго царства или высокой Біармійской гражданственности"*). Это безпристрастное, вполнѣ объективное сужденіе одного изъ самыхъ авторитетныхъ русскихъ историковъ нашего времени служитъ связующимъ звеномъ въ ученыхъ домыслахъ о древней Перми второй и третьей категоріи.

Третья группа ученыхъ, по основнымъ взглядамъ, совпадаетъ съ предъидущей, отличаясь отъ нея только тѣмъ, что представители ея въ вопросѣ о древней Перми совсѣмъ игнорируютъ Біармію и свои выводы дѣлаютъ на основаніи исключительно русскихъ источниковъ, каковы лѣтописи, царскія грамоты и т. д. Сосредоточивая все свое вниманіе на древней Перми съ ея пермяцко-зырянскимъ населеніемъ, безъ всякаго отношенія ея къ Біарміи, эти ученые не дѣлаютъ отличія Перми вообще отъ такъ называемой Перми Великой, считая эти названія однозначущими. Главнымъ основаніемъ для такого отождествленія Перми съ Великой Пермью служитъ то, что св. Стефанъ обыкновенно называется „Великопермскимъ" не смотря на то, что въ предѣлахъ нынѣшнихъ Пермской и Вятской губерній онъ никогда не бывалъ, и что, поэтому же, съ 1580 годовъ епископы просвѣщеннаго имъ края именовались „Вологодскими и Великопермскими", а съ 1658 г. — „Вятскими и Великопермскими". Слѣдовательно Пермь вообще и Пермь Великая есть двоякое

*) *Д. И. Иловайскій:* «Исторія Россіи», часть 2-я: Владимірскій періодъ. Москва. 1880 года, стр. 542—543, примѣчаніе 24-е ко II части труда.

наименованіе одной и той же страны. Еще профессоръ *Устрялов* въ книгѣ: „Именитые люди Строгановы“ (СПБ. 1842 г.) высказалъ опредѣленно такой взглядъ. „Пермью Великою всегда назывались, говоритъ онъ, Пермскіе города— Чердынь, Соль-Вычегодскъ, Соликамскъ, Кайгородъ, хотя былъ и городъ Пермь, извѣстный подъ именемъ Старой Перми: онъ находился на Вычегдѣ въ 140 верстахъ отъ ея устья“ (стр. 8—9, въ сноскѣ). Но во главѣ ученыхъ этой категоріи стоитъ *С. М. Соловьевъ*, въ „Исторіи“ котораго мы не встрѣчаемъ разсужденій о Біарміи, а только одни, основанныя на русскихъ источникахъ, разсужденія о Финнахъ, Перми вообще и Перми Великой *). По его мнѣнію, Пермь есть страна Пермяковъ или Зырянъ—народовъ одного языка (IV, 271). То же самое мнѣніе о тождествѣ этихъ странъ, народовъ и ихъ наименованій высказываетъ *П. И. Савваитовъ* въ статьѣ „О зырянскихъ древнихъ календаряхъ“ **). Сюда нужно отнести и почти всѣхъ мѣстныхъ изслѣдователей о св. Стефанѣ и его просвѣтительной дѣятельности, наприм. *Шестакова*, протоіерея *Евгенія Попова* и др. ***). Составитель „Географическаго и статистическаго словаря Пермской губерніи“ *Н. К. Чупинъ* принадлежитъ сюда же, равно какъ *В. Н. Шишонко*, издатель многотомнаго сборника матеріаловъ о Пермскомъ краѣ „Пермской Лѣтописи“, въ которой разсужденія о Перми вообще и Перми Великой постоянно спутываются ****).

---

*) «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» I, 76—78, IV 271—272, V 93—95 и т. д.

**) «Труды I Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ». Москва. 1869 г., т. II, 408.

***) *П. Д. Шестаковъ*: «Св. Стефанъ, первосвятитель Пермскій». Казань. 1868 года, стр. 18—19.

Евгеній Поповъ, протоіерей: «Великопермская и Пермская епархія». Пермь. 1879 г. и «Святитель Стефанъ Великопермскій». Пермь. 1885 г.

****) Доселѣ вышли слѣдующія части этого изданія: «Пермская Лѣтопись» томъ I съ 1263—1613 г. Пермь 1881 г.; томъ II 1613—1645 г.г. П. 1882 г.; т. III 1645—1676. П. 1884 г.; т. IV 1676—1682 П. 1884 г.; т. V 1682—1694. П. 1885 г.; т. VI 1694—1701. П. 1887 г.

Наконецъ въ послѣднее время, благодаря значительнымъ успѣхамъ въ дѣлѣ разработки *мѣстной* исторіи какъ Пермскаго, такъ и Вологодскаго края, въ вопросѣ о древней Перми образовалась еще четвертая группа ученыхъ. Игнорируя Біармію, какъ дѣлаютъ и ученые третьей группы, эти изслѣдователи признаютъ Пермь Великую страною, по составу населенія близко родственною Перми вообще, но составляющею только южную ея часть. По ихъ воззрѣнію, въ бассейнѣ р. Вычегды съ ея притоками лежала Пермь, а въ бассейнѣ верхней Камы и ея притоковъ—Пермь *Великая*. Такимъ образомъ названіе *Перми Великой*, по этому воззрѣнію, нельзя распространять на всю Пермь въ ея широкомъ объемѣ. Въ понятіяхъ этихъ ученыхъ Вычегодская Пермь отдѣляется отъ Камской, области Зырянскаго населенія отъ области собственно Пермяцкой.

Первымъ представителемъ этого правильнаго воззрѣнія былъ одинъ изъ *мѣстныхъ* писателей Пермскаго края, извѣстный историкъ Строгановыхъ, Ѳедотъ Алексѣевичъ *Волеговъ*, авторъ „Историческихъ свѣдѣній о г.г. Строгановыхъ“, „Усольской лѣтописи“, „Историческо-статистическихъ таблицъ на Пермскія имѣнія г.г. Строгановыхъ со времени пожалованія ихъ въ 1558 году“ и другихъ трудовъ*). Въ послѣднемъ изъ поименованныхъ трудовъ, чрезвычайно важномъ для исторіи Великопермскаго края и только что изданномъ мною въ печати, *Ѳ. А. Волеговъ* очень опредѣленно указываетъ свое понятіе о бывшей области Перми Великой (см. таблицу подъ № 1). *Онъ первый изъ всѣхъ,* кто когда-либо писалъ о Перми, *судилъ о ея границахъ на основаніи мѣстныхъ писцовыхъ книгъ*—и это одно уже дѣлаетъ его изслѣдованія особенно важными.

---

*) О *Ѳ. А. Волеговѣ* см. мои сообщенія: въ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1882 г. № 81, статью: «Ѳ. А. Волеговъ, какъ историкъ Строгановыхъ» въ тѣхъ же Вѣдомостяхъ за 1884 годъ и въ оттискахъ и рецензію на нее *М. В. Ансенова* въ «Журн. Минист. Народн. Просвѣщ.» Май, 1885 г. «Истор.-статист. таблицы» изданы мною въ «Памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1889 г.». Написанныя въ 1850 годахъ, онѣ доселѣ были въ рукописи.

Другимъ очень виднымъ представителемъ четвертой группы ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о древней Перми и ея границахъ, является мѣстный изслѣдователь Вологодскаго края, г. *Лыткинъ*, авторъ превосходной статьи: „Пятисотлѣтіе Зырянскаго края" (Журналъ Мин. Народ. Просв. 1889 г. № 12). Подъ „Великой Пермью" г. *Лыткинъ* разумѣетъ только возвышенность или „парму", заключающуюся между рѣками Вишерой и Чусовой. Эту „Вишерско-Чусовую парму" онъ вездѣ противополагаетъ „Вычегодской пармѣ" и, соотвѣтственно тому, Пермь Великую — Вычегодской Перми. Главнымъ, основнымъ источникомъ для его сужденій служитъ Епифаніево житіе св. Стефана, памятникъ конца XIV вѣка, именно 1396—1397 годовъ.

Теперь, послѣ восьмилѣтнихъ спеціальныхъ занятій *мѣстной* исторіей Пермскаго края, позволю себѣ высказать и свой взглядъ по вопросу о древней Перми. Такъ какъ ни въ древнѣйшихъ мѣстныхъ источникахъ письменныхъ и вещественныхъ, ни въ мѣстныхъ народныхъ преданіяхъ нѣтъ никакого упоминанія о баснословной Біарміи, даже никакого намека на нее, то мы оставимъ ее въ сторонѣ, какъ область древней Заволочской Чуди, а не Перми вообще и тѣмъ болѣе южной или Великой Перми. При наличномъ запасѣ всѣхъ данныхъ мѣстной археологіи и исторіи, мы можемъ говорить *только о Перми*.

Мы знаемъ, что въ древнѣйшемъ источникѣ — начальной русской лѣтописи упоминаются сперва только Пермь и Печера, къ которымъ подъ 1096 годомъ, въ разсказѣ Гюряты Роговича, присоединяется и Югра. Затѣмъ въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ, первая изъ которыхъ относится къ 1263 году, обыкновенно стоятъ рядомъ Пермь, Печера, Югра въ числѣ „волостей" Новгорода Великаго. Названія „Перми Великой" мы ни разу не встрѣчаемъ до исхода XIV вѣка.

Въ первый разъ географическій терминъ „Пермь Великая" встрѣчается въ жизнеописаніи св. Стефана Пермскаго, составленномъ въ 1396—1397 г.г. Епифаніемъ Премудрымъ, инокомъ знаменитой Троице-Сергіевой обители, современникомъ Пермскаго апостола. Изъ сочиненія Епифанія географическія показанія перешли въ лѣтописи того времени, а затѣмъ и въ „Степенную Книгу". Поэтому особенно важно свидѣтельство первоисточника, каковымъ въ данномъ случаѣ служитъ Епифаніево сказаніе. Вотъ подлинныя слова Епифанія: „А се имена мѣстомъ и странамъ и землямъ и иноязычникомъ, *живоущимъ окроугъ Перми:* Двиняне, Оустьюжане, Вилежане, Вычегжане, Пинежане, Южене, Сырьяне, Гаиане, Віатчене, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогоуличи, Самоедь, Пертасы, *Пермь Великая глаголемая Чюсовая.* Рѣка же единa, ей же имя Вымь, си обходящия всю землю Пермьскоую, и вниде въ Вычегдоу; рѣка же дроугая именемъ Вычегда, си исходящиа изъ земля Пермьскыа...... рѣка же третьяя нарицаемая Ватка, яже течеть въ другую странoу Перми и вниде въ Камоу; рѣка же четверта имянемъ Кама. Сіи есть, сіи оубо *обходящіа и проходящіа всю землю Пермьскоую сквозѣ ню,* по ней же мнози языци сѣдять, *сии оубо грядоущіа оустремленіемъ прямо яко къ югу* и своимъ оустіемъ вниде въ Волгоу, близь града нарицаемаго Болгарь. Незнаемо же, како изъ единой страны потекостѣ двѣ рѣцѣ Вычегда и Кама, овы оубо воды грядяхоу на полноіщи, овы же на польдни" *).

Дабы удобнѣе было понять нѣкоторыя не вполнѣ ясныя мѣста въ приведенныхъ словахъ Епифанія, сопоставимъ съ ними подобныя же слова изъ I Софійской лѣтописи, составленной въ концѣ XV вѣка, т. е. столѣтіемъ позже Епифаніева сказанія. Подъ 1396 годомъ въ сказаніи о смерти

*) «Памятники старинной русской литературы», издаваемые графомъ *Кушелевымъ-Безбородко.* СПБ. 1862 года, выпускъ IV, подъ редакціей *Н. И. Костомарова,* стр. 123.

Стефана Пермскаго, очевидно, заимствованномъ у Епифанія, говорится: „А се *живущеимъ около Пермми* имена мѣстомъ и странамъ и землямъ иноязычнымъ: Двиняне, Устюжане, Велыжане, Вычегжане, Пенежане, Южане, Сирнане, Галичане, Вятчане, Лопь, Корѣла, Югра, Печера, Вогулици, Самоѣдь, Пертасы, *Пермь Великая, Гамаль Чюсовая;* рѣка же первая именемь Вымь впаде въ Вычегду, другая рѣка Вычегда обходяще всю землю Пермьскую потече къ сѣверьнѣй странѣ и паде въ Двину, ниже Устюга 40 верстъ, рѣка же третья Вятка потече съ другую сторону Перми и вниде въ Каму рѣку, *сіа же рѣка Кама обходяще всю землю Пермьскую,* по сей бо рѣцѣ мнози языци сидятъ, *и потече на угъ въ землю Татарьскую* и паде въ Волгу, ниже Казани 60 верстъ“ *).

Тѣ же самыя слова встрѣчаемъ и въ Патріаршей или Никоновской лѣтописи, составленной во второй половинѣ XVI вѣка, при чемъ и эта лѣтопись, подобно Софійской, передаетъ топографію Епифанія въ нѣсколько извращенной формѣ. О рѣкѣ Вычегдѣ сказано „*обходяще* всю землю Пермскую“, тогда какъ въ первоисточникѣ сказано „*си исходящиа изъ земля Пермьскыа*“; о Камѣ замѣчено „сіа же рѣка Кама *обходяще всю землю Пермьскую*..... и потече на югъ въ землю Татарьскую“, вмѣсто Епифаніевыхъ словъ: „сіи оубо *обходящіа и проходящіа всю землю Пермьскоую сквозь нию*.....“. Пермь Великая сопровождается безсмысленнымъ словомъ „Гамаль“, образовавшимся изъ титлованнаго слова „глаголемая“; въ спискѣ, по которому Никоновская лѣтопись издана была нашей Академіей Наукъ въ 1788 году, встрѣчаемъ даже болѣе удивительное слово „Гамалочюсовая“ (часть IV, стр. 267). Та же извращенная редакція словъ Епифанія повторяется и въ „Степенной Книгѣ“.

*) «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.», томъ V, стр. 250.

И первоначальное „сказаніе“, и лѣтописи, какъ видимъ, перечисляютъ народы, жившіе *вокругъ* Перми, разумѣется Вычегодской, просвѣщенной св. Стефаномъ, а также рѣки какъ „обходящія“, т. е. ограничивающія Пермь, такъ и „проходящія сквозѣ ню“. Сосѣдями Перми эти источники называютъ ясно жителей береговъ С. Двины, Пинеги, Печоры, Вычегды отъ ея притока Выма до устья, лѣваго притока Вычегды рѣки Виледи, текущей въ нее повыше Сольвычегодска, далѣе—жителей рѣкъ Юга, включая сюда и самихъ Устюжанъ, Вятки, *Чусовой*, лѣваго притока Камы, и приуральскій народъ Вогуличей. За предѣлами этого кольца или круга странъ и народовъ, центромъ котораго служила страна Пермь, населенная Пермянами, сказаніе и лѣтописи указываютъ еще другой внѣшній и, слѣдовательно, большій по радіусу, кругъ народовъ, болѣе удаленный отъ центра— Перми, а именно: Корѣлу, Галичанъ, Лопь, т. е. Лапповъ или Лапонцевъ, Самоѣдовъ, зауральскую Югру и еще нѣкоторыхъ народовъ, имена которыхъ нѣсколько загадочны. Такимъ образомъ, по сказанію Епифанія и позднѣйшихъ лѣтописцевъ, черпавшихъ у него или его компиляторовъ свѣдѣнія, два кольца или круга странъ и народовъ довольно концентрично располагались вокругъ древней Перми, лежавшей внутри меньшаго, ближайшаго къ ней, кольца.

Подробно перечисливъ вдвойнѣ окружавшіе древнюю Пермь народы и страны, Епифаній упоминаетъ затѣмъ важнѣйшія *рѣки Перми какъ пограничныя, такъ и внутреннія*. Рѣка Вымъ „обходила“, т. е. ограничивала съ сѣверо-западной стороны „всю землю Пермскую“; рѣка Вычегда отъ истока до впаденія въ нее Выма начиналась въ самой Перми и служила главной для нея внутренней рѣкой, а кончалась уже за предѣлами Перми; рѣка Вятка течетъ въ противоположную отъ Перми сторону, внѣ ея предѣловъ, почему жители ея и отнесены къ сосѣдямъ Пермской страны; р. Кама, взявъ начало въ Пермскихъ (точнѣе Великоперм-

скихъ) предѣлахъ, самымъ верхнимъ своимъ теченіемъ съ юга на сѣверъ, отъ своего истока до возникшаго впослѣдствіи Кая, также „обходила", т. е. ограничивала Пермь съ западной стороны, а дальнѣйшимъ теченіемъ съ запада на востокъ (сѣверная ея дуга или излучина) и далѣе на юго-западъ уже „проходила *сквозь* всю Пермскую (собственно Великопермскую) землю, какъ вѣрно замѣчаетъ Епифаній, разумѣя въ послѣднемъ случаѣ, какъ увидимъ ниже, Пермь Великую или—по его выраженію—*Чусовую*.

Кажется, мы не ошибаемся, понимая именно такъ топографію Епифаніева сказанія. И всѣ другіе позднѣйшіе источники, какими мы располагаемъ, совершенно согласуются съ этими показаніями Епифанія въ отношеніи границъ древней Перми вообще. Если за предѣлами указаннаго круга и встрѣчались еще поселенія Пермянъ, то *это были не болѣе, какъ колоніи древней Перми*. Таковы были всѣ поселенія Пермянъ на нижней Вычегдѣ, отъ устья Выма до Двины, поселенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вятской земли и т. д.

Теперь остановимъ преимущественное вниманіе на одномъ сосѣднемъ съ Пермью народѣ и его странѣ, отнесенномъ у Епифанія къ внутреннему кольцу ближайшихъ къ Перми сосѣдей—на *„Перми Великой глаголемой Чусовой"*.

По единогласному замѣчанію всѣхъ критиковъ Епифаніева сказанія, позднѣйшіе составители „Степенной Книги" и лѣтописей, вродѣ Софійскаго временника, не разобравъ почему-то стоявшее подъ титломъ слово „глаголемый", передѣлали его въ небывалый народъ „Гамаль Чюсовая" *). Поэтому опредѣленіе „глаголемая Чусовая", несомнѣнно, имѣетъ отношеніе къ „Перми Великой". Почему же Епифаній такъ назвалъ Великую Пермь? Слово „Чусовая" и понынѣ служитъ наименованіемъ лѣваго притока Камы и довольно значительнаго озера въ сѣверной части Чердынскаго

*) См. наприм. у *Шестакова* въ книгѣ: «Св. Стефанъ, первосвят. Пермскій». Казань. 1868 г., стр. 18.

уѣзда. Притокъ Вишеры, впадающей слѣва въ Каму, рѣка Колва принимаетъ въ себя значительно выше города Чердыни р. Вишерку, а послѣдняя въ свою очередь вытекаетъ изъ *Чусовскаго озера*, которое съ сѣверной стороны принимаетъ въ себя рѣчку Березовку, отъ притока которой Вологa начинается извѣстный археологамъ *Бухонинъ волокъ* въ 7 верстъ длины, выходящій къ рѣчкѣ Немѣ, притоку Вычегды. Это—тотъ самый путь, который нѣкоторые ученые принимаютъ за древнѣйшій восточный торговый путь изъ Булгара на устье Сѣверной Двины *).

Такимъ образомъ, по указанію Епифанія, „Пермь Великая", какъ особая страна, упиралась южнымъ концомъ въ рѣку Чусовую съ ея притоками, а сѣвернымъ—въ озеро Чусовское, почему и называлась естественно *Пермью Великой Чусовой* въ отличіе отъ собственной или *Вычегодской Перми*. Епифаніева „Пермь Великая, глаголемая Чусовая" занимала, слѣдовательно, нынѣшніе уѣзды Пермской губерніи: сѣверо-восточную часть Кунгурскаго, большую часть Оханскаго, весь Пермскій, Соликамскій и Чердынскій уѣзды и въ Вятской губерніи—восточную часть Слободскаго и Глазовскаго уѣздовъ. Только по самому склону Урала (западному), начиная съ верховьевъ Печеры до рѣки Чусовой и далѣе къ югу долго жили Вогуличи и Остяки, постепенно вытѣсненные со временемъ въ Азію. *Слѣдовательно, Пермь Великая лежала между р. Чусовой съ ея притоками и озеромъ Чусовскимъ преимущественно по Камѣ, нижней Вишерѣ и Колвѣ,* на западѣ не доходя до р. Вятки, а на востокѣ—до Уральскаго хребта. Не потому-ли Пермяки и доселѣ сами себя именуютъ *Коми*, т. е. жители береговъ Камы? При этомъ всѣ источники мѣстной Пермской исторіи весьма опредѣленно называютъ указанное пространство и „Пермью Великой", и

*) Наприм. Alexander Castren: «Ethnologische Vorlesungen». СПБ. 1857 г. 137—142. *Петръ Полевой:* «Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта». СПБ. 1879 г., т. I, стр. 147—148. Въ настоящемъ изслѣдованіи см. выше главу III.

просто „Пермью", тогда какъ бассейну Вычегды наименованія „Пермь Великая" они *никогда не приписываютъ*. Отсюда ясно, что Пермь Великая была только частью Пермской земли, понимаемой въ обширномъ смыслѣ, во всемъ ея объемѣ.

Епифаній Премудрый, впервые сообщившій довольно подробныя географическія свѣдѣнія о сѣверо-востокѣ Россіи, нашелъ себѣ многихъ компиляторовъ въ лицѣ позднѣйшихъ русскихъ лѣтописцевъ XV и XVI вѣковъ. Какъ извѣстно, первую передѣлку его произведеній по русской агіографіи сдѣлалъ Пахомій Сербъ, ученый Аѳонскій монахъ, прибывшій въ Москву при Василіи Темномъ*), а за нимъ свѣдѣнія о Пермской землѣ компилировали составители лѣтописей. Примѣры такихъ компиляцій мы уже приводили выше. Однако нѣкоторыя лѣтописи къ сообщеніямъ Епифанія прибавляютъ и новыя свѣдѣнія о Пермской землѣ. Особенно важныя топографическія свѣдѣнія даетъ намъ Патріаршая или Никоновская лѣтопись, составленная, по мнѣнію академика *Аѳ. Ѳед. Бычкова*, во второй половинѣ XVI вѣка,— даетъ въ разсказѣ о покореніи Перми Великой воеводами Іоанна III въ 1472 году. Самый походъ въ Пермскую землю описанъ на основаніи какого-то источника XV вѣка, намъ неизвѣстнаго, а географическія свѣдѣнія о Перми, какъ мы убѣдились выше, взяты у Епифанія либо у одного изъ его компиляторовъ; но въ разсказѣ о походѣ 1472 г. Никоновская лѣтопись *въ первый разъ упоминаетъ древніе города Великой Перми — Чердынь, Уросъ, Покчу и Искоръ*. Въ болѣе древнихъ источникахъ мы ни разу не встрѣчаемъ этихъ названій. Упомянувъ Пермь Великую, въ ней 4 города и еще какіе-то *иные городки*, Никоновская лѣтопись подраздѣляетъ всю страну на *Верхнюю* землю, къ которой относитъ городъ Искоръ, и *Нижнюю* съ городами Уросомъ, Покчею

*) О взаимномъ отношеніи ученыхъ трудовъ Епифанія Премудраго и Пахомія Серба см. «Исторію Россіи» *Д. И. Иловайскаго*, томъ II: «Московско-Литовскій періодъ и собиратели Руси». Москва. 1884 г., стр. 417—418.

и Чердынью, очевидно, по теченію рѣки Колвы, которая и упоминается въ разсказѣ лѣтописи. Впрочемъ изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что основанный русскими переселенцами городъ Соль Камская получилъ начало еще въ 1430 году.

Приведемъ важное въ историко-географическомъ отношеніи свидѣтельство Никоновской лѣтописи о Пермскомъ походѣ 1472 года: „Тоя же зимы послалъ князь великій *на Великую Пермь* князя Ѳедора Пестраго воевати ихъ за ихъ неисправленіе..... Того же лѣта іюня въ 26-е пріиде вѣсть великому князю изъ Перміи, что воевода князь Ѳедоръ Пестрой землю Пермскую взялъ ю, а пришелъ въ землю ту на усть Черные*) рѣчки на Ѳоминой недѣли въ четвергъ, и оттуда поиде на плотѣхъ, и съ коньми, и приплылъ подъ городъ Анѳаловской, соидѐ съ плотовъ и пойде оттуду на конехъ *на верхнюю землю къ городку Искору;* а Гаврила Нелидова отпустилъ *на нижнюю землю на Уросъ и на Чердыню да на Почку на князя Михаила.* Князю же Ѳедору не дошедшу еще городка Искора, *и срѣтоша его Пермь на Колвѣ ратью.....***). *Оттуда князь Ѳедоръ поиде тако ко Искору* и взятъ его, воеводы ихъ поималъ Бурмата да Мичкина, и Зынра по опасу пришелъ къ нему, *поималъ же и иные городки и пожеглъ,* а Гаврило шедъ тѣ мѣста повоевалъ, на которые посланъ. И потомъ пріиде князь Ѳедоръ *на усть Почки, гдѣ впала въ Колву,..... срубивше ту городокъ,* сѣде въ немъ, и приведе всю землю ту за великаго князя“.....***).

Таковы важныя свидѣтельства Никоновской лѣтописи о древней Перми Великой. Другія лѣтописи въ разсказѣ о покореніи Перми не сообщаютъ столь любопытныхъ подроб-

*) Лѣвый притокъ Сысолы, текущей въ Вычегду.

**) Село *Искоръ* и теперь существуетъ вблизи извѣстнаго городища того же имени, къ югу отъ села Ныробъ и къ востоку отъ рѣки Колвы.

***) «Русская лѣтопись по Никонову списку» изданіе Академіи Наукъ. Часть VI. СПБ. 1790 г., стр. 37 и 44—45.

ностей. Такъ, Софійская вторая лѣтопись говоритъ только: „Тое же зимы (1472 г.) послалъ князь велики князя Ѳедора Пестраго на Великую Пермь воевати, за ихъ неисправленіе; іюня 26 пріиде вѣсть къ великому князю, яко Пермь взялъ, а грубниковъ переималъ да и прислалъ, а землю за него привелъ“ *). Въ Воскресенской лѣтописи замѣчено: „Тое же зимы послалъ князь велики на Великую Пермь князя Ѳеодора Пестраго воевати ихъ, за ихъ неисправленіе; онъ же шедъ Пермь Великую взялъ“ **). Какъ видимъ, вездѣ *частное* названіе Перми Великой прилагается къ бассейну рѣки Колвы и употребляется источниками заодно съ *общимъ* названіемъ Пермской страны. Въ виду того, что самый фактъ покоренія Перми относится къ 1472 году, позднѣйшіе лѣтописцы почерпнули вышеприведенныя свѣдѣнія о походѣ въ Пермскую страну изъ какого-то неизвѣстнаго намъ источника XV столѣтія, быть можетъ, отъ потомковъ самихъ участниковъ похода.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ очень смутныя и сбивчивыя свидѣтельства *Герберштейна* о Перми, относящіяся къ первой четверти XVI в. и, повидимому, основанныя на слухахъ (напр. Чердынь, по его словамъ, стоитъ на Вишерѣ), и слишкомъ приблизительныя и позднѣйшія показанія о той же землѣ „Книги Большаго Чертежа“ 1627 года ***), — мы обратимся къ другимъ, болѣе положительнымъ и надежнымъ, источникамъ.

Важнѣйшее въ научномъ отношеніи значеніе въ вопросѣ о границахъ древней Перми имѣютъ мѣстныя *писцовыя книги*, къ которымъ мы теперь и перейдемъ. Послѣ Епифаніева сказанія XIV вѣка и названныхъ выше лѣтописей XV—XVI в.в. этимъ источникамъ хронологически принадлежитъ слѣ-

*) «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.», т. VI, стр. 194.

**) «Полное Собр. Русск. Лѣтоп.», т. VIII, стр. 169.

***) Свидѣтельства этихъ источниковъ о Перми приведены у *Замысловскаго* въ книгѣ: «Герберштейнъ и его историко-географич. извѣстія о Россіи». СПБ. 1884 г., стр. 148—149, 468—469 и друг.

дующее мѣсто въ ряду *достовѣрныхъ* свидѣтельствъ о древней Перми. Нѣтъ нужды говорить о важности писцовыхъ книгъ въ смыслѣ самыхъ точныхъ историко-статистическихъ и топографическихъ показателей. По отношенію къ Пермскому краю древнѣйшими памятниками этого рода были:

1. „Книги сошнаго письма Пермскіе-Чердынскіе и Чердынскаго уѣзду письма и мѣры писца Ивана Игнатьевича *Яхонтова* да подъячаго Третьяка Карпова восемьдесятъ седьмаго году“ (1579 г.).

2. Того же *Яхонтова* „Книга сошнаго письма города Камскаго (Усолья), посаду и уѣзду письма и мѣры..... восемьдесятъ седьмаго году“ (1579 г.).

3. Того же *Яхонтова* „Книги сошнаго письма Пермскіе Семена Аникіева да Максима Яковлева да Никиты Григорьева, Строгановыхъ дѣтей, вотчинъ ихъ, письма и мѣры..... восемьдесятъ седьмаго году“ (1579 г.).

Подлинныя книги Яхонтова сгорѣли въ Московскій пожаръ 1626 г. Сохранились только копіи ихъ. Чердынскія и Соликамскія книги Яхонтова 1579 года впервые открыты были въ старинныхъ копіяхъ въ мѣстныхъ архивахъ незабвеннымъ *В. Н. Берхомъ,* который извлеченія изъ нихъ и напечаталъ въ своемъ „Путешествіи въ города Чердынь и Соликамскъ“ (СПБ. 1821 г.). Старинныя же копіи книгъ теперь хранятся, вѣроятно, благодаря тому же *Берху, съумѣвшему оцѣнить ихъ важное значеніе,* къ библіотекѣ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея. Чердынскія писцовыя книги Яхонтова напечатаны въ полномъ видѣ *В. Н. Шишонко* въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1878 г. №№ 82—104 и оттисками—съ примѣчаніями издателя, въ которыхъ впрочемъ допущено очень много ошибокъ*); Соликамскія же книги Яхонтова, къ крайнему сожалѣнію, г. *Шишонко* не счелъ нужнымъ напечатать ни въ

*) Въ «Пермскую Лѣтопись» *В. Н. Шишонко* Чердынскія книги Яхонтова почему-то не вошли, не смотря на всю важность этого историческаго источника.

„Вѣдомостяхъ“, ни въ своей „Пермской Лѣтописи“, куда вошли у него почти всѣ другія писцовыя книги, такъ что мы знаемъ Соликамскую книгу Яхонтова только въ извлеченіи, помѣщенномъ въ „Путешествіи“ *Берха* (стр. 188—191) и въ книгѣ протоіерея *Александра Луканина:* „Церковно-историческое и археологическое описаніе города Соликамска“ (Пермь. 1882 г. стр. 123—125). Послѣдній извлекъ данныя Яхонтова по Соликамскому уѣзду изъ какой-то старинной рукописи.

Что же касается писцовыхъ книгъ Яхонтова по Строгановскимъ вотчинамъ, то г. *Шишонко* ихъ не имѣлъ въ рукахъ, почему мы и не въ правѣ сѣтовать на него въ данномъ случаѣ. Но Строгановскія книги Яхонтова были когда-то въ рукахъ *Ѳ. А. Волегова,* который въ одной изъ своихъ „Таблицъ“ (№ 2) приводитъ точныя статистическія данныя изъ этого источника*). Вѣроятно, въ одномъ изъ Строгановскихъ архивовъ и теперь хранятся въ копіяхъ книги Яхонтова. Къ счастію, содержаніе книгъ Яхонтова по вотчинамъ г.г. Строгановыхъ довольно подробно повторяется въ знаменитой грамотѣ Петра Великаго Григорію Дмитріевичу Строганову отъ 25 іюля 1692 г., напечатанной въ полномъ видѣ въ книгѣ проф. *Устрялова:* „Именитые люди Строгановы“ (СПБ. 1842 г., гдѣ см. стран. 37—42). Этимъ-то извлеченіемъ изъ книгъ 1579 г., приведеннымъ въ грамотѣ 1692 г., мы и воспользуемся для своихъ цѣлей въ настоящемъ изслѣдованіи. Подлинныя Строгановскія книги Яхонтова, по словамъ *Ѳ. А. Волегова,* сгорѣли въ 1626 году въ Москвѣ, въ Новгородской четверти.

Въ свое время существовали еще *особыя* писцовыя книги по вотчинамъ Пыскорскаго монастыря въ Соликамскомъ

*) «Памятная книжка Пермской губерніи на 1889 годъ», гдѣ см. мое изданіе «Историческо-статистическихъ таблицъ *Ѳ. А. Волегова*», № 2, стран. 10. *Волеговъ* замѣчаетъ, что въ его рукахъ была неполная копія книгъ, за уничтоженіемъ подлинника въ пожарѣ 1626 года.

уѣздѣ и Іоанно-Богословскаго—въ Чердынскомъ, но этихъ книгъ не видалъ еще ни одинъ мѣстный изслѣдователь, почему ихъ можно считать утраченными навсегда.

Чрезъ 44 года послѣ описи *Ивана Яхонтова* всю Пермь Великую вторично описывалъ писецъ *Михаилъ Кайсаровъ,* употребившій два года 1623—1624-й на составленіе своихъ писцовыхъ книгъ. Плодомъ его трудовъ было также три книги:

1. „Выпись съ Пермскихъ писцовыхъ книгъ города Чердыни и уѣзду онаго письма и мѣры *Михайла Кайсарова* да дьяка Марка Мартемьянова да подъячихъ Ивана Левонтьева и Афонасія Брѣева 131 и 132 году" (1623—24 г.г.).

2. „Выпись съ Усольскихъ писцовыхъ книгъ письма и мѣры"..... (тѣхъ же лицъ).

3. „Выпись съ Пермскихъ писцовыхъ книгъ Андрея да Петра Семеновыхъ дѣтей да Ивана да Максима Максимовыхъ дѣтей, Строгановыхъ, вотчинъ ихъ, письма и мѣры".....

Намъ не извѣстно, уцѣлѣли-ли подлинныя книги Кайсарова отъ Московскаго пожара 1626 года. Книги *Кайсарова* по Чердынскому и Соликамскому уѣздамъ первоначально были открыты также въ копіяхъ въ мѣстныхъ казенныхъ архивахъ тѣмъ же *В. Н. Берхомъ,* при содѣйствіи котораго, вѣроятно, и доставлены въ Москву, гдѣ хранятся вмѣстѣ съ книгами Яхонтова въ Публичномъ и Румянцевскомъ Музеѣ. Изъ обѣихъ книгъ въ его „Путешествіи" также напечатаны выдержки (стр. 195—200). Хорошая старинная копія Соликамскихъ книгъ *Кайсарова* сохранилась также въ архивѣ Соликамской городской думы, и съ этого-то мѣстнаго экземпляра эти книги въ первый разъ были напечатаны въ полномъ видѣ *В. Н. Шишонко* въ „Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1872 г. №№ 56—65, 67—70 и 76—83 и особыми оттисками, вмѣстѣ съ Кунгурскими писцовыми книгами того же *Кайсарова.* Изданіе снабжено примѣчаніями, полными ошибокъ и несообразностей, но текстъ изданъ сносно. Послѣ же того г. *Шишонко* вторично издалъ Соликамскія книги

Кайсарова и въ первый разъ—Чердынскія книги того же писца въ своей „Пермской Лѣтописи“ (томъ II, Пермь. 1882 г. стр. 144—251). Первыя г. *Шишонко* опять издалъ по списку Соликамской городской думы; а вторыя—по списку Румянцевскаго музея, но во всемъ этомъ изданіи тѣ и другія писцовыя книги *Кайсарова* мы читаемъ *не въ подлинномъ текстѣ, а въ вольной передачѣ* *ихъ содержанія самимъ издателемъ,* вслѣдствіе чего все это изданіе теряетъ всякую научную цѣну. Г. Шишонко даже совсѣмъ выпустилъ въ этомъ изданіи нѣкоторыя мѣста какъ Соликамскихъ, такъ и Чердынскихъ писцовыхъ книгъ 1623—24 г.г.! Не достойно-ли глубокаго сожалѣнія столь неумѣлое отношеніе къ мѣстнымъ историческимъ памятникамъ первостепенной важности?

Писцовыя книги Михайла *Кайсарова* по Строгановскимъ вотчинамъ въ печати еще не были. Къ величайшему удовольствію, я нашелъ хорошій экземпляръ ихъ въ Соликамскѣ, *въ частныхъ рукахъ,* и намѣренъ напечатать этотъ важный источникъ въ послѣдующихъ выпускахъ своей „Пермской Старины“, буде суждено мнѣ продолжить это изданіе. Рукопись принадлежала когда-то, какъ можно думать, *Ѳ. А. Волегову*. Она писана не ранѣе 40—50-хъ годовъ нашего вѣка, вѣроятно, по порученію самого *Ѳ. А. Волегова,* съ древняго экземпляра, хранившагося въ одномъ изъ архивовъ г.г. Строгановыхъ (а можетъ быть, и теперь хранящагося) и исполнена тщательно, при чемъ изъ всей рукописи утрачено отъ времени два листа.

По вотчинамъ Пыскорскаго и Богословскаго монастырей писцовыя книги *Кайсарова* 1623—24 г.г. также не уцѣлѣли, хотя въ существованіи ихъ я не сомнѣваюсь.

Послѣ этихъ подробныхъ, но, по моему мнѣнію, крайне необходимыхъ библіографическихъ замѣчаній, обратимся къ богатѣйшему содержанію всѣхъ шести поименованныхъ *Пермскихъ* писцовыхъ книгъ для рѣшенія вопроса о границахъ древней Перми Великой и сопоставимъ данныя писцо-

выхъ книгъ съ тѣми, какія уже приведены нами выше изъ другихъ, болѣе древнихъ, источниковъ XIV—XV в.в.

И Яхонтовъ, и Кайсаровъ описываютъ одинъ и тотъ же районъ, вездѣ говорятъ объ однѣхъ и тѣхъ же земляхъ и своими двукратными ясными и точными показаніями даютъ намъ возможность судить о границахъ описанной ими страны во второй половинѣ XVI и первой XVII столѣтія. Въ писцовой книгѣ Ивана Яхонтова по Строгановскимъ вотчинамъ, которыя находились въ предѣлахъ нынѣшнихъ уѣздовъ Соликамскаго, Пермскаго, Кунгурскаго и Оханскаго, ясно сказано: „*всего въ Перми Великой* за Семеномъ и Максимомъ (Строгановыми) *три слободы* (разумѣются Чусовая, Сылвенская и Яйвенская слободы), а къ слободамъ восемь деревень, двадцать четыре починка, въ нихъ сто тринадцать дворовъ крестьянскихъ“.....*). При этомъ Яхонтовъ точно указываетъ границы округа или „уѣзда“ каждой слободы. Въ примѣненіи же къ Чердынскому уѣзду Яхонтовъ употребляетъ слова „Пермь Великая“ въ двоякомъ значеніи: въ смыслѣ наименованія цѣлой страны и одного только города Чердыни, который, какъ главное средоточіе воеводскаго управленія всею Великопермской страною, сплошь и рядомъ именовался также „Пермью Великой“. Впрочемъ нерѣдко, особенно въ царскихъ указахъ и грамотахъ, оба названія города—собственное и по странѣ—ставились рядомъ „*Пермь Великая Чердынь*“, образуя двойное названіе одного и того же города. Вмѣстѣ съ тѣмъ названіе „Пермь“ безъ эпитета „Великой“ прилагается безразлично ко всему пространству отъ р. Чусовой до озера Чусовскаго, *какъ общее названіе вмѣсто частнаго.* То же самое правило мы наблюдаемъ въ географической номенклатурѣ Михаила Кайсарова. Такъ, перечисляя соляныя варницы въ уѣздѣ города Соликамска, онъ между прочимъ говоритъ: „Да въ прошломъ во 122 году (1614 г.), по государевѣ..... грамотѣ и по данной дьяка

*) *Устряловъ:* «Именитые люди Строгановы». СПВ. 1842 г., стр. 40.

Ивана Митусова Ивану Юрьеву, да Максиму Дощенникову, да пермитину Ивану Могильникову, на купленномъ ихъ мѣстѣ, *что они купили въ Перми въ Усольскомъ уѣздѣ, въ Григоровѣ курьѣ*, въ верхнихъ озерахъ, пожню для соленова промысла и т. д.....*). А въ своей Чердынской писцовой книгѣ Кайсаровъ пишетъ: „*Въ Перми Великой въ Чердыни* на посадѣ 5 дворовъ посадскихъ лучшихъ людей, а въ никъ 9 человѣкъ и т. д.....**).

Сказанное подтверждаетъ еще разъ, что наименованія „Пермь" и „Пермь Великая" относились, какъ общее къ частному, и въ такомъ смыслѣ употреблялись какъ въ XVI вѣкѣ, такъ и задолго до него, во времена Епифанія и св. Стефана. Но въ XVI вѣкѣ въ Перми Великой Яхонтовъ указываетъ уже вполнѣ сложившійся порядокъ административнаго управленія, съ довольно дробнымъ подраздѣленіемъ всей территоріи на извѣстные округи или „уѣзды". Чрезъ 44 года Кайсаровъ еще подробнѣе указываетъ административное раздѣленіе Перми Великой. Всмотримся въ него поближе.

Все пространство отъ рѣки Чусовой до озера Чусовскаго, по Камѣ и ея притокамъ, не доходя однако до самаго Уральскаго хребта приблизительно на одинъ градусъ географической долготы, т. е. всю площадь земли, именовавшуюся Пермью Великой и занимаемую теперь уѣздами Чердынскимъ, Соликамскимъ, Пермскимъ, частью Кунгурскаго, большею частью Оханскаго и незначительными восточными частями Глазовскаго и Слободскаго,—и Яхонтовъ, и Кайсаровъ раздѣляютъ въ отношеніи административнаго управленія на три округа или уѣзда: 1) *Пермскій* или *Чердынскій съ главнымъ городомъ Пермь Великая Чердынь*, 2) *Усольскій (позднѣе*

*) *Шишонко*: «Писцовыя книги Пермской губерніи Соликамскаго и Кунгурскаго уѣздовъ». Оттискъ изъ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1872 г. стр. 53 и «Пермская Лѣтопись», томъ II, стр. 159; см. примѣчаніе.

**) «Пермская лѣтопись», II, 196.

Соликамскій) съ городомъ Усолье Камское или Соль Камская, 3) *Строгановскія вотчины* съ главными слободами Орелъ-городокъ и Нижній Чусовской городокъ. Изъ Строгановскихъ вотчинъ *въ XVI вѣкѣ выдѣлились въ особый округъ вотчины Пыскорскаго Преображенскаго монастыря,* а въ Пермскомъ-Чердынскомъ уѣздѣ—*вотчины монастыря Іоанно-Богословскаго.* Съ того же XVI столѣтія на самыхъ верховьяхъ Камы возникаетъ *особый Кайгородскій уѣздъ,* который однако не былъ описываемъ ни Яхонтовымъ, ни Кайсаровымъ, по причинамъ, намъ не извѣстнымъ.

Разсмотримъ границы Перми Великой отдѣльно по каждому уѣзду, съ показаніемъ прироста населенія за 44 года, отдѣляющіе описи Яхонтова и Кайсарова, т. е. съ 1579 до 162$^{3}/_{4}$ года. Въ виду отсутствія писцовыхъ книгъ тѣхъ же годовъ по уѣзду Кайгородскому, мы принуждены оставить его при этомъ обозрѣніи въ сторонѣ, и лишь въ концѣ этой главы покажемъ административное отношеніе этого уѣзда къ Чердыни и вообще къ Перми Великой на основаніи царскихъ грамотъ и другихъ актовъ временъ Яхонтова и Кайсарова.

А. Пермскій, онъ же Чердынскій, уѣздъ Перми Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка.

Средоточіемъ управленія и мѣстомъ жительства государевыхъ намѣстниковъ и воеводъ служилъ городъ Чердынь, часто именовавшійся, въ силу такого значенія во всемъ Великопермскомъ краѣ, *Пермью Великой Чердынью. Отсюда понятно и двоякое наименованіе одного и того же уѣзда.* Въ 1579 г. на посадѣ города Чердыни было: дворовъ тяглыхъ пашенныхъ крестьянъ 52, безпашенныхъ 238, тѣхъ и другихъ 290; въ нихъ 326 человѣкъ; пустыхъ дворовъ 12, лавокъ лучшихъ людей 21, молодшихъ людей—46, тѣхъ и другихъ 67 лавокъ. Никакихъ укрѣпленій въ самой Чердыни,

существовавшихъ тамъ однако съ 1535 года, равно какъ около города и посада никакого „острога“ Яхонтовъ не показываетъ *). Впрочемъ, онъ умалчиваетъ и о церквахъ, а также о Богословскомъ монастырѣ; хотя послѣдній былъ основанъ еще въ 1462 или 1463 году. По вотчинамъ монастырскимъ были составлены Яхонтовымъ *особыя* писцовыя книги, къ сожалѣнію, теперь уже утраченныя.

Въ 162^3/$_4$ г.г. Кайсаровъ показываетъ въ Чердыни кремль, а вокругъ города и посада „острогъ стоячей“ деревянный. Кромѣ Іоанно-Богословскаго мужскаго монастыря и Успенскаго дѣвичьяго, десяти церквей съ разными придѣлами и нѣсколькихъ общественныхъ зданій, каковы: изба съѣзжая—судная, изба таможенная, государевъ кабакъ, тюрьма, дворъ воеводы, дьяка, подъячего и другихъ, Кайсаровъ показываетъ на посадѣ Чердыни 5 дворовъ посадскихъ лучшихъ людей, 30—среднихъ; людей въ первыхъ 9, во вторыхъ 46 челов.; молодшихъ пашенныхъ людей 74 двора—всего пашенныхъ людей 109 дворовъ; дворовъ безпашенныхъ среднихъ людей 20, безпашенныхъ молодшихъ—146, не считая дворовъ „отхожихъ“ людей **). Лавокъ при Кайсаровѣ было: первой статьи 3, второй—5 лавокъ, 4 амбара и у нихъ 9 выходовъ, третьей—12 лавки, 3 амбара и у нихъ 14 выходовъ, четвертой статьи 15 лавокъ, 3 амбара, у нихъ 4 выхода, да полокъ мясныхъ и хлѣбныхъ 7, амбаровъ соляныхъ и хлѣбныхъ 3, кузницъ 5 ***). Таковъ былъ во времена Яхонтова и Кайсарова главный городъ всей Перми Великой.

Затѣмъ весь уѣздъ его „Пермскій-Чердынскій“, отчасти согласно съ показаніемъ Никоновской лѣтописи, Яхонтовъ дѣлитъ на 4 „стана“: 1) *Окологородный,* 2) *Верхній,* 3)

*) «Книги сошнаго письма Пермскіе-Чердынскіе» Ивана *Яхонтова,* оттискъ изъ Пермск. Губерн. Вѣдом. 1878 г., стр. 2, 5—6.

**) *Шишонко:* «Пермская Лѣтопись», II, 196—197. Къ сожалѣнію, по небрежности издателя, здѣсь не показано (пропущено) число дворовъ «самыхъ молодшихъ людей» на посадѣ Чердыни, а ихъ-то и было больше всѣхъ другихъ разрядовъ.

***) «Пермская Лѣтопись» II, 201.

Нижній и 4) *Отхожій* (округъ). Основаніемъ названій „Верхній“ и „Нижній“ станъ у него дѣйствительно служитъ рѣка Колва, какъ видно это и изъ Никоновской лѣтописи, упоминающей *верхнюю* и *нижнюю* землю. Такимъ образомъ топографическія данныя отъ XV и XVI в.в. между собою согласуются, что нужно сказать и о географической номенклатурѣ даже на пространствѣ XIV—XVI вѣковъ, начиная съ Епифаніевой Перми Великой *Чусовой*. Въ писцовой же книгѣ Кайсарова, при большихъ подробностяхъ, не видно однако этого раздѣленія территоріи Чердынскаго уѣзда на 4 стана. Впрочемъ мы имѣемъ въ рукахъ слишкомъ неудовлетворительное изданіе этой писцовой книги и потому не можемъ сказать навѣрное, существовало-ли это дѣленіе при Кайсаровѣ.

Не перечисляя подробно всѣхъ населенныхъ мѣстъ въ каждомъ станѣ, что увлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы обратимъ преимущественное вниманіе на самыя значительныя изъ нихъ и пограничныя селенія, рѣки, озера и другіе пункты, особенно важныя для опредѣленія границъ.

I. Въ *Окологородномъ* станѣ, прилегавшемъ къ главному административному центру края—Перми Великой Чердыни и слѣдовательно по положенію своему *внутреннемъ* станѣ, болѣе значительными поселеніями при Яхонтовѣ были: погостъ (нынѣ село) *Анисимовъ* и особенно погостъ *Покча* (теперь тоже село), въ первое время послѣ покоренія Великой Перми служившій мѣстопребываніемъ государева намѣстника. Онъ упоминается вмѣстѣ съ Чердынью въ Никоновской лѣтописи подъ извращеннымъ наименованіемъ „Почки“. Всего въ Окологородномъ стану было: 2 погоста, 23 деревни, 10 починковъ, 230 дворовъ пашенныхъ крестьянъ и 40 дворовъ безпашенныхъ; людей 287 человѣкъ. Границами этого стана служили: сѣверною съ Верхнимъ станомъ рѣчки Лызовка и Мубыль—первая правый, а вторая лѣвый притокъ Колвы; а южною границею съ Нижнимъ станомъ—рѣка Вишера до деревни Морчанъ, ниже Говорливаго камня.

II. Въ *Верхнемъ* станѣ было 4 погоста: *Вильгортъ* на р. Колвѣ, *Искоръ*, упоминаемый при завоеваніи Перми въ 1472 году, *Янидоръ* и *Кольчугъ*. Сѣвернѣе Искора упомянута Яхонтовымъ историческая деревня (нынѣ село) *Ныробъ*, мѣсто заточенія боярина Михаила Никитича Романова, дяди царя Михаила. Деревень въ этомъ стану было 19, починковъ 6, дворовъ пашенныхъ крестьянъ 357, безпашен. 43, тѣхъ и другихъ 400, людей въ нихъ 485 человѣкъ. Пограничными линіями и пунктами для Верхняго стана, по книгѣ Яхонтова, служили: съ юга и юго-запада рѣка Лызовка, текущая справа въ Колву, сперва съ *Ю.* на *С.*, далѣе — на *В.* и отдѣляющая Окологородный станъ отъ Верхняго почти подъ прямымъ угломъ; затѣмъ озеро и деревня Долды около праваго берега Камы, далѣе — правый притокъ Камы рѣчка Сумычъ и на ней деревня того же имени, рѣчка Вильва, лѣвый притокъ Камы, впадающій въ нее пониже села Бондюга, и на Вильвѣ деревня Ужгинская, отсюда далѣе къ сѣверо-западу слобода Кишконогова, погостъ Янидоръ, еще далѣе на западѣ лѣвый притокъ Камы рѣка Южная Кельтма и правый притокъ послѣдней р. Тимшеръ. Съ Ю. Кельтмы граница поворачивала на сѣверо-востокъ, переходила рѣку Пилву, лѣвый притокъ Камы, и приближалась къ озеру Чусовскому, которое все входило въ область Перми Великой. Но тутъ былъ, судя по книгѣ Яхонтова, сѣверный ея предѣлъ. Отъ Чусовскаго озера граница Верхняго стана спускалась на югъ по р. Вишеркѣ, потомъ по Колвѣ до ея лѣваго притока Ухтыма, шла вверхъ по Ухтыму и съ него прямой линіей на рѣчку Мубилъ. Отсюда шла восточная граница Окологороднаго стана на рѣку Вишеру до деревни Морчанъ. Текущая параллельно Вишерѣ рѣчка Мубылъ, лѣвый притокъ Колвы, отдѣляла Верхній станъ отъ Окологороднаго. Къ востоку и сѣверу отъ означенныхъ пунктовъ и линій (отъ озера Чусовскаго до деревни Морчанъ на

Вишерѣ) начинались уже Вогульскія и Остяцкія поселенія, область древней Югры.

Изъ указанныхъ границъ по отношенію къ Великой Перми, какъ особой странѣ, внѣшними и потому особенно важными были слѣдующія: Южная Кельтма и ея притокъ Тимшеръ, линія на сѣверо-востокъ чрезъ р. Пильву до сѣвернаго конца Чусовскаго озера, восточный берегъ этого озера длиной 10 верстъ, рѣка Вишерка, р. Колва, притокъ ея Ухтымъ, прямая линія отъ его верховьевъ на югъ до деревни Морчанъ на Вишерѣ. *Верховья Вишеры и Колвы были заселены Вогулами и Остяками, тамъ начиналась Югра.*

III. *Нижній* станъ лежалъ къ югу отъ Окологороднаго, отдѣляясь отъ него рѣкой Вишерой на пространствѣ отъ деревни Морчанъ до устья рѣки Колвы. Отъ устья Колвы граница Нижняго стана, отклоняясь отъ Вишеры, шла прямо на западъ, мимо „окологородной" деревни Купцелевой и верховьевъ упомянутой выше рѣчки Лызовки, переходила рѣку Каму у деревни и озера Долды и приближалась къ правому притоку Камы, упомянутому уже Сумычу. На этомъ протяженіи къ западу отъ Лызовки начиналась граница Верхняго стана, а за рч. Сумычемъ — Отхожаго округа. Далѣе граница Отхожаго района и Нижняго стана съ верховьевъ Сумыча шла на югъ почти прямой линіей на верховья рѣки Уролки, праваго притока Камы. На этой рѣкѣ стоитъ селеніе Уролъ, принимаемый *Беркомъ* за древній городъ *Уросъ*, взятый воеводою Нелидовымъ въ 1472 году. Выше нынѣшняго села Уролки начиналась уже сѣверная граница Усольскаго или Соликамскаго уѣзда съ Нижнимъ станомъ Пермскаго-Чердынскаго: отъ верховьевъ Уролки на востокъ по правому притоку Камы рѣчкѣ Вильвѣ *), чрезъ деревню

*) Г. *Шишонко* въ объясненіяхъ къ Чердынской писцовой книгѣ Яхонтова смѣшиваетъ эту Вильву съ притокомъ Яйвы, что въ Соликамскомъ уѣздѣ, *и вообще совершенно неправильно указываетъ границы всѣхъ становъ въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ.* Такія «объясненія» легко могутъ сдѣлаться для многихъ источникомъ грубыхъ ошибокъ и заблужденій.

того же имени, переходила далѣе самую Каму, ея притокъ (лѣвый) рѣчку Талицу, деревню (нынѣ село) Нижнее Мошево, далѣе направлялась по лѣвому притоку Камы, рѣчкѣ Верхъ-Боровой, чрезъ деревню того же имени. У верховьевъ рѣчки Боровой кончалась южная граница Нижняго стана и начиналась восточная. Она шла, неизвѣстно отъ какого именно пункта, на сѣверо-западъ рѣкой Язьвою, впадающей слѣва въ Вишеру ниже Морчана. Здѣсь находилась деревня Язьва— восточный предѣлъ Нижняго стана.

Часть указанной границы отъ д. Морчанъ по Вишерѣ до устья Язьвы, далѣе этой рѣкой и волокомъ до рч. Верхъ-Боровой *служила продолженіемъ указанной выше внѣшней границы Перми Великой, восточнѣе которой была уже область поселеній Вогуловъ и Остяковъ.* Въ болѣе отдаленной древности вогульско-остяцкія поселенія продолжались гораздо далѣе на западъ, судя по тому, что на правомъ берегу Вишеры, пониже устья Колвы, и доселѣ существуетъ деревня *Остяцкова,* отнесенная Яхонтовымъ къ Нижнему стану. Или это была случайная колонія Остяковъ въ области Перми?

Кромѣ упомянутыхъ выше деревень и въ ихъ числѣ Урола, принимаемаго за древній городъ *Уросъ,* въ Нижнемъ станѣ въ 1579 г. было три погоста: *Губдоръ, Пентегъ* и *Редикоръ* (нынѣ села), а всего въ этомъ стану было: 3 погоста, 27 деревень, 16 починковъ, 331 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 39 дворовъ безпаш. крест.—всего 370 дворовъ; людей въ нихъ 420 человѣкъ.

IV. Южнѣе и западнѣе Нижняго лежалъ обширный, но пустынный *Отхожій* округъ или районъ, нигдѣ не называемый у Яхонтова „становъ", съ кореннымъ пермяцкимъ населеніемъ, среди котораго въ XVI в. лишь кое-гдѣ разбросаны были, какъ острова въ морѣ, русскія деревни и починки. Видимо, русская колонизація здѣсь только еще начиналась. Поэтому, можетъ быть, писецъ Яхонтовъ все это пространство даже не называетъ „становъ", а просто перечисляетъ „отхо-

жія деревни". Сѣверо-восточную границу этого района мы уже знаемъ: правый притокъ Камы р. Уролка, волокъ, р. Сумычъ и Кама до устья Южной Кельтмы. Далѣе сѣверная граница шла Камой, захватывая бассейны ея лѣвыхъ притоковъ—рѣкъ Лимана и Луньи и весь довольно обширный бассейнъ праваго притока Камы, рѣки Косы. Вверхъ по Камѣ граница Перми Великой шла, по словамъ Яхонтова, „до верхъ-камскіе межи до рѣчки Порыша", впадающаго въ Каму слѣва, уже въ предѣлахъ нынѣшняго Слободскаго или, по тогдашнему, Кайгородскаго уѣзда; а затѣмъ граница шла на югъ, все вверхъ по Камѣ до ея истока, захватывая, какъ можно судить по описи Строгановскихъ вотчинъ Кайсарова, и верхній лѣвый притокъ ея, рѣчку Волосницу.

Итакъ сѣверо-западная внѣшняя граница Перми Великой шла отъ истоковъ Камы по ея громадной сѣверной излучинѣ или дугѣ, захватывая бассейны ея лѣвыхъ притоковъ Волосницы, Луньи, Лимана и Южной Кельтмы. Слѣдовательно, *граница эта была естественная, созданная гидрографическими условіями мѣстности.* Отсюда становится понятнымъ, почему въ 1579 году и, конечно, задолго до того Отхожій округъ Чердынскаго уѣзда распространялся далеко на югъ, на бассейны притоковъ Камы: съ правой стороны рѣкъ Косы, Иньвы и Обвы, а съ лѣвой—Усолки, Яйвы и Косьвы—со впадающими въ нихъ рѣками и рѣчками. Изъ писцовой книги Яхонтова видно, что *Усольскій (иначе Соликамскій) уѣздъ и нѣкоторыя вотчины Строгановыхъ и монастыря Пыскорскаго были кругомъ обхвачены отхожими деревнями Пермскаго-Чердынскаго уѣзда, и лишь на востокѣ Усольскій уѣздъ непосредственно соприкасался съ областью вогульско-остяцкихъ поселеній.*

Слѣдовательно сѣверная излучина рѣки Камы съ бассейнами Волосницы, Луньи, Лимана и Ю. Кельтмы составляла сѣверо-западную границу Отхожаго округа, а рѣки Обва и Косьва—южную его границу. При этомъ правый берегъ

Камы отъ ея истока до р. Обвы не весь входилъ въ составъ Отхожаго района, такъ какъ самое побережье Камы было въ рукахъ Строгановыхъ и Пыскорскаго монастыря; равнымъ образомъ лѣвый берегъ Камы отъ указанной выше южной границы Нижняго стана до рѣки Косьвы—только частью составлялъ Отхожій районъ, такъ какъ заключалъ внутри себя особый Усольскій уѣздъ и часть Строгановскихъ вотчинъ и Пыскорскаго монастыря. Иначе сказать, Отхожій районъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда въ XVI вѣкѣ занималъ части территорій теперешнихъ уѣздовъ Глазовскаго, Слободскаго, Чердынскаго, Соликамскаго, Пермскаго и Оханскаго.

Въ указанныхъ границахъ обширнаго Отхожаго района Чердынскаго уѣзда въ 1579 г. было однако же слишкомъ мало поселеній, а именно два погоста: *Гайна* на р. Камѣ и *Обва* на рѣкѣ того же имени, называющійся у Кайсарова уже *Ильинскимъ* погостомъ на Обвѣ (нынѣ извѣстное село въ Пермскомъ уѣздѣ); затѣмъ 22 деревни и 3 починка. Всѣхъ дворовъ въ Отхожемъ районѣ было 178, людей въ нихъ 232 человѣка. Такимъ образомъ погосты стояли только на двухъ противоположныхъ концахъ Отхожаго района, а деревни были какъ бы оазисами въ пустынѣ. Не даромъ въ жалованной грамотѣ Іоанна Грознаго Григорью Аникіевичу Строганову отъ 2 января 1564 года говорится: „Въ нашей отчинѣ ниже Великіе Перми (города) за восмьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ усть Лысвы рѣчки (близь Пыскорскаго монастыря), а по лѣвую сторону рѣки Камы противъ Пызноскіе курьи, по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовые рѣки, *мѣста пустые, лѣсы черные, рѣчки и озера дикіе, острова и наволоки пустые, а всего того пустого мѣста сто сорокъ шесть верстъ; и прежде сего, на томъ мѣстѣ, пашни не пахиваны и дворы деи не стаивали*, и въ мою цареву и великого князя казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала, и нынѣ не отданы

ни кому, и въ писцовыхъ книгахъ, и въ купчихъ, и въ правежныхъ то мѣсто не написано ни у кого" *).

Упомянемъ главные населенные пункты въ Отхожемъ округѣ по рѣчнымъ бассейнамъ. По р. Камѣ погостъ Гайна; по р. Косѣ деревня Ныровъ; по Иньвѣ — д. Купросъ, д. Кудымкоръ и д. Туманская на городищѣ, именуемая у Кайсарова уже „Майкоръ"; по притоку Иньвы р. Кувѣ дер. Кува, по правому притоку Иньвы рѣчкѣ Юсьвѣ дер. Юсьва; по Обвѣ—погостъ Обва (у Кайсарова „Ильинскій"), дер. Кривая Наволока (нынѣ село Кривецкое) и дер. Федорово; по рѣчкѣ Усолкѣ, лѣвому притоку Камы, д. Верхъ-Усолка; по р. Яйвѣ—дер. Романово, по другой Усолкѣ, притоку Яйвы, дер. Булатово; по р. Косьвѣ—дер. Вильгортъ, впослѣдствіи погостъ Никольскій. Позднѣе всѣ эти деревни извѣстны уже подъ именемъ погостовъ, а въ наше время считаются селами **).

V. Въ 1580 году находившійся въ Чердыни *Іоанно-Богословскій монастырь съ своими вотчинами обособился по управленію въ самостоятельную административную единицу въ предѣлахъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда.* По государевой грамотѣ отъ 10 августа 1580 г.***) Чердынскимъ старостамъ и цѣловальникамъ и всѣмъ лучшимъ, среднимъ и молодшимъ людямъ, согласно челобитной игумена Варлаама, за монастыремъ утверждались навсегда земли, лѣса и угодья, написан-

---

*) «Дополненіе къ Актамъ Историческимъ», т. I, СПБ. 1846 г., стр. 168.

**) Въ изданіи книги Яхонтова г. *Шишонко* ошибочно напечатано: «погостъ Гайна на р. на Колвѣ» (см. оттискъ изъ Губерн. Вѣдом., стр. 35), неправильно также сказано: «деревня Ныровъ на р. Колвѣ», тогда какъ нужно было сказать: «п. Гайна на р. Камѣ, д. Ныровъ на р. Косѣ». Это ясно изъ книги Кайсарова, гдѣ читаемъ: *«погостъ Коса, Ныровъ тожъ, на рѣкѣ Косѣ, что была деревня Ныровъ»*. И въ «Пермской Лѣтописи» *Шишонко* тутъ то же ошибся: погостъ Коса показанъ на Камѣ, гдѣ его никогда не бывало (т. II, 243). Г. *Шишонко* смѣшалъ Ныровъ съ Ныробомъ Верхняго стана, Вильгортъ на Колвѣ съ Вильгортомъ на Косьвѣ, рѣку Уролку съ Усолкой и самую Усолку Камскую съ Усолкой Яйвенской. См. оттискъ изъ Губерн. Вѣдом. 1878 года, стр. 34, 35, 38, 40 и примѣчанія къ книгѣ Яхонтова 201, 230, 245 и 246.

***) «Акты Историческіе», т. I, № 207, стр. 397—398.

ные въ предъидущемъ году въ писцовой книгѣ Ивана Яхонтова, и сверхъ того даровались монастырю новыя важныя права. Такъ какъ въ общей писцовой книгѣ его по Пермскому-Чердынскому уѣзду о монастырѣ ничего не говорится, то отсюда ясно, что *по всѣмъ монастырскимъ имѣніямъ Яхонтовъ составилъ особую писцовую книгу, упоминаемую въ грамотѣ 1580 года* и теперь, къ сожалѣнію, утраченную. Содержаніе ея лишь вкратцѣ повторяется въ грамотѣ отъ 10 августа 1580 года о неприкосновенности владѣній Чердынскаго монастыря, при чемъ границы монастырскихъ вотчинъ тутъ не приводятся. „И всего за Богословскимъ монастырёмъ, по писцовымъ книгамъ, пашни и перелогу 32 четверти, да лѣсу пашенного 37 десятинъ, да сѣна 500 копенъ". Игуменъ и старцы монастыря въ своей челобитной жаловались царю на разныя притѣсненія отъ пермскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и доводчиковъ, причинявшихъ имъ, старцамъ, *и ихъ крестьянамъ* „продажи и убытки великіе".

„И мы Богословскаго монастыря строителя Варлама съ братьею пожаловали, говорится въ заключеніе грамоты: Пермьскимъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ судити ихъ не велѣли и доводчикомъ и праветчикомъ у нихъ кормовъ и подводъ не имати и не въѣзжати къ нимъ ни по что, опричь душегубства и татьбы съ поличнымъ...... *И вы бъ* Богословскаго монастыря строителя *Варлама съ братьею и ихъ крестьянъ отъ Пермьскихъ намѣстниковъ и ихъ тіуновъ и доводчиковъ берегли во всемъ, что бъ имъ и ихъ крестьяномъ обидъ и насилствъ не чинили и не судили бъ ихъ ни въ чемъ....*. да сами бъ есте имъ обидъ и насилствъ никакихъ не чинили и въ монастырскіе земли и въ угодья не вступалися, *что бъ Богословскій монастырь не запустѣлъ и наше богомолье не оскудѣло*".

Вотъ каковы были въ тѣ времена Пермскіе намѣстники, что подчиненнымъ ихъ людямъ поручался контроль надъ ихъ

дѣйствіями! Впослѣдствіи, при настоятелѣ Герасимѣ, послѣ 1630 года, Богословскій монастырь поступилъ въ вѣдѣніе Троице-Сергіевой обители (лавры), и тогда его обособленность была окончательно упрочена. Подобными правами въ Перми Великой въ XVI столѣтіи обладалъ еще знаменитый Преображенскій монастырь на Пыскорѣ, о коемъ рѣчь будетъ ниже.

Таково было административное раздѣленіе Пермскаго-Чердынскаго уѣзда въ XVI столѣтіи, именно въ 1579—80 г.г. Чрезъ 44 года послѣ того этотъ уѣздъ снова былъ подробно описанъ Кайсаровымъ (въ 162¾ г.). Сравнивая двѣ описи, мы видимъ большіе успѣхи русской колонизаціи въ краѣ. Въ тѣхъ же границахъ число деревень и починковъ значительно увеличилось, многіе изъ бывшихъ деревень именуются уже погостами, а изъ бывшихъ починковъ—деревнями. Но у Кайсарова не видно столь точнаго раздѣленія Чердынскаго уѣзда на 4 стана, какое есть у Яхонтова. Впрочемъ *внѣшнія* границы этого уѣзда оставались тѣ же самыя. Въ отношеніи къ самому городу Чердыни разница въ показаніяхъ Яхонтова и Кайсарова нами приведена выше. Въ отношеніи къ уѣзду мы не можемъ, къ сожалѣнію, указать для сравненія точныя цифры селеній, дворовъ и людей, такъ какъ имѣемъ въ рукахъ плохое изданіе Чердынской писцовой книги Кайсарова*). Изъ него можно видѣть только, что населеніе уѣзда за 44 года очень увеличилось, такъ какъ

*) До какой степени небрежно и не удовлетворительно это единственное изданіе Чердынской писцовой книги Кайсарова, предпринятое *Шишонко* въ его «Пермской Лѣтописи» (т. II, стр. 185—251), можно видѣть изъ того, что издатель счелъ нужнымъ передать нѣкоторыя мѣста книги своими словами, а въ заключеніе, по совершенно непонятнымъ соображеніямъ, прибавилъ къ Чердынской писцовой книгѣ Кунгурскую книгу того же Кайсарова, не обозначивъ даже, гдѣ кончается одна и начинается другая книга. Намъ стоило не малаго критико-библіографическаго труда разобраться въ этой путаницѣ, не смотря на наше спеціальное знакомство съ источниками Пермской исторіи. Какъ же будутъ пользоваться такимъ изданіемъ сторонніе ученые? Вотъ обильный источникъ для ученыхъ заблужденій!

книга Кайсарова упоминаетъ много новыхъ починковъ и многія прежнія деревни именуетъ погостами. Перечислимъ всѣ погосты Пермскаго-Чердынскаго уѣзда по книгѣ Кайсарова 1623—24 г.г., сравнительно съ книгой Яхонтова 1579 года.

По р. Колвѣ и ея притокамъ: Помча, Вильгортъ, Анисимовъ, Цыдва, что была деревня, Искоръ и Ныробъ, тоже бывшая деревня.

По Вишерѣ съ притоками: Редикоръ и Губдоръ.

По Камѣ и ея верхнимъ притокамъ: погостъ, что была деревня Лимежъ, погосты Пентегъ, Кольчугъ, Епидоръ, Гайна; Вильва (Чердынская); погостъ Коса, Ныровъ тожъ, что была дер. Ныровъ.

По р. Иньвѣ и притокамъ: погостъ Кудымкоръ, что была деревня.

По р. Обвѣ: Ильинскій, что былъ погостъ Обва, погостъ Верхній Рождественскій.

По р. Косьвѣ: погостъ Косьвенскій.

Всего въ предѣлахъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда въ 162$^{3}/_{4}$ г.г. Кайсаровъ насчитываетъ 20 погостовъ вмѣсто 11, поименованныхъ у Яхонтова. Кромѣ того Кайсаровъ упоминаетъ вновь въ Чердынскомъ краѣ Успенскій дѣвичь монастырь въ самой Чердыни и пустынь Живоначальныя Троицы выше погоста Гайнъ, на Камѣ, близь Кайгородскаго рубежа. Но внѣшнія границы Пермскаго-Чердынскаго уѣзда у Кайсарова вездѣ указываются тѣ же самыя, что и у Яхонтова. *Повторимъ ихъ для удобства обозрѣнія во всей совокупности:*

Рѣка Кама отъ истока, включая бассейны Волосницы, Лупьи, Лимана и Южной Кельтмы съ ея притокомъ Тимшеръ, далѣе линія на сѣверо-востокъ къ сѣверному концу озера Чусовскаго, восточный берегъ озера, рѣка Вишерка, р. Колва до устья Ухтыма, линія съ верховьевъ Ухтыма, чрезъ р. Низьву и верховья Мубыля и Чудовки, къ рѣкѣ Вишерѣ до деревни Морчанъ, внизъ по Вишерѣ до устья р. Язьвы, рѣка

Язьва, волокъ, р. Верхъ-Боровая, продолженіе бассейна Камы до впаденія въ нее справа р. Обвы, слѣва р. Косьвы, исключая отсюда съ XV в. Усольскій уѣздъ, а со второй половины XVI—обширную площадь Строгановскихъ вотчинъ и монастыря Пыскорскаго по самой Камѣ и небольшія вотчины Іоанно-Богословскаго монастыря въ Пермскомъ-Чердынскомъ уѣздѣ.

Сосѣдняя область поселеній Вогуловъ и Остяковъ.

Восточнѣе указанной границы, слѣдовательно за Пермью Великой, какъ уже сказано, начиналась Угорская страна, поселенія Вогуловъ и Остяковъ, „Югра" нашихъ лѣтописей, договорныхъ Новгородскихъ грамотъ и другихъ древнихъ источниковъ. Такимъ образомъ не правильно мнѣніе нѣкоторыхъ ученыхъ, будто вся Югра лежала за Ураломъ. Таковы *Лербергъ, Кастренъ* и *Клапротъ,* считающіе областью древней Югры все Зауралье отъ сѣверныхъ поселеній Самоѣдовъ до границъ Татарскихъ владѣній. Какъ показываютъ многія современныя географическія названія въ Пермской и Вологодской губерніяхъ, вогульско-остяцкія поселенія въ древнѣйшее время простирались на западъ еще далѣе указанныхъ нами предѣловъ. По этому нельзя не признать большей правдоподобности въ ученыхъ заключеніяхъ *Георги,* полагавшаго древнюю Югру между Бѣлымъ моремъ и Ураломъ, *Шлецера,* полагавшаго ее на истокахъ Вычегды, *Миллера* и *Фишера,* принимавшихъ бассейнъ верхней Печоры за область Югры. Всѣ эти ученые въ основаніе своихъ сужденій о древней Югрѣ полагали историческія соображенія, тогда какъ *Кастренъ, Клапротъ* и нѣкоторые другіе основывались на современномъ разселеніи Угорскихъ народовъ. *Костомаровъ,* желая примирить эти ученыя разнорѣчія, замѣчаетъ по поводу ихъ: „Быть можетъ, не всегда подъ именемъ Югры слѣдуетъ понимать этотъ отдаленный уголъ (Зауралье); при той неопредѣленности, какая господствовала въ древности

въ географическихъ понятіяхъ, возможно, если бы подъ Югрою разумѣли и ближайшія земли" *). Обращаясь къ *мѣстнымъ* историческимъ источникамъ, *мы приходимъ къ положительному убѣжденію, что область Угорскихъ поселеній начиналась по сю сторону Урала и граничила непосредственно съ Пермью Великой, а равно и съ Пермью Вычегодской на пространствѣ отъ верховьевъ Чусовой до верховьевъ Печоры включительно.* Поэтому Епифаній Премудрый и его компиляторы имѣли полное основаніе помѣстить въ числѣ ближайшихъ сосѣдей Перми Вогуличей, а въ числѣ болѣе отдаленныхъ окружныхъ народовъ—Югру, т. е. зауральскихъ одноплеменниковъ ихъ.

Б. Усольскій, позднѣе Соликамскій, уѣздъ Перми Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка.

Писцовая книга Усольскаго уѣзда Яхонтова 1579 года, какъ сказано, не издана въ полномъ видѣ, а только въ извлеченіи *Берха* въ его „Путешествіи въ Чердынь и Соликамскъ" СПБ. 1821 г. Кромѣ того содержаніе ея повторяется въ общихъ словахъ въ позднѣйшей книгѣ по тому же уѣзду Кайсарова, изданной г. *Шишонко* **). Наконецъ нѣсколько важныхъ извлеченій изъ Усольской книги Яхонтова сдѣлано въ прекрасномъ изслѣдованіи протоіерея Ал. Матв. *Луканина*: „Церковно-историческое и археологическое описаніе г. Соликамска". Пермь. 1882 г. ***). Извлекаемъ изъ всѣхъ трехъ изданій необходимыя свѣдѣнія.

*) «Сѣвернорусскія народоправства», I, 413.

**) Усольская писцовая книга Кайсарова, какъ сказано, издана г. *Шишонко* дважды: въ Перм. Губерн. Вѣдом. 1872 г. (и оттисками) и въ «Пермской Лѣтописи», томъ II. Мы будемъ ссылаться на первое изданіе въ особомъ оттискѣ, какъ полное и болѣе сносное въ библіографическомъ отношеніи.

***) Это—уже второе изданіе въ особой книгѣ. Первоначально изслѣдованіе было напечатано въ «Пермск. Губерн. Вѣдомостяхъ» 1856 г. №№ 5—8, 1858 г. №№ 40—49, 1860 г. № 52 и 1861 г. №№ 2—6 и въ оттискахъ,

Въ 1579 году въ городѣ Соликамскѣ, на посадѣ и въ уѣздѣ посадскихъ и крестьянскихъ дворовъ было: пашенныхъ крестьянъ 197, безпашенныхъ 155, всего 352 двора; людей въ нихъ, положенныхъ въ сошное письмо, было 406 челов. муж. пола. (Оттискъ книги Кайсарова 1872 г., стр. 113). Какъ и въ Чердыни, въ Соликамскѣ не упоминаются Яхонтовымъ ни церкви, ни городскія укрѣпленія. Но Кайсаровъ въ 162$^{3}/_{4}$ г.г. уже говоритъ очень подробно о тѣхъ и другихъ въ обоихъ городахъ. Укрѣпленія Соликамскъ имѣлъ также деревянныя. Стѣны крѣпости были снабжены башнями и бойницами. Посадъ, по обычаю того времени, былъ обнесенъ особою стѣною. Церквей въ городѣ и на посадѣ Соликамска у Кайсарова показано 6; изъ нихъ при Михайло-Архангельской церкви упоминается женскій монастырь, да кромѣ того былъ Вознесенскій мужской монастырь за посадомъ, на р. Усолкѣ, съ своими храмами. Изъ общественныхъ зданій въ Соликамскѣ Кайсаровъ показываетъ: избу таможенную, царевъ кабакъ, воеводскій домъ, винокурню и пріѣзжія избы Чердынцевъ. Дворовъ посадскихъ лучшихъ торговыхъ людей Кайсаровъ насчитываетъ 13, людей въ нихъ 26 челов., посадскихъ среднихъ людей дворовъ 15, людей 23, посад. молодшихъ людей дворовъ 40, людей 72, самыхъ молодшихъ людей дворовъ 265, людей въ нихъ 399 чел.— всего 333 двора и 520 человѣкъ муж. пола. (Оттискъ, стр. 21, 24, 33).

Уѣздъ города Усолья Камскаго въ 1579 году былъ не великъ и имѣлъ незначительное населеніе. Онъ не раздѣлялся на станы, такъ какъ не имѣлъ еще ниодного погоста, а только заключалъ въ себѣ 23 деревни, 11 починковъ и 3 *займища,* т. е. заимки, во всѣхъ ихъ 144 двора и 205 чел. муж. пола, положенныхъ въ сошное письмо*). Почтенный историкъ Соликамска протоіерей *А. М. Луканинъ* приводитъ

*) *Луканинъ:* «Описаніе Соликамска». Пермь. 1882 г., стран. 128. Оттискъ книгъ Кайсарова. Пермь. 1872 г., стр. 113.

въ своемъ трудѣ изъ какой-то рукописи 29 названій населенныхъ мѣстъ Усольскаго уѣзда, существовавшихъ при описи Яхонтова въ 1579 году, и тѣмъ даетъ возможность судить о границахъ тогдашняго Усольскаго уѣзда Перми Великой.

Какъ сказано выше, Усольскій уѣздъ съ разныхъ сторонъ, исключая восточной, былъ окруженъ въ XVI и XVII в.в. землями Чердынскаго-Пермскаго уѣзда, съ сѣвера землями Нижняго его стана, а съ другихъ сторонъ—Отхожаго района. Кромѣ того въ территорію Усольскаго уѣзда съ юго-запада врѣзывались тогда Строгановскія вотчины съ своимъ особымъ управленіемъ и выдѣлившіяся изъ нихъ же вотчины Пыскорскаго монастыря. Такимъ образомъ весь Усольскій уѣздъ временъ Яхонтова занималъ весьма небольшую площадь, нынѣ составляющую волости Соликамскаго уѣзда: Городищенскую, Половодовскую, Троицкую и Зырянскую на лѣвомъ берегу Камы и Касибскую на правомъ. Покамскія же волости: Пыскорская, Дедюхинская и Ленвенская составляли особое владѣніе Пыскорскаго монастыря, а Усольская, Орловская и Таманская волости и рѣка Яйва до впаденія въ нее Чаньвы были владѣніемъ Строгановыхъ. Изъ селеній Усольскаго уѣзда, упоминаемыхъ Яхонтовымъ, отмѣтимъ деревню *Остятцкую* на рѣчкѣ Черной*). Въ 162$^{3}/_{4}$ г. Кайсаровъ уже называетъ ее починкомъ Неклюдовымъ, „что была деревня Остятцкая". Послѣднее наименованіе уже встрѣчалось намъ въ Нижнемъ станѣ Чердынскаго уѣзда и вторично свидѣтельствуетъ о распространеніи Угорскаго населенія въ древнѣйшее время далеко на западъ. По правую сторону Камы замѣтимъ: деревню Григорово, у которой послѣ найдена была богатая мѣдная руда, снабжавшая Пыскорскій мона-

*) Рѣчекъ съ наименованіемъ «Черная» въ Соликамскомъ уѣздѣ много. Въ данномъ случаѣ разумѣется ближайшая къ Соликамску—притокъ Усолки, въ 2 верстахъ отъ города. Есть еще Черная, притокъ Вильвы, текущей въ Яйву, Черная—притокъ Сѣвернаго Кондаса, Черная—притокъ Глухой Вильвы, текущей въ Язьву и другія.

стырскій заводъ; починокъ Жерадневъ на рѣчкѣ Лысвѣ, впадающей справа въ Каму почти противъ устья Усолки; у Кайсарова упоминается уже „деревня Лысва, что былъ починокъ Жерадневъ“. Недалеко отсюда стоялъ одно время извѣстный Пыскорскій монастырь. Упоминаемыя Яхонтовымъ деревни Бердникова, Зубковская и Кулаковская составили вскорѣ одинъ *погостъ*, называемый у Кайсарова „Городище“. Точно также деревня Зырянка на рѣчкѣ того же имени и починокъ Тимашевъ, отдѣльно поименованные у Яхонтова, при Кайсаровѣ составили одинъ *погостъ* „Зырянку“, впослѣдствіи славившійся солеварнями и перешедшій въ руки Строгановыхъ. Деревня же Боровая, при впаденіи рѣчки Боровой въ Каму, при Кайсаровѣ превратилась уже въ *погостъ* „Рождественскій“.

Итакъ границы Усольскаго уѣзда въ Перми Великой при Яхонтовѣ были приблизительно слѣдующія: *на сѣверъ* отъ праваго притока Камы, рѣчки Вильвы, и лѣваго—рѣчки Верхъ-Боровой, составлявшихъ, какъ выше сказано, южную границу Нижняго стана Чердынскаго уѣзда; *на югъ*—до рѣки Лысвы на правой сторонѣ Камы и до рѣки Зырянки включительно съ рѣкой и селомъ Зырянкою и притокомъ Зырянки, рѣчкою Толычемъ,—на лѣвой сторонѣ Камы; *на западъ* упомянутыя рѣчки Вильва и Лысва, близко сходясь своими истоками, образовали тупой уголъ, служившій естественною границею Усольскаго уѣзда; *на востокъ* граница простиралась отъ верховьевъ Верхъ-Боровой (что въ Чердынскомъ уѣздѣ) по Глухой Вильвѣ, притоку Язьвы (тоже Чердынской рѣки), притоку Г. Вильвы р. Сурмогу, по волоку, по рѣчкѣ Ику, притоку Яйвы; и по р. Яйвѣ, начиная отъ нынѣшняго села Верхъ-Яйвенскаго не далѣе деревни Вижая и села Троицкаго, отсюда по р. Зырянкѣ и Толычу. Въ указанныхъ границахъ на лѣвомъ берегу Камы узкая полоса земли отъ верхняго конца Чашкина озера и его протока (прорыва) въ Каму и до устья р. Зырянки — составляла

собственность Пыскорскаго монастыря и не входила въ число земель Усольскаго уѣзда. (Оттискъ книгъ Кайсарова, стр. 59).

При этомъ *дальнѣйшимъ южнымъ продолженіемъ внѣшней границы Перми Великой съ поселеніями Вогуловъ и Остяковъ служила черта:* отъ р. Верхъ-Боровой по Глухой Вильвѣ, Сурмогу, волоку, Ику, Яйвѣ отъ села Верхъ-Яйвенскаго и по ея лѣвому притоку рѣкѣ Чаньвѣ, составлявшей владѣніе Строгановыхъ; далѣе—черта на югъ, пересѣкавшая Косьву, притокъ Камы, и Усьву, притокъ Чусовой, и приближавшаяся къ другому ея притоку, рѣкѣ Койвѣ, вблизи самаго Уральскаго хребта.

Дѣйствительно, къ югу и востоку отъ Яйвы мы неоднократно встрѣчаемся съ названіемъ рѣчекъ *Вогулокъ,* подобно тому, какъ въ Пермскомъ-Чердынскомъ уѣздѣ—къ востоку отъ Колвы. Таковы: рѣчка Вогулка близь нынѣшняго села Романова на Яйвѣ, по лѣвую ея сторону (впадаетъ въ озеро); Вогулка, правый притокъ Няра, текущаго справа въ Косьву; Вогулка, лѣвый притокъ самой Косьвы, и Новая Вогулка, текущая въ помянутый притокъ Няра того же имени*). Наименованіе же р. *Зырянки* свидѣтельствуетъ, что пермяцко-зырянское населеніе жило по самой Камѣ, западнѣе Вогуловъ и Остяковъ, но въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ ними.

При Михаилѣ Кайсаровѣ въ 1623—24 г.г. границы Усольскаго уѣзда оставались тѣ же самыя, что были 44 года тому назадъ, но количество населенныхъ пунктовъ, какъ и въ Чердынскомъ краѣ, значительно увеличилось. Тогда какъ при Яхонтовѣ въ 1579 году здѣсь не было еще ниодного погоста, при Кайсаровѣ ихъ было уже три: Городище на р. Усолкѣ, Рождественскій на устьѣ Боровой и Зырянка на рѣкѣ того же имени (всѣ три—лѣвые притоки Камы). На этомъ основаніи Кайсаровъ дѣлитъ весь Усольскій уѣздъ на

*) Я пользуюсь спеціальными подробными картами нынѣшнихъ Чердынскаго и Соликамскаго уѣздовъ, изданными тамошними уѣздными земскими управами.

4 части: 1) *Окологородный станъ*, 2) округъ *Городищенскій*, 3) округъ *Рождественскій* и 4) округъ *Зырянскій*.

Въ Окологородномъ станѣ Кайсаровъ перечисляетъ 23 деревни, 20 починковъ, 112 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, 1 безпашенный, 3 двора бобыльскихъ, 1 дворъ пустой, людей 165 чел. муж. пола (Оттискъ, стр. 68—82). Въ Городищенскомъ округѣ: 18 деревень, 8 починковъ, во всѣхъ нихъ вмѣстѣ съ погостомъ 135 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, 5—безпашенныхъ, 2—бобыльскихъ, 7—пустыхъ, людей въ нихъ 205 муж. п. (ibidem, стр. 83—97). Въ Рождественскомъ округѣ: 7 деревень, въ нихъ и въ погостѣ 41 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 19—безпашенныхъ, 6—бобыльскихъ, 3—пустыхъ, людей—90 человѣкъ (ibidem 98—104). Въ Зырянскомъ округѣ: 1 деревня Шмаково, 2 починка, въ нихъ и въ погостѣ 41 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 3—безпашенныхъ, 5—бобыльскихъ, 1—пустой, людей 63 чел. (ibidem, 104—108). „И всего въ *Соликамскомъ уѣздѣ*, заключаетъ Кайсаровъ, 3 погоста, а къ нимъ 49 деревень, да 30 починковъ, а въ нихъ 12 дворовъ церковныхъ, да 329 дворовъ пашенныхъ крестьянъ, да 28 дворовъ безпашенныхъ, да 16 дворовъ бобыльскихъ, а людей въ нихъ 523 человѣка; да 12 дворовъ пустыхъ, да три мѣста дворовыхъ". (Оттискъ книги Кайсарова, стр. 109—110). Въ этомъ заключеніи Кайсаровъ единственный разъ называетъ весь уѣздъ „Соликамскимъ". Сверхъ прежнихъ писцовыхъ книгъ Ивана Яхонтова въ Усольскомъ уѣздѣ прибыло: 3 погоста, 26 деревень, 19 починковъ, дворовъ на посадѣ Соликамска, въ погостахъ и уѣздѣ 400 (всѣхъ разрядовъ) и людей 637 человѣкъ муж. пола.

Кромѣ того „на Сибирской на Верхотурской дорогѣ", т. е. на Бабиновской изъ Соликамска въ с. Ростесъ и далѣе чрезъ Уралъ, на волокѣ, на рѣкѣ Яйвѣ *), на мѣстѣ нынѣш-

*) Тутъ въ оттискѣ книгъ Кайсарова и въ «Пермской Лѣтописи» *Шишонко* (томъ II) грубая ошибка: вмѣсто *Яйвы* названа Язьва—рѣка Чердынскаго уѣзда.

наго села Верхъ-Яйвенскаго, Кайсаровъ впервые указываетъ монастырь — новую пустынь съ храмомъ Введенія, одной кельей и 5 иноками, да за пустынью 6 дворовъ бобыльскихъ и въ нихъ 8 человѣкъ, да одно займище (заимку) на верховьяхъ Усолки, съ однимъ монастырскимъ дворомъ. Церковь Введенія построена въ Верхъ-Яйвенскомъ селѣ извѣстнымъ Артеміемъ Бабиновымъ въ 1616 году, какъ видно изъ Соликамскаго лѣтописца, изданнаго *Верхомъ* („Путешествіе", стр. 207). Это былъ крайній восточный пунктъ Усольскаго уѣзда.

О происхожденіи Усольскихъ погостовъ изъ деревень мы сказали выше; перечислять другія поселенія Усольскаго уѣзда, возникшія послѣ Яхонтова, мы не видимъ надобности, такъ какъ *внѣшнія* границы уѣзда при Кайсаровѣ не измѣнились. Полный списокъ населенныхъ мѣстъ Усольскаго уѣзда по описямъ Яхонтова и Кайсарова приведенъ въ извѣстной уже намъ книгѣ протоіерея *Луканина* по исторіи Соликамска (стр. 124—127).

В. Вотчины Строгановыхъ и монастыря Пыскорскаго въ Перми Великой въ XVI и началѣ XVII вѣка.

Въ административномъ и судебномъ отношеніи нѣчто самостоятельное, не подвластное государевымъ намѣстникамъ и воеводамъ составляли Строгановскія вотчины, занимавшія добрую половину Перми Великой. Это было словно какое-то вассальное государство съ своими законами, установленіями, распорядками. Именитые владѣтели обширныхъ Великопермскихъ вотчинъ по дѣламъ управленія, даже не выходившимъ за предѣлы полномочій и компетенціи *мѣстной* судебно-административной власти, имѣли исключительное право, обходя обычныя мѣстныя инстанціи, сноситься непосредственно съ центральными учрежденіями Московскаго государства.

Ихъ исключительныя права внесены въ „Соборное Уложеніе“ 1649 г. царя Алексѣя Михайловича (глава X, статья 94). То же самое и гораздо ранѣе неоднократно подтверждалось въ жалованныхъ роду Строгановыхъ царскихъ грамотахъ и указахъ XVI и XVII в.в. Такъ, въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ царя Ивана Васильевича отъ 2 января 1564 года между прочимъ читаемъ: „И нашимъ Пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ Григорья Строганова, и что его городка (Орда) людей и деревеньскихъ, не судити ни въ чемъ..... *а вѣдаетъ и судитъ Григорей своихъ слобожанъ самъ во всемъ.* А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Григорья какое дѣло, и тѣмъ людемъ на Григорья здѣсь імати управные грамоты, а по тѣмъ управнымъ грамотамъ обоимъ—ищеямъ и отвѣтчикомъ—*безприставно ставитися на Москвѣ предъ нашими назначен*“ *). То же самое было сказано и въ болѣе ранней грамотѣ отъ 4 апрѣля 1558 года.

Первоначально Строгановы имѣли земли только въ Сольвычегодскомъ краѣ, а со второй половины XVI вѣка они являются и въ Перми Великой первыми крупными частными землевладѣльцами. Первая жалованная грамота на Великопермскія земли и дана была Строгановымъ 4 апрѣля 1558 года, чрезъ 5 лѣтъ послѣ дарованія Чердынцамъ и Усольцамъ „Уставной грамоты“. Эта *первая* грамота Строгановыхъ напечатана была впервые историкомъ Сибири *Миллеромъ* **). Содержаніе ея очень подробно повторяется затѣмъ во *второй* жалованной грамотѣ отъ 2 января 1564 года, сохранившейся въ фамильномъ архивѣ Строгановыхъ въ Петербургѣ. Изъ этихъ двухъ грамотъ можно видѣть размѣры Пермскихъ вотчинъ Строгановыхъ въ самое первое время по ихъ возникновеніи. Вотъ подлинныя слова грамоты 1564 года: „И язъ Царь и Великій Князь Иванъ Василье-

*) «Дополненія къ Актамъ Историческимъ», т. I, СПБ. 1846 г., стр. 169—170.

**) *Герардъ Фридрихъ Миллеръ:* «Описаніе Сибирскаго Царства». СПБ. 1750 г., стр. 76—80, подъ текстомъ.

вичъ всея Русіи Григорья Аникѣева сына Строганова пожаловалъ, велѣлъ есми ему на томъ пустомъ мѣстѣ, ниже Великія Пермы (города Чердыни) за восмьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, *по правую сторону Камы рѣки съ устъ Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пыскорскіе курьи, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чюсовые рѣки,* на черныхъ лѣсѣхъ городокъ поставити (разумѣется Орелъ) и около бъ того городка ему *по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ лѣсъ сѣчи, и пашни* около того городка *роспахивати, и дворы ставити,* и людей ему въ тотъ городокъ неписменыхъ и нетяглыхъ называти" *). Въ самомъ же началѣ этой грамоты точно указано и пространство земли, которая отдавалась во владѣніе Строгановымъ: отъ устья рѣчки Лысвы на правомъ берегу Камы и отъ Пыяновской курьи на лѣвомъ „всего дей того пустого мѣста *сто сорокъ шесть верстъ*". Какъ видно изъ грамотъ, о пустотѣ и ненаселенности этихъ земель въ Москвѣ свидѣтельствовалъ Пермякъ Кодаулъ, пріѣзжавшій „изъ Пермы ото всѣхъ Пермичь съ данью", — свидѣтельствовалъ въ Москвѣ предъ царскими „казначеями", а послѣдніе показаніе Кодаула сообщили царю.

Приведенное опредѣленіе границъ грамотами Іоанна Грознаго находится въ полномъ согласіи съ показаніемъ у Яхонтова границъ Усольскаго и Чердынскаго уѣздовъ. По правому притоку Камы рѣкѣ Лысвѣ, какъ мы уже говорили, шла южная граница Усольскаго уѣзда. Строгановскія вотчины начинались у этой самой Лысвы и шли далѣе къ югу, по правому же берегу Камы, оканчиваясь противъ устья Чусовой. Южнѣе, по р.р. Иньвѣ и Обвѣ, находилось нѣсколько отхожихъ деревень Чердынскаго уѣзда, но, какъ мы видѣли изъ писцовыхъ книгъ, деревни эти были лишь оазисами въ пустынѣ. Строгановы получили въ свои руки земли пустыя,

*) «Дополн. къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 168—169. Но *первая* грамота, напечатанная *Миллеромъ*, не была перепечатана ни въ этомъ, ни въ другихъ изданіяхъ Археографической Коммиссіи.

ненаселенныя; однако данное имъ право занимать земли по притокамъ Камы *отъ устьевъ и до вершинъ* все таки привело ихъ со временемъ въ столкновеніе съ Чердынскими „отхожими людьми“.

То же самое было и на лѣвомъ берегу Камы, гдѣ Строгановы тѣмъ болѣе встрѣтили не однихъ Чердынскихъ, но и Усольскихъ поселенцевъ. Странно, что правительство, давая Строгановымъ право занимать цѣлые рѣчные бассейны, не оградило при этомъ интересовъ хотя и немногочисленныхъ, но болѣе старинныхъ жителей береговъ Камскихъ притоковъ. Или оно введено было въ ошибку показаніями Кодаула, быть можетъ, не вполнѣ добросовѣстными по причинѣ подкупа, весьма возможнаго для богатыхъ людей Строгановыхъ? На лѣвомъ берегу Камы, какъ мы знаемъ, южная граница Усольскаго уѣзда простиралась до рѣкъ Зырянки и Толича; но *неширокая полоса Камскаго берега* (отъ верхняго конца Чашкина озера и его протока въ Каму до устья этой Зырянки) *не входила въ предѣлы Усольскаго уѣзда*, судя по книгѣ Яхонтова, и потому по грамотѣ 4 апрѣля 1558 года была отдана во владѣніе Строгановымъ, а послѣдними завѣщана Пыскорскому монастырю. Эта первая грамота Строгановыхъ называетъ сѣверной границей ихъ вотчинъ на лѣвомъ берегу Камы линію противъ *Пызновской курьи*. „А по лѣвую сторону Камы рѣки, говоритъ грамота, *противъ Пызновскіе курьи*“... Въ спискѣ этой грамоты, напечатанномъ у *Миллера*, сказано въ этомъ мѣстѣ: „противъ *Пыскорскіе* курьи“. Отсюда можно заключить, что тутъ разумѣется устье рѣчки *Пыскорки*, при которой стоялъ монастырь. Южный конецъ Чашкина озера приходится какъ разъ *противъ* устья этой рѣчки (рѣчка на правомъ, озеро—на лѣвомъ берегу Камы), а верхній конецъ того же озера и протокъ *или* прорывъ его въ Каму приближается къ устьямъ другой рѣчки—Лысвы, находится, такъ сказать, противъ Лысвенской курьи.

Нѣкоторые думаютъ, напр. *Ѳ. В. Мичуринъ* *), что подъ *Пызновской курьей*, упомянутой въ нѣсколькихъ Строгановскихъ грамотахъ XVI вѣка, напечатанныхъ въ изданіяхъ Археографической Коммиссіи, нужно разумѣть устье рѣчки *Позь*, впадающей слѣва въ Каму пониже рѣки Яйвы; — думаютъ на томъ основаніи, что отъ Чашкина озера до р. Чусовой больше 146 верстъ, а отъ Пози выходитъ приблизительно это разстояніе, указываемое въ первыхъ грамотахъ Строгановыхъ. Но противъ этого мы можемъ возразить во 1-хъ то, что тогда принималась верста въ 700 саженъ, а не нынѣшняя, а во 2-хъ то, что при такомъ толкованіи словъ грамотъ потеряетъ всякій смыслъ выраженіе „*противъ* курьи", такъ какъ р. Позь на лѣвомъ, а не на правомъ берегу Камы.

Итакъ, водвореніе могущественныхъ землевладѣльцевъ Строгановыхъ въ Великопермскомъ краѣ было противно интересамъ мелкихъ собственниковъ земли, разсѣянныхъ по рѣкамъ и рѣчкамъ, которыя должны были *съ устьевъ и до вершинъ* перейти въ руки Строгановыхъ, по данному имъ грамотами 1558 и 1564 г.г. праву. Отсюда неизбѣжно происходили многочисленныя поземельныя тяжбы и судебные процессы. По Иньвѣ съ ея притоками, Обвѣ, Яйвѣ, ея притокамъ Усолкѣ и Вильвѣ, по Косьвѣ и другимъ рѣкамъ и рѣчкамъ Строгановы встрѣчали Усольскихъ и Чердынскихъ „отхожихъ" людей, съ которыми и должны были вступать въ борьбу за обладаніе землей. Борьба оказалась неравною, и Строгановы постепенно налагали свою тяжелую, мощную руку на упомянутыя земли. Ни старинныя поземельныя права, ни ропотъ, ни открытыя возмущенія мелкихъ собственниковъ земли не приводили ни къ чему. Особенно прочно

*) Обладающій многими старинными документами и напечатавшій въ «Пермск. Губерн. Вѣдом.» за 1881 годъ «Матеріалы къ исторіи Пермскаго края», именно грамоту Строгановымъ на рѣку Зырянку отъ 11 іюля 1701 г. (см. №№ 53—55, 59, 61, 64, 65, 67, 69, 71, 73, 75 и 78 и отписки).

утвердились Строгановы въ Перми Великой со времени всесильнаго современника Петра Великаго, Григорія Дмитріевича Строганова, который, пользуясь особымъ довѣріемъ царя, желавшаго создать въ Россіи горнозаводское дѣло, покровительствовавшаго въ равной мѣрѣ и Строганову, и Демидову,— *постепенно исходатайствовалъ себѣ подтвердительныя грамоты на вѣчное владѣніе землями по р. Яйвѣ (въ 1688 г.), по Обвѣ, Иньвѣ и Косьвѣ (въ 1700 г.) и даже по Зырянкѣ (въ томъ же 1700 году)* *). Долго, цѣлые вѣка помнили Чердынцы и Усольцы водвореніе Строгановыхъ въ Великопермскомъ краѣ!

Основанный въ 1558—60 г.г. и покровительствуемый Строгановыми Пыскорскій Преображенскій монастырь со временемъ также сталъ поступать по примѣру своихъ основателей, такъ какъ до нашего времени сохранились нѣкоторыя тяжебныя дѣла монастыря съ Усольцами и даже, какъ это ни странно, *съ самими Строгановыми*. Любопытныя свѣдѣнія объ этихъ тяжбахъ можно найти въ книгѣ *Д. М. Пѣтухова*: „Горный городъ Дедюхинъ и окольныя мѣстности“. СПБ. 1864 г., (глава 1-я, стр. 1—25). Всѣ дѣла Пыскорскаго монастыря краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что мірскіе интересы были совсѣмъ не чужды Пыскорскимъ старцамъ и ихъ настоятелямъ.

Благодаря всѣмъ указаннымъ обстоятельствамъ, отхожія земли Чердынцевъ и Усольцевъ мало по малу, если не de jure, то de facto, оказались въ рукахъ Строгановыхъ и частію монастыря Пыскорскаго. Даже дарованная Чердынцамъ и Усольцамъ царская „уставная грамота“ 1553 г. не оберегла ихъ отъ насильствъ. Въ XVII в. отхожія поселенія Чердынцевъ были словно колоніи въ чужомъ краѣ. *Прослѣдимъ хронологически переходъ земель къ Строгановымъ.*

*) См. изданную мною «Усольскую лѣтопись Ѳ. А. Волегова» въ «Пермскихъ Губерн. Вѣдом.», 1882 г. №№ 96 и 97 и въ оттискѣ.

Первое пожалованіе земли было въ 1558 г. отъ устья р. Лысвы и черты противъ Пызновской или Пыскорской курьи на лѣвомъ берегу Камы—внизъ по обѣ стороны Камы, со впадающими рѣками и рѣчками съ устьевъ и до вершинъ, до рѣки Чусовой—на протяженіи тогдашнихъ 146 верстъ. По вычисленію знатока исторіи Строгановыхъ, *Ѳ. А. Волегова, основанному на архивныхъ данныхъ*, Григорій Аникіевичъ Строгановъ по грамотѣ отъ 4 апрѣля 1558 года получилъ земли въ Перми Великой 3415840 десятинъ 1523²/₃ квадр. саженъ *). И это былъ только первый зародышъ Строгановскаго землевладѣнія въ Великопермскомъ краѣ! Впослѣдствіи Строгановы постепенно получаютъ отъ щедротъ царскихъ новыя приращенія изъ „свободныхъ“ (вполнѣ-ли?) пермскихъ земель—одно другого значительнѣе. Въ 1568 году марта 25 Яковъ Аникіевъ Строгановъ былъ пожалованъ грамотой на земли по обѣ стороны р. Чусовой отъ ея устья до нынѣшняго Верхняго Чусовскаго городка и выше его, и кромѣ того по обѣ стороны р. Камы отъ Чусовскаго устья и прежней Строгановской межи внизъ по Камѣ на 20 верстъ до р. Ласвы въ нынѣшнемъ Охансномъ уѣздѣ. Согласно челобитью, Якову Строганову дозволено было построить на Чусовой укрѣпленный городокъ возлѣ найденныхъ имъ соляныхъ залежей, и „около бы городка у соленого промысла варницы и дворы ставити, *по обѣ стороны Чюсовые рѣки, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ, и отъ Чюсовые рѣки по обѣ стороны Камы рѣки внизъ на двадцать верстъ до Ласвинского бору, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ* лѣсъ сѣчи, и пашни пахати, и пожни розчищати, и рыбными угодьи и иными всякими владѣти, и людей не писменыхъ и нетяглыхъ называти“ **)—т. е. не записанныхъ ни въ какое тягло.

---

*) *Ѳ. А. Волеговъ:* «Истор.-статист. таблицы на имѣнія Строгановыхъ» изданы мною въ «Памятной книжкѣ Пермской губ. на 1889 годъ». *Ѳ. А. Волегову*, бывшему главноуправляющему всѣхъ Пермскихъ имѣній Строгановыхъ, были вполнѣ доступны всѣ архивы Строгановыхъ, которые онъ прекрасно и зналъ.

**) «Дополненія къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 172—175.

Нельзя не замѣтить, какъ *приблизительно* обозначена граница пожалованныхъ Строганову земель вверхъ по Чусовой. Правительство само не имѣло, повидимому, точныхъ топографическихъ свѣдѣній объ этихъ отдаленныхъ земляхъ, и Строгановымъ слишкомъ выгодно было выпрашивать себѣ во владѣніе земли цѣлыми рѣчными бассейнами по рѣкамъ и рѣчкамъ „отъ устей и до вершинъ". Пользуясь такой возможностью, Яковъ Строгановъ по грамотѣ 1568 г. присвоилъ себѣ, сверхъ прежде дарованныхъ 3 1/2 милліоновъ десятинъ, еще 4129217 десят. 1654 1/2 квадр. саженъ земли *). Между прочимъ тутъ заключалась вся площадь земли, занимаемая основаннымъ въ 1781 г. губернскимъ городомъ Пермью.

Таковы были границы Строгановскихъ вотчинъ въ Перми Великой ко времени перваго писца Яхонтова: отъ нынѣшней Соликамской Лысвы до Оханской Ласвы на правомъ берегу Камы и почти отъ устьевъ р. Зырянки (болѣе сѣверное побережье тогда было уже въ рукахъ монастыря Пыскорскаго) до черты противъ устьевъ той же Ласвы на лѣвомъ берегу Камы, включая сюда не значительную часть обширнаго бассейна р. Чусовой и ея главнаго лѣваго притока р. Сылвы. По обѣимъ сторонамъ этой широкой Прикамской полосы земли лежалъ Отхожій округъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда, а на югѣ, за Чусовой и Сылвой, начинались уже улусы Кунгурскихъ Татаръ и Остяковъ.

При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Никита Григорьевичъ Строгановъ получилъ новое приращеніе къ своимъ вотчинамъ. Грамотою отъ 7 апрѣля 1597 г. ему жалуются вновь земли „ниже Великія Перми (т. е. Чердыни) и ихъ вотчинъ, по Камѣ рѣкѣ, полтретьяста верстъ **), а отъ Казани полосмаста верстъ (750 в.), *отъ Ласвы рѣчки внизъ по Камѣ по правой*

*) «Таблицы» *Ѳ. А. Волегова* въ «Памятной книгѣ Перм. губ. на 1889 годъ». См. таблицу № 1.

**) На самомъ дѣлѣ считалось: отъ Чердыни до Лысвы тогдашнихъ 88 верстъ, отъ Лысвы до Ласвы 146+20 верстъ, всего 254 версты.

сторонѣ до рѣчки да Ошапу пятьдесятъ пять верстъ, а съ той межи въ Каму рѣку, по обѣ стороны рѣчки впали: Сюзва, да Нытва, да Югъ, да Очеръ, да Ошапъ, и по Камѣ рѣкѣ отъ Ласвы рѣчки внизъ до Ошапу по обѣ стороны и иныя малыя рѣчки дикія, которыя впали въ Ласву, и въ Сюзву, и въ Нытву, и въ Очеръ, и въ Югъ, и въ Ошапъ по обѣ жъ стороны съ устья и до вершинъ" *). На этотъ разъ Строгановы пріобрѣли земли 586882 десятины 634 квадр. саж. („Таблицы" *Ѳ. А. Волегова*, № 1).

Но и этимъ они не удовольствовались: 15 сентября 1615 года Андрей и Петръ Семеновичи Строгановы получаютъ опять жалованную грамоту на прибавочныя земли отъ р. Ошапа внизъ по Камѣ до рѣчки Тулвы **), что повыше Осинской или Никольской слободы (нынѣ городъ Оса), принадлежавшей тогда уже къ обширному Казанскому „уѣзду". По теченію Камы Строгановы получили земли на 35 верстъ, конечно, со всѣми рѣчками на этомъ протяженіи, или 163280 десятинъ 916 квадр. саж. („Таблица" № 1). Въ этихъ предѣлахъ засталъ Строгановскія вотчины второй писецъ Михаилъ Кайсаровъ въ $162^{3}/_{4}$ гг.

Не указывая въ подробностяхъ дальнѣйшихъ поземельныхъ пріобрѣтеній Строгановыхъ въ Великой Перми, замѣтимъ только, что съ теченіемъ времени большая часть Оханскаго района Пермскаго-Чердынскаго уѣзда и нѣкоторая часть Соликамскаго постепенно перешла въ полную собственность Строгановыхъ. По грамотѣ 1685 года Григорій Дмитріевичъ Строгановъ получилъ въ Чердынскомъ уѣздѣ во владѣніе рѣку Весляну, лѣвый притокъ Камы, съ ея притоками,

*) Эта грамота вполнѣ не была напечатана, но имѣется у меня въ рукописи, которой я и пользуюсь. Въ I томѣ «Пермской Лѣтописи» *Шишонко* напечатано извлеченіе изъ нея (см. стр. 120—121).

**) Содержаніе грамоты 1615 г., извлеченное изъ позднѣйшей грамоты 1692 г., напечатано во II томѣ «Пермск. Лѣтоп.» (стр. 61), а обширная грамота отъ 25 іюля 1692 г. цѣликомъ напечатана *Устряловымъ* въ книгѣ «Именитые люди Строгановы». СПБ. 1842 г.

или 604211 десят. 2285 кв. саж. Въ 1688 году онъ же получилъ грамоту, которой *утверждались* его права на рѣку Яйву. По грамотѣ 1694 г. сентября 29 онъ же получилъ Чердынскую рѣку Лологъ, лѣвый притокъ Косы, съ ея притоками, или 254741 десят. 842 кв. саж. земли. Въ 1697 г. февраля 12 онъ же получилъ первую грамоту на Ленвенскіе промысла, *отобранные* отъ Шустова и Филатьевыхъ. Въ счастливѣйшемъ для Строгановыхъ 1700 г. іюля 1-го состоялся именной указъ Петра В. *объ утвержденіи* за тѣмъ же Григоріемъ Дмитріевичемъ пожалованныхъ по Обвѣ, Иньвѣ и Косьвѣ *погостовъ*, съ чѣмъ вмѣстѣ отошло къ нему 14003 человѣка муж. пола казенныхъ людей. Въ 1701 г. іюля 11 тотъ же Строгановъ получилъ грамоту на полное владѣніе Зырянскими солянными промыслами, селомъ Григоровымъ и островомъ Толстинскимъ на Камѣ. Наконецъ 1702 г. мая 22 ему же пожалована вторичная и окончательная грамота на Обвенскіе, Иньвенскіе и Косьвенскіе погосты и село Ростесское *). Вотъ какъ облагодѣтельствовалъ Петръ Великій своего „именитаго" подданнаго въ Перми Великой! Послѣ Іоанна Грознаго Строгановы никогда не получали столь щедрыхъ, по истинѣ безпримѣрныхъ, монаршихъ милостей. Въ этихъ щедротахъ правительство зашло такъ далеко, что впослѣдствіи, въ концѣ XVIII и въ XIX вѣкѣ, *убѣдившись въ своей ошибкѣ, оно само вынуждено было вести со Строгановыми, въ интересахъ казны, продолжительные и сложные земельные процессы*. Мыслимо-ли было тутъ тягаться съ такимъ всесильнымъ землевладѣльцемъ, какъ Григорій Дмитріевъ Строгановъ, мелкимъ Чердынскимъ и Усольскимъ людямъ, хотя послѣдніе и предъявляли при поземельныхъ тяжбахъ свои законныя права на давно занятыя земли? При такихъ условіяхъ *первоначальный* способъ утвержденія Строгановыхъ на чужихъ нерѣдко земляхъ становится не трудно

*) См. изданную мною „Усольскую лѣтопись" и „Историко-статистическія таблицы *Ѳ. А. Волегова*.

объяснимымъ. Это была цѣлая эпоха въ исторіи землевладѣнія въ Перми Великой.

Прослѣдивъ хронологически постепенный ростъ Строгановскаго землевладѣнія въ Перми Великой, указавъ границы ихъ вотчинъ въ разное время и между прочимъ при Яхонтовѣ (1579 г.) и Кайсаровѣ (1623/4 г.г.), мы должны теперь обратиться къ детальному разсмотрѣнію *особыхъ* писцовыхъ книгъ того и другаго по Строгановскимъ вотчинамъ, какъ сдѣлали это выше въ отношеніи Чердынскаго и Усольскаго уѣздовъ; но здѣсь мы считаемъ необходимою еще одну предварительную оговорку.

Строгановы явились дѣятельными колонизаторами пожалованныхъ имъ земель „пустыхъ, ненаселенныхъ“, какими представляютъ ихъ намъ царскія грамоты XVI в. и писцовая книга Яхонтова 1579 г. Населеніе этихъ земель до появленія Строгановыхъ было слишкомъ не достаточное, не соразмѣрное съ обширностью пространства. Между тѣмъ въ „Соликамскомъ лѣтописцѣ“, напечатанномъ въ „Путешествіи“ *Берха*, есть извѣстіе, будто въ „1563 году по указу великаго государя отдано именитому человѣку Григорью Строганову крестьянъ Соликамскихъ, Обвинскихъ и Косвенскихъ 2322 двора во владѣніе“ (см. стр. 208). Это сообщеніе лѣтописи рѣшительно противорѣчитъ всѣмъ другимъ историческимъ источникамъ Пермскаго края и въ томъ числѣ самому достовѣрному — писцовой книгѣ Яхонтова, которая во всемъ Соликамскомъ уѣздѣ, на всей Обвѣ и Иньвѣ не насчитываетъ такого количества дворовъ во второй половинѣ XVI вѣка. Мы видѣли, что Яхонтовъ показываетъ въ Соликамскѣ 352 двора, во всемъ Усольскомъ уѣздѣ — 144 двора и во всемъ Отхожемъ районѣ Чердынскаго уѣзда 178 дворовъ; и людей: въ Соликамскѣ 406 чел. муж. п., въ его уѣздѣ 205 чел., въ отхожихъ Чердынскихъ дворахъ 232 чел. Даже при Кайсаровѣ во всемъ городѣ и уѣздѣ Соликамска было, какъ мы

видѣли, менѣе тысячи дворовъ. О такомъ странномъ *для того времени* пожалованіи не умолчали бы двѣ другія Соликамскія лѣтописи, изданныя мною въ 1884 году *); однако въ нихъ нѣтъ этого нелѣпаго свидѣтельства. Нѣтъ и не можетъ быть его и во всѣхъ спеціальныхъ источникахъ по исторіи Строгановыхъ. Во всякомъ случаѣ почтенный *Ѳ. А. Волеговъ*, отлично знавшій всѣ Строгановскіе архивы, не преминулъ бы сообщить о такомъ крупномъ фактѣ въ исторіи именитыхъ людей въ одномъ изъ своихъ, въ высшей степени обстоятельныхъ, трудовъ, изданныхъ мною въ недавнее время. Но ни въ его „Усольской лѣтописи“, ни въ „Историко-статистическихъ таблицахъ“, ни въ другихъ трудахъ нѣтъ сообщенія о крупномъ пожертвованіи въ пользу Строгановыхъ 1563 года. На этомъ основаніи мы считаемъ такое сообщеніе грубой погрѣшностью лѣтописи, составленной въ сравнительно позднѣйшее время—въ прошломъ вѣкѣ, и удивляемся, какимъ образомъ почтенный *В. Н. Берхъ* не сдѣлалъ оговорки, печатая такую историческую несообразность, чѣмъ ввелъ въ ошибки нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей о Пермскомъ краѣ и Строгановыхъ, напримѣръ *Штиглица* **). Напротивъ всѣ достовѣрные историческіе источники, какъ мы видѣли, согласно свидѣтельствуютъ о малонаселенности пожалованныхъ Строгановымъ земель. О томъ же говоритъ и сопоставленіе разныхъ обстоятельствъ того времени. Съ одной стороны сами Строгановы безнаказанно могли занимать чужія земли только въ краѣ малонаселенномъ, пустынномъ, гдѣ не рисковали встрѣтить себѣ слишкомъ опасный отпоръ; съ другой стороны, что Строгановы *нуждались* первое время въ пришлыхъ людяхъ, иначе сказать, что *мѣстное* населеніе пожалованныхъ имъ земель сначала было ничтожно—видно

*) «Соликамскія лѣтописи» Пермь 1884 г.—оттискъ изъ Пермск. Губ. Вѣдом. 1883 и 1884 г.г.

**) Автора «Списковъ населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи». СПБ. 1875 г., стр. CLXX.

изъ того, что источники по исторіи Строгановыхъ упоминаютъ въ числѣ вотчинныхъ людей ихъ множество пришельцевъ изъ другихъ русскихъ земель. Такъ писцовая книга Кайсарова по Строгановскимъ вотчинамъ упоминаетъ Устюжанъ, Вятчанъ, Верхокамцевъ, Кайгородцевъ, Южанъ, Двинянъ, Пинежанъ, Вычегжанъ, Вологжанъ, Бѣлозерцевъ, Галичанъ, Угличанъ, Каргопольцевъ, Поморцевъ, Москвичей, Владимірцевъ, Калужанъ и т. п.—даже инородцевъ Вогуловъ, Югричей, Мордву, Зырянъ, Татаръ; въ числѣ поселенцевъ въ вотчинахъ Строгановыхъ упоминаются бѣглые солдаты. Вообще населеніе это представляло собою сбродъ всякаго люда, въ тѣ времена нерѣдко бѣжавшаго на Уралъ изъ внутренней Россіи отъ всякихъ „насильствъ“ *).

Теперь обратимся уже къ Яхонтову. Писцовая книга его по вотчинамъ Строгановыхъ, какъ мы говорили, была когда-то въ рукахъ *Ѳ. А. Волегова*, который воспользовался ею для своихъ „Историко-статистическихъ таблицъ по имѣніямъ Строгановыхъ“ и для другихъ трудовъ; но хранится ли она теперь въ одномъ изъ архивовъ Строгановыхъ, или уже утрачена (Ново-Усольскій архивъ въ 1842 г. сильно пострадалъ отъ пожара)—намъ неизвѣстно. Но содержаніе этой книги 1579 года подробно повторяется въ грамотѣ 1692 г., напечатанной въ монографіи *Устрялова* о Строгановыхъ, каковымъ извлеченіемъ грамоты мы теперь и воспользуемся.

Великопермскія вотчины Строгановыхъ при первой переписи простирались отъ р. Лысвы внизъ по Камѣ до рѣки Ласвы и кромѣ того по Чусовой и Сылвѣ до Остяцкихъ улусовъ. На давно оставленныхъ загадочной Чудью земляхъ, мѣстами покрытыхъ дремучими, „черными“ лѣсами, среди кото-

---

*) Въ XVIII в., съ усиленіемъ крѣпостнаго права и съ появленіемъ на земляхъ Строгановыхъ горныхъ заводовъ, началось обратное движеніе: люди, преимущественно заводскіе, многими тысячами стали бѣгать отъ Строгановыхъ въ Сибирь и другія мѣстности, обѣщавшія приволье или по крайней мѣрѣ нѣкоторое облегченіе отъ крѣпостнаго гнёта.

рахъ лишь кое-гдѣ народная память сохранила древнія неславянскія названія городищъ и разныхъ урочищъ, перешедшія и въ писцовыя книги,—съ XV вѣка или ранѣе появляется новый слой населенія, новая народность русская. Со времени утвержденія Строгановыхъ на берегахъ верхней и средней Камы, русскій элементъ въ этомъ краѣ сталъ прибывать особенно быстро. Въ виду безпокойнаго и, какъ мы видѣли, очень близкаго сосѣдства съ Вогулами и Остяками, народами довольно воинственными въ то время, Строгановымъ приходилось снабжать крѣпостью и боевымъ вооруженіемъ каждое, вновь основанное, болѣе или менѣе значительное поселеніе, особенно пограничное. Подъ условіемъ „обереженія“ русскихъ людей отъ воинственныхъ сосѣдей они получали и самыя земли. Вотъ почему основанныя Строгановыми слободы часто назывались *городками* и *острожками*. При Яхонтовѣ въ вотчинахъ Строгановыхъ было четыре *слободы* съ особымъ округомъ при каждой: слобода *Орелъ-городокъ*, слобода *Чусовая*, сл. *Сылва* и сл. *Яйва*. Слѣдовательно, *по внутреннему управленію всѣ Великопермскія вотчины раздѣлены были въ то время на 4 части*. Изъ нихъ Орелъ-городокъ съ своимъ округомъ или, по выраженію Яхонтова, „уѣздомъ“ принадлежалъ тогда Никитѣ Григорьевичу, а слободы Чусовая, Сылва и Яйва—Семену Аникіевичу и Максиму Яковлевичу Строгановымъ. *Въ виду этой раздвоенности владѣнія, четыре упомянутые „уѣзда“ въ свою очередь соединялись въ два главные округа—Орловскій и Чусовской съ особымъ центромъ управленія въ каждомъ*. Эти главные округи впослѣдствіи въ вотчинахъ Строгановыхъ получили особенное названіе *приказовъ* или *присудовъ Орловскаго* и *Чусовскаго* *). Строгановы

---

*) Въ грамотахъ Іоанна IV отъ 2 января 1564 г., отъ 25 марта 1568 г. и отъ 6 августа 1572 г. Орелъ-городокъ просто называется *Слободой* и *Слободкой на Камѣ* (Дополн. къ Акт. Историч. I, 168—176); *отсюда и самый Орловскій уѣздъ изрѣдка назывался Слободскимъ, а по владѣтелю—Никитинской вотчиной*; старинное же чудское или пермяцкое поселеніе на этомъ мѣстѣ именовалось *Керъдамъ*, каковое названіе и при Строгановыхъ иногда присвоивалось Орлу-городку.

всегда славились, какъ хорошіе организаторы управленія въ своихъ обширныхъ вотчинахъ.

Изъ Строгановскихъ же земель возникъ постепенно независимый по управленію округъ владѣній Пыскорскаго монастыря. Какъ замѣчено нами выше, этотъ монастырь основанъ Строгановыми въ 1558—1560 г.г. Первоначально онъ построенъ былъ подъ горою, на устьѣ рѣчки Нижней Пыскорки, въ одной версте отъ стариннаго чудскаго или пермяцкаго поселенія *Камгорта* или *Канкора*, находившагося на сосѣдней высокой горѣ *). Чрезъ 10 лѣтъ, въ 1570 г., монастырь перевели въ самый Канкоръ, а на старомъ мѣстѣ осталась только церковь Преображенія, отъ которой и самый монастырь называли *Спасо-Преображенскимъ* или просто *Спасскимъ* **). Есть извѣстіе, что еще до 1558 года, когда эти земли отданы были Григорію Аникіеву Строганову, на Пыскорѣ было уже положено первое начало обители какими-то пустынножителями-иноками, но они не имѣли храма, ни земли и жили, вѣроятно, подаяніямъ или добровольными приношеніями. Отецъ Строгановыхъ, Аникій Ѳедоровичъ, пожалованный землями отъ Іоанна IV, пожелалъ основать здѣсь настоящій монастырь, при немъ храмъ и келліи для братіи и съ этою цѣлью пожертвовалъ обители изъ дарованныхъ вотчинъ ближайшія въ Пыскору земли. Предъ смертію онъ даже самъ постригся здѣсь подъ именемъ Іоасафа, но удалился затѣмъ въ Сольвычегодскъ, на прежнее мѣсто жительства, завѣщавъ своимъ сыновьямъ не оставлять своимъ попеченіемъ основанной имъ обители ***). Яковъ, Григорій и Семенъ Ани-

*) *Канкоръ* стоялъ на Верхней Пыскоркѣ, которая отъ него иначе называлась *Канюркою*.

**) Въ XVII вѣкѣ на старомъ монастырскомъ мѣстѣ въ Пыскорѣ возлѣ церкви Преображенія вновь возникъ *Введенскій подгорный женскій монастырь*.

***) По исторіи Пыскорскаго монастыря есть прекрасное изслѣдованіе священ. *Ипполита Словцова*: «Пыскорскій Преображенскій ставропигіальный 2 класса монастырь». Пермь. 1869 г. Первоначально напечатано было въ «Пермскихъ Епархіальн.

кіевичи свято исполнили волю отца: по переведеніи монастыря съ Нижней Пыскорки въ Верхнюю, въ самый Канкоръ, они построили новый храмъ Благовѣщенія и 2 марта 1570 года дали настоятелю Пыскорскаго монастыря Варлааму *„поступное письмо“* на земли въ пользу братіи (сверхъ дарованныхъ имъ отцомъ). „А межа нашему данью, писали братья,— по Камѣ по правую сторону отъ Лысвы внизъ до нижней Пыскорской курьи, а по лѣвую сторону по Камѣ внизъ до Зырянки, а ниже Зырянки по Камѣ въ нашъ правежъ монастырю дѣла нѣтъ...... Да мы же послали въ домъ Благовѣщеніе Преображенія и Пречистыя Рождеству сто рублевъ денегъ *).

Самый городокъ Кампортъ или Канкоръ Строгановы обнесли крѣпостью, въ которой держали „пушкарей и затинщиковъ, и пищальниковъ, и воротниковъ“, какъ было и въ другихъ ихъ „городкахъ“. По словамъ древнихъ грамотъ, это дѣлалось „для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ“ (грамота 1564 г.), подъ которыми нужно разумѣть въ данномъ случаѣ ближайшихъ сосѣдей Вогуловъ и Остяковъ. Воинскіе люди въ Канкорѣ содержались, по словамъ той же грамоты 1564 г., „собою“, т. е. на собственный счетъ Строгановыхъ. Къ сожалѣнію, древняя царская грамота на построеніе укрѣпленія въ Канкорѣ, а равно и самаго монастыря—не сохранилась. *„Поступное письмо“ 1570 г. есть самый древній документъ Пыскорскаго монастыря*, почему и было напечатано уже не однажды **). *Самый же Канкоръ во всякомъ случаѣ былъ первымъ укрѣпленіемъ, построеннымъ*

Вѣдомостяхъ» 1867 г. №№ 12—15, 21, 24, 25, 27 и 28. Много свѣдѣній о монастырѣ и въ упомянутой выше книгѣ *Пѣтухова:* «Горный городъ Дедюхинъ». СПБ. 1864 г.

*) *Поступное письмо* вполнѣ напечатано въ книгѣ свящ. *Словцова* (тамъ см. стр. 6). Въ виду рѣдкости этой книги, мы перепечатываемъ его въ приложеніяхъ къ I выпуску.

**) Еще раньше свящ. *Словцова* «Поступное письмо» дважды было напечатано въ «Пермск. Губ. Вѣдом.» (1857 г. № 23 и 1865 г. № 34); которыхъ теперь также нельзя достать даже на мѣстѣ изданія, въ г. Перми.

Строгановыми въ ихъ Великопермскихъ вотчинахъ еще раньше Орла-городка, какъ это ясно видно изъ грамоты 1564 г.

Въ отношеніи судебно-административномъ Преображенскій монастырь съ его землями и людьми, подобно вотчинамъ Строгановыхъ, былъ независимъ отъ государевыхъ намѣстниковъ и воеводъ. Онъ былъ *ставропигіальнымъ*, т. е. непосредственно зависѣвшимъ отъ Московскихъ и вмѣстѣ Всероссійскихъ митрополитовъ, а съ 1589 г. патріарховъ. Эта первоначальная ставропигія продолжалась около 100 лѣтъ, до подчиненія Великопермской епархіи Вятскимъ архіереямъ въ 1658 г. (дотолѣ она подчинена была епископамъ Вологодскимъ). Но и послѣ того архимандритъ Пыскорскаго монастыря былъ какъ бы викаріемъ епископа Вятскаго: ему обыкновенно поручалось смотрѣніе за церквами Соликамска, его уѣзда и всѣхъ вотчинъ Строгановыхъ. Въ отношеніи гражданскаго управленія монастырь также обладалъ исключительными правами. Многими грамотами государей ему даровано было право безпошлинной торговли солью, которая вываривалась на его собственныхъ варницахъ, даровано право самостоятельнаго суда и расправы въ его вотчинахъ, безъ вмѣшательства воеводъ и т. д. *).

Таково было начало и управленіе Строгановскихъ и Пыскорскихъ вотчинъ въ Перми Великой. Тѣ и другія по управленію составляли какъ бы особые самостоятельные уѣзды, равносильные Пермскому—Чердынскому и Усольскому. Предѣлы монастырскихъ вотчинъ мы указали на основаніи „поступнаго письма" 1570 года. Теперь прослѣдимъ подробно границы Строгановскихъ вотчинъ по писцовой книгѣ Яхонтова съ указаніемъ главнѣйшихъ населенныхъ мѣстъ.

*) Подробнѣе объ этомъ въ книгѣ свящ. *Словцова:* «Пыскорскій монастырь», Пермь, 1869 г., стр. 39—42. У *Берха* напечатана, а *Словцовымъ* перепечатана «Тарханная грамота» Пыскорскому монастырю царя Михаила Ѳеодоровича отъ 28 августа 1627 г., подробно опредѣляющая права и привиллегіи монастыря (*Берхъ*, 165—171).

1. Слобода *Орелъ-городокъ*, подобно Камгорту или Канкору, построена была на мѣстѣ древняго чудскаго или пермяцкаго поселенія, именовавшагося *Кергеданомъ*, каковымъ именемъ въ первое время по основаніи нерѣдко и назывался Орелъ. Слобода построена была на правомъ берегу Камы, какъ разъ противъ новаго устья р. Яйвы, по грамотѣ Іоанна IV отъ 2 января 1564 г., на которую мы уже многократно ссылались. Подобно Камгорту, Кергеданъ былъ укрѣпленъ въ виду возможности нападенія безпокойныхъ сосѣдей. Въ грамотѣ 1564 г. сказано такъ: „и язъ царь и великій князь..... велѣлъ еси.....: *ниже того новою городка Канкора, что онъ* (Григорій Аникіевичъ) *поставилъ, по Камѣ жъ двадцать верстъ, на Орлѣ, на наволокѣ, у росолу, другой городокъ собою жъ поставити, стѣны саженъ по тридцать*, а съ приступную сторону для низи и къ варницамъ ближе въ глины мѣсто каменемъ закласти, *а пищальники и сторожи для береженья и на томъ другомъ городкѣ собою жъ дрьжати, а въ обѣихъ городкѣхъ велѣлъ еси ему собою жъ нарядъ скорострѣлной, пушечки и пищали затинные и ручницы сдѣлати* незаписнымъ мастеромъ, которыхъ собѣ Григорей приговоритъ изъ найму, и у собя Григорью тотъ нарядъ дрьжати“ *).

„А уѣзду къ слободѣ къ Орлу, говоритъ Яхонтовъ, отъ рѣки Камы вверхъ по рѣкѣ Яйвѣ Чердынскаго уѣзда (разумѣется Отхожій его районъ) до деревни Романовы, до Чепорскаго городища, двадцать верстъ; да отъ слободы Орла до рѣки Пыскорки до межи Спасскаго монастыря вверхъ рѣкою Камою четырнадцать верстъ; отъ слободы жъ Орла внизъ по Камѣ до Карышева острова сорокъ верстъ, а Карышева острова Никитѣ Строганову треть; да отъ рѣки Камы вверхъ рѣкою Кондасомъ и до вершинъ“ **). Въ этихъ границахъ

*) «Дополненія къ Актамъ Историческимъ», т. I, стр. 171.

**) Извлеченіе изъ грамоты 1692 г., напечатанной въ книгѣ *Устрялова:* «Именитые люди Строгановы», СПБ., 1842 г., стр. 41—42. Р. Кондасъ впадаетъ въ Каму

было только 3 деревни и 4 починка, пашенной земли 384 четей, лѣсу пашеннаго 118 десятинъ, сѣна 4180 копенъ, оброку и пошлинъ въ казну со всей этой части Яхонтовымъ положено было 97 рублей на годъ*). Самый Кергеданъ или Орелъ городокъ имѣлъ 90 дворовъ крестьянскихъ и пищальничьихъ, одну церковь и нѣсколько соляныхъ варницъ. Число дворовъ въ уѣздѣ, а равно и количество населенія въ Орлѣ съ его уѣздомъ не показано въ копіи съ книги Яхонтова, которою пользовался *Ѳ. А. Волеговъ* (см. его „Таблицы" № 2).

2. Слободка *Яйва*, ближайшая къ Кергедану и Камгорту, стояла близь устья рѣчки Усолки, впадающей въ Яйву съ лѣвой стороны (нынѣ это—*село* Яйвенское). Свѣдѣній о ея построеніи не сохранилось. „А уѣзду къ слободкѣ Яйвѣ, по указанію Яхонтова, внизъ по рѣкѣ до рѣчки Уньвы (правый притокъ Яйвы) пятьдесятъ верстъ, а отъ слободки Яйвы, усть рѣчки Усолки, вверхъ по рѣкѣ Яйвѣ и до рѣчки Вильвы и до рѣчки Чаньвы (лѣвые притоки Яйвы) семьдесятъ верстъ, и въ той межѣ по обѣ стороны рѣки Яйвы рѣчки малыя и озерка дикія и лѣсъ Семеновъ да Максимовъ" (*Устряловъ*, стр. 40). Въ округѣ Яйвенской слободки, по указанію *Ѳ. А. Волегова*, не было ни одной деревни, а только 3 починка, 399 четей пашенной земли, 112 десятинъ пашеннаго лѣсу и 3869 копенъ сѣна. Оброчныхъ денегъ въ казну Яхонтовымъ положено съ слободъ Чусовой, Сылвы и Яйвы, вмѣстѣ взятыхъ, 144 р. 68 к. Упомянутый притокъ Яйвы, *р. Чаньва*, какъ выше сказано, *служила восточнымъ предѣломъ и самой Перми Великой.*

справа, пониже Орла, противъ стараго устья Яйвы, и въ верхнемъ теченіи развѣтвляется на Сѣверный и Полуденный Кондасъ, изъ коихъ послѣдній слѣва принимаетъ въ себя еще Средній Кондасъ.

*) «Таблицы» *Ѳ. А. Волегова* № 2. Въ примѣчаніи къ нимъ замѣчено, что *подлинныя книги Яхонтова сгорѣли въ 1626 г. въ Москвѣ, въ Новгородской четверти.* Значитъ, Волеговъ пользовался позднѣйшей копіей этихъ книгъ. Судя по Чердынской книгѣ, въ соху полагалось 64 двора, и каждая соха дѣлилась на *чети*. *Копна* сѣна была мѣрою сѣнокоса, равною 240 кв. саженъ.

3) Слобода *Чусовая*, что нынѣ село Нижніе Чусовскіе Городки, на рѣкѣ того же имени, на лѣвомъ ея берегу, въ 50 верстахъ (тогдашнихъ 700-саженныхъ) отъ устья, построена по грамотѣ Іоанна Грознаго отъ 25 марта 1568 года, слѣдовательно, чрезъ 4 года по основаніи крѣпости въ Кергеданѣ или Орлѣ. „И язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичь, говоритъ грамота, велѣлъ ему (Якову Аникіевичу) на томъ пустомъ мѣстѣ, на Чюсовой рѣкѣ, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, которые мѣста за ними въ нашей прежней жаловалной грамотѣ написаны, у соленого промыслу, гдѣ они нынѣ росолъ нашли, *крѣпости поделати и городокъ поставити,* и городовой нарядъ скорострѣльной, пушечки и затинные пищали и ручные учинити, и пушкарей и пищальниковъ и кузнецовъ и плотниковъ и воротниковъ устроити и сторожей держати собою *для береженья отъ Нагайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ,* и около бы городка у соленого промыслу варницы и дворы ставити“ *). Какъ видимъ, порядокъ заведенія новой слободы былъ тотъ же, что при основаніи Канкора и Кергедана (Пыскора и Орла).

„*Въ Перми Великой,* читаемъ затѣмъ у Яхонтова, за Семеномъ да за Максимомъ Строгановыми *слобода Чусовая* на рѣкѣ на Чусовой, а въ слободѣ острогъ; а къ слободѣ Чусовой 5 деревень, 16 починковъ опричь церковнаго починка“ (*Устрялевъ,* 37). По-видимому, Чусовской округъ былъ наиболѣе населенный; за то онъ былъ и обширнѣе другихъ. „А уѣзду къ слободѣ къ Чусовой, продолжаетъ Яхонтовъ, отъ межи Никиты Строганова, отъ Орла слободы, отъ Карышева острова внизъ рѣкою Камою до усть Чусовыя рѣки 80 верстъ, а отъ усть Чусовыя рѣки внизъ по Камѣ рѣкѣ до рѣчки Ласвы двадцать верстъ; а отъ Камы рѣки Чусовою рѣкою вверхъ до усть рѣки Сылвы десять верстъ; а отъ усть рѣки Сылвы вверхъ Чусовою рѣкою до слободы Чусовыя сорокъ верстъ; а отъ слободы Чусовыя вверхъ по рѣкѣ Чу-

*) «Дополн. къ Актамъ Историч.», т. I, стр. 173.

совой до деревни до Калина лугу сорокъ верстъ, а отъ Калина лугу *вверхъ по Чусовой до Вогульскихъ улусовъ и до Утки рѣки* (верхней). И въ той межѣ по объ стороны тѣхъ рѣкъ береги пустые и островы и рѣчки, которыя пали въ рѣку Каму и въ Чусовую, *отъ устья и до вершинъ*, и озерка лѣшія съ истоки, и лѣсы дикіе Семеновы да Максимовы. А Каршшева острова Семену да Максиму двѣ трети" (*Устряловъ*, стр. 38). По таблицамъ *Волегова*, пашенной земли въ Чусовскомъ округѣ было 699 четей, пашеннаго лѣсу 225 десятинъ, сѣна 4895 копенъ. Число дворовъ и людей не показано, какъ и въ другихъ округахъ. *За правымъ притокомъ Чусовой, рѣкой Койвой, начинались уже поселенія Вогуловъ*. Верховье Чусовой отъ ея истока до упомянутой рѣки Утки составляло западный предѣлъ Верхотурскаго уѣзда, такъ называемую Чусовскую его волость *).

4) Слобода *Сылва*, что нынѣ село Троицкое, на рѣкѣ того же имени, въ 20 верстахъ отъ ея устья, по тогдашнему счисленію. Грамота о построеніи ея не сохранилась. Въ 1579 году округъ Сылвенскій заключалъ въ себѣ 3 деревни, 5 починковъ, 1 мельницу, 2847 четей пашенной земли, 222 десятины „пашенного лѣсу", 4725 копенъ сѣна. „А уѣзду къ слободѣ Сылвѣ отъ рѣки Чусовыя рѣкою Сылвою вверхъ до острогу двадцать верстъ, а отъ острогу вверхъ рѣкою же Сылвою до деревни Верхолузья десять верстъ, *а отъ деревни Верхолузья до Остяцкихъ улусовъ*. И въ той межѣ по объ стороны рѣки Сылвы береги и островы пустые и рѣчки, которыя впали въ Сылву, *и до вершинъ*, и озерка лѣшие съ истоки, и *лѣса дикіе* Семеновы да Максимовы" (*Устряловъ*, стр. 39).

„*Всего въ Перми Великой*, заключаетъ Яхонтовъ, за Семеномъ и Максимомъ *3 слободы, а къ слободамъ 8 деревенъ*,

*) Доказательство см. въ грамотѣ отъ 19 августа 1622 года изъ Москвы на Верхотурье таможнимъ воеводамъ Пушкину и Зубову въ «Актахъ Историческихъ», т. III, стр. 165—166.

24 починка, въ нихъ 113 дворовъ крестьянскихъ" (тамъ же, стр. 40). Число людей не извѣстно, пашенной земли 3945 четей, пашеннаго лѣсу 559 десятинъ, сѣна 13489 копенъ, оброку и пошлинъ въ казну 144 р. 68 к. А включая сюда часть Никиты Григорьевича, т. е. Орловскій округъ, получимъ для всѣхъ Великопермскихъ вотчинъ Строгановыхъ слѣдующія цифры: въ 1579 г. было 4 слободы, 11 деревень, 28 починковъ, 352 двора, 406 душъ муж. пола, 1 мельница, 4829 четей пашенной земли, 677 десятинъ пашеннаго лѣсу, 17669 копенъ сѣна, 241 р. 68 к. оброковъ и пошлинъ въ казну („Таблицы" *Ѳ. А. Волегова*, № 2).

Вотъ самыя точныя границы Строгановскихъ вотчинъ, какими онѣ были при составленіи *первой* писцовой книги Яхонтова. Теперь для насъ сталъ уже ясенъ южный предѣлъ Перми Великой. Онъ лежалъ тамъ, гдѣ кончалась область древняго пермяцко-зырянскаго населенія и начинались поселенія угорскихъ народовъ — Вогуловъ и Остяковъ. *Лѣвый притокъ р. Чусовой, рѣка Утка, и среднее теченіе р. Сылвы и ея притоковъ составляли южную географическую и вмѣстѣ этнографическую границу Перми Великой и Югры. Отъ Сылвы же граница шла къ сѣверо-западу*, пересѣкая среднюю Каму повыше слободы Осы Казанскаго уѣзда, *линіей къ истокамъ Камы, гдѣ сѣверный камскій плесъ*, приблизительно до нынѣшняго села, бывшаго городомъ, Кая *составлялъ такую же естественную западную границу Перми Великой*, о которой подробно мы говорили раньше. Къ западу отъ верхней Камы, имѣющей теченіе съ юга на сѣверъ, лежалъ Вятскій край, какъ особая страна, особое географическое цѣлое, съ своимъ Вотскимъ (Вотяцкимъ) населеніемъ, своимъ управленіемъ, вообще съ своимъ историческимъ прошлымъ. *Такимъ образомъ Вятка, Пермь Великая, Югра были нѣкогда три отдѣльные, рѣзко очерченные географически, этнографически и политически, края.* Не то мы должны сказать объ отношеніи Перми Великой къ Перми Вычегодской: въ силу совершенно одина-

ковано зырянско-пермяцкаго населенія*), исторія этихъ странъ сближалась тѣснѣе, и историческіе источники, естественно, не проводили между ними столь рѣзкой географической грани. Но сколько мы могли прослѣдить на пространствѣ нѣсколькихъ столѣтій, наименованіе *Пермь Великая* не прилагалось въ старину къ бассейну Вычегды, какъ утверждаетъ это и превосходный знатокъ мѣстной исторіи Вологодскаго края, г. *Лыткинъ*.

Въ подтвержденіе всего сказаннаго намъ остается еще сопоставить показанія Яхонтова по Строгановскимъ и Пыскорскимъ вотчинамъ съ таковыми же Кайсарова, какъ везде сдѣлано это нами раньше, и затѣмъ положить предѣлъ нашему изслѣдованію во избѣжаніе дальнѣйшихъ повтореній. Позднѣйшія переписныя книги въ вопросѣ о границахъ Перми Великой въ сущности повторяютъ сказанное первыми двумя писцами, а новыя свѣдѣнія сообщаютъ преимущественно въ отношеніи количества пахотной и сѣнокосной земли и людей, что въ настоящемъ изслѣдованіи имѣетъ для насъ второстепенное значеніе.

Къ счастію, писцовая книга Кайсарова 162¾ г.г. по обширнымъ вотчинамъ Строгановыхъ открыта нами въ частныхъ рукахъ въ Соликамскѣ въ прекрасной рукописи, вмѣстѣ съ копіей переписныхъ книгъ по тѣмъ же вотчинамъ воеводы Прокопія Кузмича Елизарова 1647 г. Обѣ рукописи относятся къ 1850 годамъ, но скопированы съ древнихъ книгъ весьма тщательно, подъ личнымъ наблюденіемъ извѣстнаго знатока исторіи Строгановыхъ, *Ѳ. А. Волегова*. Тѣ и другія книги мы напечатаемъ въ подлинникѣ въ приложеніяхъ къ слѣдующимъ выпускамъ „Пермской Старины", если суждено будетъ мнѣ продолжать это изданіе.

---

*) Пермяки и Зыряне—одинъ народъ, Вотяки—другой, близко родственный имъ, народъ.

Вотчины Пыскорскаго монастыря въ 1623—1624 г.г. оставались въ тѣхъ же границахъ, какія были въ 1579 г., почему Кайсаровъ, говоря о нихъ, прямо ссылается на Яхонтова. „А межа того Спаского Пыскорскаго монастыря вотчинѣ, пишетъ онъ, города Камского Усолья со крестьяны по сошной съ книгъ Ивана Яхонтова да подъячаго Третьяка Карпова 87 году отъ рѣки отъ Камы рѣчкою Лысвою вверхъ до Лысвинскихъ росохъ*), направѣ пожни и лѣсъ Камского Усолья крестьянъ, а по лѣвую сторону рѣчки Лысвы до росохъ (идя вверхъ, слѣдоват. по *правую* сторону Лысвы) пожни и лѣсъ монастырской; а отъ рѣчки Лысвы внизъ по рѣкѣ по Камѣ, по правую сторону до рѣчки до Нижніе Пыскорки берегъ и пожни и лѣсъ монастырской же; а по лѣвую сторону Камы рѣки межа Спаского монастыря съ Усольскими крестьяны отъ вержнева конца Чашкина озера, *отъ Чудского селища,* прорывомъ къ Камѣ рѣкѣ, по конецъ Березового острова, нижняго конца до Зоквина островка; на правой сторонѣ пожни и лѣсъ Камского Усолья крестьянъ, а по лѣвой сторонѣ внизъ по Камѣ, *до устья рѣчки Зырянки,* озеро Чашкино и пожни, и лѣсъ, и всякія угодья монастырскіе; а отъ устья рѣчки Зырянки вверхъ по обѣ стороны рѣчки Зырянки до трехъ гранныхъ елей пожни монастырскіе“ **).

Монастырь Преображенскій стоялъ на землѣ Строгановыхъ, которую оберегать отъ нападеній сосѣднихъ инородцевъ они обязаны были и послѣ дарованія означенныхъ вотчинъ монастырю въ 1570 году. Этимъ объясняется, почему въ писцовыя книги Строгановскихъ вотчинъ Кайсаровъ внесъ и полное описаніе какъ монастыря, такъ и всѣхъ его владѣній „даныя“ Аники Строганова и его сыновей. Не смотря на отдѣльное управленіе, существовавшее, какъ мы видѣли,

*) *Росохами* называлось мѣсто соединенія притока съ своею рѣкою. Слово это въ тѣхъ мѣстахъ употребляется и сейчасъ.

**) Рукописная Строгановская писцовая книга Кайсарова, открытая мною въ Соликамскѣ, стр. 230—231. То же самое слово въ слово повторяется и въ Усольской книгѣ Кайсарова. См. оттискъ ея 1872 г., стр. 59.

въ монастырскихъ вотчинахъ, Кайсаровъ относитъ послѣднiй къ Орловскому уѣзду, по ихъ географическому положенiю. „Да ниже Перми въ Великiи (т. е. Чердыни) *въ Орловскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ на Камѣ, на устьѣ рѣчки Пыскорки, на Строгановыхъ землѣ монастырь Спасской*, а въ немъ храмъ Преображенiя"....*). Безъ сомнѣнiя, монастырь имѣлъ свои *особыя* писцовыя книги Кайсарова, до насъ не дошедшiя, но содержанiе ихъ настолько подробно повторяется въ Строгановской книгѣ того же писца, теперь найденной, что мы въ сущности потеряли очень немного.

Кромѣ деревянной церкви Преображенiя Кайсаровъ описываетъ въ монастырѣ еще другой деревянный теплый храмъ Благовѣщенiя и храмъ Iоанна Богослова подъ колокольнею; упоминаетъ 18 келлiй, въ нихъ 50 человѣкъ братiи; затѣмъ указываетъ дѣвичiй монастырь на Пыскорѣ съ церковью Зосимы и Савватiя Соловецкихъ, 9 келлiями и 4 дворами церковными. „*А монастыри*, прибавляетъ Кайсаровъ, *и въ монастыряхъ всякое церковное строенье Строгановыхъ*"**). Въ Строгановской писцовой книгѣ Яхонтова, судя по „Таблицамъ" Вологова, о монастырѣ не было сдѣлано повторенiя, конечно, потому, что монастырь имѣлъ уже *особыя* писцовыя книги. Книги Кайсарова вообще гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе.

Около монастыря, на берегу Камы Кайсаровъ указываетъ *монастырскую слободку* (Пыскоръ—нынѣ село); а въ ней 1 дворъ монастырскiй, да дворъ „монастырскихъ служекъ", да дворъ дьячковъ, да 20 дворовъ безпашенныхъ крестьянъ, да дворъ бобыльскiй, а людей въ нихъ столько же, да дворъ пустой, да три мѣста дворовыхъ. (Рукопись, стр. 222). Къ этой монастырской слободкѣ Пыскоръ Кайсаровъ относитъ деревню (что былъ починокъ) Новинку, 10 починковъ: Лысву на устьѣ рѣки того же имени, Верхокамцовъ на

*) Рукопись Строган. книги Кайсарова, стр. 214.

**) Рукопись, стр. 220.

Камѣ, Микулинъ на той же рѣкѣ и другіе; одну „пустошь", что былъ починокъ Верхній на р. Камѣ; островъ Побоищный на усть рѣчки Зырянки съ одной монастырской варницей, да варницу на рѣчкѣ Пыскоркѣ и мельницу на рѣчкѣ Лысвѣ—а всего въ деревнѣ и починкахъ 35 дворовъ пашенныхъ и непашенныхъ крестьянъ, а людей въ нихъ 47 человѣкъ муж. пола, да 3 двора пустыхъ. *„А землю подъ монастырь и подъ слободку и починки,* и усольскій дворъ, и пашню, и варницу, и мельницы, *и озеро Чашкино дали въ монастырь Яковъ да Григорей да Семенъ Аникіевы дѣти Строгановы",* заключаетъ Михаилъ Кайсаровъ. Помимо того онъ указываетъ „въ Кайгородскомъ уѣздѣ въ погостѣ Волосницкомъ дворъ монастырской купленой, да два анбара—одинъ хлѣбной, другой соляной" и многія пожни въ разныхъ мѣстахъ, завѣщанныя монастырю и купленныя имъ у разныхъ лицъ.

Такимъ образомъ ясно, что Кайсаровъ не дѣлаетъ рѣзкаго различія между вотчинами монастыря и Строгановыхъ, хотя въ дѣйствительности тѣ и другія имѣли свое особенное управленіе. Монастырь, конечно, былъ подчиненъ Строгановымъ, какъ своимъ основателямъ и щедрымъ жертвователямъ, нравственно, но не юридически. Въ послѣднемъ отношеніи онъ съ своими вотчинами составлялъ отдѣльный округъ, какъ показываютъ многочисленныя грамоты Пыскорскаго монастыря XVI и XVII вѣковъ*). Да и нравственная подчиненность соблюдалась не всегда.

Строгановскія вотчины въ теченіе 44 лѣтъ, протекшихъ со времени Яхонтова до Кайсарова, увеличились, какъ мы знаемъ, присоединеніемъ вновь пожалованныхъ земель по р. Камѣ: сначала отъ р. Ласвы до Ошана на 55 верстъ и

---

*) Собраніе ихъ въ большой рукописной книгѣ, принадлежавшей прежде архиву Дедюхинскаго соляного правленія, найдено мною въ архивѣ Пермской казенной палаты въ 1885 году.

потомъ внизъ отъ р. Ошапа еще на 35 верстъ до р. Тулвы, что повыше Осы, а всего по теченію Камы на 90 верстъ, со включеніемъ всѣхъ рѣкъ, впадающихъ на этомъ протяженіи въ Каму. Всѣ вотчины Строгановыхъ при Кайсаровѣ по управленію раздѣлялись на три части: одна принадлежала Андрею и Петру Семеновичамъ, другая Ивану и Максиму Максимовичамъ, третья составляла общее владѣніе всѣхъ четырехъ Строгановыхъ. Число поселеній, дворовъ и людей за 44 года во всѣхъ владѣніяхъ Строгановыхъ значительно увеличилось, а именно: слободъ у Кайсарова показано 9, деревень 72, починковъ 60, дворовъ всѣхъ разрядовъ 1032 и людей 1485 чел. муж. пола, въ томъ числѣ 74 человѣка монашествующихъ (при Яхонтовѣ было 4 слободы, 11 деревень и 28 починковъ). Впрочемъ въ это число включенъ Кайсаровымъ и Пыскорскій монастырь. Кромѣ монастырской Пыскорской слободки, уже нигдѣ не называемой въ XVII вѣкѣ Канкоромъ или Камгортомъ, Орла—городка, также не именуемаго болѣе Кергеданомъ, Нижняго Чусовскаго городка, Сылвенскаго и Яйвенскаго острожковъ,—въ теченіе этихъ 44 лѣтъ вновь возникли на земляхъ Строгановыхъ: Чусовской Верхній городокъ, Успенскій монастырь со слободкой на правомъ берегу Чусовой, какъ разъ напротивъ Нижняго Чусовскаго городка, далѣе слободка Новое Усолье въ Орловскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Камы, 10 верстами ниже Пыскорской слободки, и Очерскій острожекъ на новопожалованныхъ послѣ Яхонтова земляхъ, нынѣ село въ Оханскомъ уѣздѣ. Приведемъ историческія свѣдѣнія о началѣ этихъ четырехъ новыхъ поселеній въ Перми Великой.

Начало Успенскому монастырю на р. Чусовой положено было извѣстнымъ Пермскимъ и Вятскимъ подвижникомъ-миссіонеромъ, преподобнымъ Трифономъ (жилъ 1543—1613 г.г.) еще во второй половинѣ XVI вѣка, а именно около 1571 года, когда св. Трифонъ прибылъ на р. Чусовую, гдѣ, по сказанію житія, онъ провелъ 9 лѣтъ—съ 1571 до 1580

г., явившись сюда изъ Орла-городка*). Мы видѣли, что на Пыскорѣ начало монашескому житію было положено еще до основанія Строгановыми монастыря въ 1558—60 г.г. То же было и на Чусовой. По уходѣ отсюда препод. Трифона въ 1560 г., въ построенной имъ кельѣ, къ которой присоединилось потомъ нѣсколько новыхъ, постоянно жили впослѣдствіи какіе-то старцы-отшельники, хотя оффиціально монастырь еще не существовалъ. Въ книгѣ Кайсарова сказано, что монастырь Успенія на Чусовой былъ *„строеніе Ивана да Максима Строгановыхъ“*. (Рукопись, стр. 140), которые были современниками Кайсарова. Успенскій храмъ былъ деревянный, имѣлъ по сосѣдству 5 келій и въ нихъ 23 старца, да 4 кельи для „черныхъ старицъ“. За монастыремъ былъ скотный дворъ и деревня на р. Чусовой съ 5 дворами, да деревня Мысъ на Чусовой же съ 2 дворами; сверхъ того за нимъ же состоялъ во владѣніи отхожій починокъ Оглово на Косьвинскомъ ручью. А всего монастырь имѣлъ: 1 слободку, 2 деревни, 1 починокъ, въ нихъ 8 дворовъ крестьянскихъ и 9 человѣкъ муж. пола.

Въ 1606 году положено было начало Новому Усолью на Камѣ, что нынѣ извѣстное солеварнями промысловое село въ Соликамскомъ уѣздѣ**). Мы уже упомянули, что Новоусольская слободка приписана у Кайсарова къ Орловскому уѣзду и не составляла особаго центра вотчиннаго управленія. Впослѣдствіи Новое Усолье имѣло нѣсколько десятковъ варницъ и сдѣлалось главнымъ средоточіемъ солеваренія во всемъ Соликамскомъ краѣ, затмивъ собою постепенно и самый Орелъ-городокъ, давшій ему начало***).

---

*) «Житіе преподобнаго отца нашего Трифона, Вятскаго чудотворца», издано подъ редакціей *П. Д. Шестакова*, оттискъ изъ «Православнаго Собесѣдника». Казань. 1868 г., стр. 5.

**) «Усольская лѣтопись Ѳ. А. Волегова», изданіе *А. А. Дмитріева*. Пермь. 1882 года.

***) Чрезъ 4 года по основаніи Новаго Усолья, т. е. въ 1610 году, на лѣвомъ берегу Камы, наискосокъ Новаго Усолья, было положено начало солеваренію на рч. Ленвѣ выходцемъ изъ Балахны Соколовымъ. (Усольская лѣтопись).

Чрезъ 10 лѣтъ по возникновеніи Новоусольской слободки, т. е. въ 1616 г. былъ открытъ соляной промыселъ въ Верхнемъ Чусовскомъ городкѣ на правомъ берегу Чусовой, верстахъ въ 3-хъ отъ Нижняго (Усольская лѣтопись). Съ его основаніемъ, прежній Чусовской округъ раздѣленъ былъ на два: *Верхне-Чусовской*, на правомъ берегу Камы и правомъ же Чусовой и *Нижне-Чусовской* на лѣвомъ берегу Камы и лѣвомъ Чусовой. Подробнѣе объ этомъ раздѣленіи мы скажемъ послѣ, а теперь замѣтимъ, что къ Нижне-Чусовскому округу была отнесена и пожалованная Строгановымъ по грамотѣ отъ 15 сентября 1615 г. земля по Камѣ отъ р. Ошапа до р. Тулвы, что повыше Осы, длиною 35 верстъ.

Что касается вновь возникшаго Очерскаго острожка, то начало его нужно отнести ко времени дарованія Строгановымъ земель внизъ отъ р. Ласвы, т. е. къ 1597 году. *Здѣсь возникъ особый Очерскій округъ управленія вотчинами, считавшійся при Кайсаровѣ въ общемъ владѣніи всѣхъ Строгановыхъ*. Новый округъ составился изъ земель, пожалованныхъ Строгановымъ по грамотѣ отъ 7 апрѣля 1597 года. „А по государевѣ царевѣ и великого князя жалованной грамотѣ, пищетъ Кайсаровъ, и по выписи съ книгъ Девятого Змѣева да подьячего Василья Михайлова въ Очерскому городку уѣзду: отъ рѣчки Ласвы по рѣкѣ по Камѣ внизъ по правой сторонѣ до рѣчки до Ошапу 55 верстъ, и въ той межѣ въ рѣку въ Каму по обѣ стороны впали рѣчки Сюзьва, да Нытва, да Югъ, да Очеръ, да Ошапъ; и по Камѣ рѣкѣ отъ рѣчки Ласвы внизъ до Ошапу по обѣ стороны и иные малые рѣчки дикіе, которые впали въ Ласву, и въ Сюзьву, и въ Югъ, и въ Очеръ, и въ Ошапъ по обѣ стороны отъ устей и до вершинъ, береги и лѣса дикіе, *и сенища чудскія*, и заросли, и озерка, и истоки, и островки, и наволочки дикіе, которые лежатъ впорозже впустѣ—всѣ къ Очерскому острожку“ *). Всего въ новомъ Очерскомъ округѣ Кайсаровъ

*) Рукопись, стр. 205—206.

указываетъ: 9 деревень, 1 починокъ, 7 пустошей (т. е. пустыхъ дворовъ), въ нихъ 32 двора крестьянскихъ, 4 бобыльскихъ, людей 53 чел. муж. пола, да въ семи пустошахъ 40 дворовъ пустыхъ и 5 мѣстъ дворовыхъ. Въ самомъ же Очерѣ Кайсаровъ указываетъ „городокъ деревянной рубленой, у него двои ворота, да двѣ башни глухихъ, а межъ воротъ и башенъ городень и стоячево острогу по мѣрѣ 129 саженъ, а въ городкѣ храмъ древянъ клѣтски во имя Срѣтенія“ *). Сверхъ того въ Очерѣ былъ дворъ вотчинниковъ, т. е. господскій, 18 дворовъ крестьянскихъ, 10 дворовъ бобыльскихъ, людей въ нихъ 37 человѣкъ муж. пола.

Укажемъ подробно границы прочихъ Строгановскихъ округовъ,—Орловскаго, двухъ Чусовскихъ, Сылвенскаго и Яйвенскаго при Кайсаровѣ, раздѣливъ всѣ вообще вотчины на три части, согласно съ его писцовою книгою.

I. Въ части Андрея и Петра Семеновичей Строгановыхъ состояли Чусовской Нижній городокъ и Сылвенскій острожекъ съ ихъ округами.

Нижнечусовской округъ, какъ сказано выше, образовался изъ половины прежняго обширнаго Чусовскаго „уѣзда“ вслѣдствіе основанія на р. Чусовой Верхняго городка, къ которому отошла другая половина „уѣзда“. У Кайсарова сказано: „Къ Чусовскому (Нижнему) городку уѣзду рѣкою Камою отъ усть рѣки Чусовые внизъ по лѣвой сторонѣ да Ласвинскаго бору, да рѣкою Чусовою отъ устья вверхъ по правую сторону Чусовые (ѣдучи вверхъ, слѣдовательно, по *лѣвую* сторону Чусовой) **) до рѣки до Утки, и съ малыми рѣчками, и съ озеры, и съ истоки, которые въ той межѣ впали въ рѣку въ Каму и въ Чусовую, съ пашнями, и съ пожнями, и съ лѣсами, и съ рыбными и съ звѣриными ловлями и со

*) Рукопись, стр. 188. Сравнить «Таблицу» *Волегова* № 3.

**) Рукопись, стр. 39. У Камы Кайсаровъ считаетъ берега по теченію, а у Чусовой—*противъ теченія,* чѣмъ не мало запутываетъ дѣло.

всякими угодьи“. Сверхъ того къ Нижнечусовскому округу отнесены были вновь пожалованныя въ 1615 году земли отъ р. Ошапа внизъ по обѣ стороны Камы рѣки до рѣки Тулвы, что повыше Осинской или Никольской слободы, на протяженіи 35 верстъ. Эти земли во время Кайсарова въ 162³/₄ г.г. считались въ Казанскомъ уѣздѣ. Сюда относилась поэтому и пустошь Послѣловская на р. Тулвѣ, и кромѣ того нѣкоторыя пожни въ Усольскомъ уѣздѣ*). Вся площадь нынѣшняго губернскаго города Перми и ближнія села Верхніе и Нижніе Муллы при Кайсаровѣ входили, слѣдовательно, въ составъ Нижнечусовскаго округа.

Центръ окружнаго управленія, Нижній Чусовской городокъ, имѣлъ въ 162³/₄ г.г. крѣпость, Богоявленскую церковь съ двумя придѣлами, храмъ Петра, Алексія и Іоны подъ колокольнею, 30 дворовъ посадскихъ и въ нихъ 45 челов. муж. пола. Въ округѣ состояло: два сельца Камасино и Никольское—первое на Чусовой съ церковью Рождество Богородицкой, другое—съ церковью св. Николая Чудотворца—на рѣчкѣ Муловкѣ, что нынѣ село Верхніе Муллы близъ Перми; затѣмъ 10 деревень, 17 починковъ и 2 пустоши, въ нихъ 13 дворовъ церковныхъ, 6 господскихъ или „вотчинниковыхъ“, 128 крестьянскихъ, 4 пищальничьихъ, 10 бобыльскихъ, 22 пустыхъ, людей 235 чел. муж. пола, а всего съ Нижнимъ городкомъ 200 дворовъ и 280 чел. муж. пола**).

Къ части Андрея и Петра Семеновичей Строгановыхъ относился и Сылвенскій острожекъ и округъ. Въ острожкѣ было укрѣпленіе, Троицкая церковь, отъ которой донынѣ это село называется Троицкимъ (недалеко отъ губерн. города), 2 двора господскихъ, 13 дворовъ крестьянскихъ, 3 пищальниковыхъ, 11 бобыльскихъ, людей 36 чел. м. п. Въ округѣ было: 10 деревень, 4 починка, 2 пустоши, 1 дворъ господскій, 40 дворовъ крестьянскихъ, 20—пищальн. и бобыль-

*) Рукопись, стр. 42—46.

**) Рукопись, стр. 87 и слѣд. Сравнить «Таблицу» *Волегова* № 3.

сцихъ, людей 96 челов. м. пола, а вмѣстѣ съ острожкомъ 132 человѣка. („Таблица“ Волегова № 3 и Рукопись, стр. 50, 61 и др.). При обозначеніи южной границы Сылвенскаго округа Кайсаровъ приводитъ новыя подробности, вслѣдствіе прежней неопредѣленности этой границы, допущенной у Яхонтова. У послѣдняго сказано, что отъ устья Сылвы до острожку 20 верстъ, а отъ острожка вверхъ рѣкою Сылвою до деревни Верхолузья, а отъ послѣдней до Остяцкихъ улусовъ. Но сколько тутъ верстъ—у Яхонтова опредѣленно не сказано. Дополняя это мѣсто, Кайсаровъ замѣчаетъ точно: „И всего отъ Сылвенскаго острожку до того Остяцково до Рожина улусу Сылвою рѣкою вверхъ 45 верстъ, а опричь того Остяцкого Рожина улусу къ Строгановыхъ вотчинѣ къ Сылвенскому острожку съ деревнями вверхъ рѣкою Сылвою иныхъ Остяцкихъ улусовъ по Сылвѣ рѣкѣ ближе нѣтъ“. (Рукопись, 66—67). Здѣсь необходимо замѣтить, что тотъ же Михаилъ Кайсаровъ, въ 1623—24 г.г. составилъ „Кунгурскія писцовыя книги Татаръ и Остяковъ“ и слѣдовательно ближайшимъ образомъ былъ знакомъ съ каждымъ улусомъ*).

2. Въ части Ивана и Максима Максимовичей Строгановыхъ состояли Чусовской Верхній городокъ, Успенскій монастырь на Чусовой и Яйвенскій острожекъ, съ соотвѣтствующими округами.

Какъ уже сказано, Верхній Чусовской городокъ возникъ въ 1616 году на правомъ берегу Чусовой, и къ нему отнесена была по управленію половина прежняго обширнаго Чусовскаго округа, подъ названіемъ Верхнечусовскаго „уѣзда“. При Кайсаровѣ въ городкѣ было небольшое деревянное укрѣпленіе, церковь Николая Чудотворца и другая Іакова Алфѣева подъ колокольней (какъ въ Нижнемъ городкѣ), господскій дворъ, 25 дворовъ посадскихъ и 44 чел. муж. п.,

*) «Кунгурскія писцовыя книги Татаръ и Остяковъ Мих. Кайсарова» напечатаны г. *Шишонко* въ одномъ общемъ оттискѣ съ извѣстною уже намъ Усольской писцовой книгой. (Пермь. 1872 г., стр. 119—150), а предварительно были напечатаны въ Пермск. Губ. Вѣд. 1872 г. №№ 85—97. Кромѣ того см. въ «Пермск. Лѣтоп.», т. II.

да бобыльскихъ 16 дворовъ и въ нихъ 18 чел. м. п. Въ округѣ Верхняго городка было: 31 деревня, 12 починковъ, 11 пустошей (запустѣвшихъ селеній), дворовъ крестьянскихъ вмѣстѣ съ городкомъ 236 и людей во всемъ округѣ 570 челов. муж. пола. Къ этому округу относился и Успенскій монастырь на Чусовой, о которомъ сказано выше.

Границы Верхнечусовскаго округа Кайсаровъ показываетъ такъ: „Отъ Микитинскіе (бывшей) вотчины Строганова, отъ Орлова городка, отъ межи Карышева острова, рѣкою Камою внизъ по обѣ стороны до устья рѣки Чусовые 80 верстъ; а отъ устья Чусовского внизъ по рѣкѣ жъ по Камѣ по одной по правой сторонѣ до рѣчки до Ласвы и до Ласвинского бору 20 верстъ; а по рѣкѣ по Чусовой вверхъ отъ устья по одной по лѣвой по Усолежной сторонѣ до рѣки до Сылвы 10 верстъ (слѣдоват. по теченію на *правой* сторонѣ Чусовой, гдѣ приповъ ея рѣчка Усолка); а отъ усть рѣки Сылвы Чусовою же рѣкою вверхъ по одной по лѣвой же сторонѣ (по теченію же на *правой*) до ихъ Иванова и Максимова Чусовского до Верхнева городка, что на усть рѣчки Усолки, 40 верстъ; а отъ городка рѣкою Чусовою вверхъ по лѣвой же сторонѣ (въ дѣйствительности по *правой*) 40 верстъ до деревни до Калина Лугу, а отъ Калина Лугу по Чусовой вверхъ по лѣвой же сторонѣ (т. е. по *правой*) *до Вогульскихъ улусовъ и до рѣки до Утки да Верхней. Да въ рѣку жъ въ Каму впали въ той же ихъ межѣ рѣка Обва, да рѣка Косва, да рѣка Иньва, и по тѣмъ рѣкамъ по обѣ стороны отъ устей и до вершинъ, и въ той межѣ берега пустые и острова и рѣчки малые, которые впали въ Каму жъ и въ Чусовую, и въ Обву, и въ Косву, и въ Иньву отъ устей же и до вершины,* и озерка, лѣпіе съ истоки и лѣса дикіе съ рыбными и звѣриными ловлями и со всякими угодьи *ихъ Ивановы да Максимовы*; а Карышева острова Ивану да Максиму Строгановымъ двѣ трети“ *).

*) Рукопись, стр. 124—125.

Такимъ образомъ Верхнечусовской округъ Строгановыхъ былъ самый обширный, такъ какъ имѣлъ естественными границами на сѣверѣ Иньву и Косьву, на югѣ—Чусовую и Каму. Нельзя не обратить здѣсь особеннаго вниманія на то, что Иньва, Обва и Косьва во время Кайсарова уже принадлежали Строгановымъ *отъ устьевъ и до вершинъ*, тогда какъ Яхонтовъ этой оговорки еще не дѣлаетъ. Тогда—въ 1579 г.—среднее и верхнее теченія этихъ рѣкъ еще считались Отхожимъ райономъ Чердынскаго уѣзда. Слѣдовательно, Строгановы постепенно присвоили ихъ себѣ въ періодѣ времени между 1579—1623 г.г. О способахъ этого *присвоенія* уже была рѣчь выше.

Къ части Ивана и Максима Строгановыхъ принадлежалъ еще Яйвенскій острожекъ съ его округомъ. Въ острожкѣ Кайсаровъ указываетъ укрѣпленіе, двѣ церкви—Троицкую и Николая Чудотворца, двѣ варницы „въ стѣнѣ", господскій дворъ, варницу и мельницу внѣ острожка на р. Усолкѣ, 10 дворовъ крестьянскихъ, въ нихъ 14 челов. м. п., да 5 дворовъ бобыльскихъ, въ коихъ 9 челов.—и въ округѣ Яйвенскомъ: 4 деревни, 9 починковъ и 68 чел. м. пола, включая жителей острожка. Границы Яйвенскаго округа показаны Кайсаровымъ прежнія: отъ устья Усолки внизъ по Яйвѣ на 50 и вверхъ—на 70 верстъ. Только названіе р. Чаньвы, какъ крайняго сѣверо-восточнаго предѣла вотчинъ Строгановыхъ и самой Перми Великой, у Кайсарова почему-то пропущено. Такимъ предѣломъ у него показана рѣка Вильва, до которой отъ устья Усолки 70 верстъ не насчитывается. Я склоненъ думать, что тутъ допущенъ, по винѣ переписчика, пропускъ словъ, имѣющихся въ книгѣ Яхонтова: „и до рѣчки Чаньвы". Обратимъ при этомъ вниманіе, что деревня Булатово на Усолкѣ, составлявшая при Яхонтовѣ безспорную принадлежность Чердынскихъ крестьянъ Отхожаго района, у Кайсарова называется уже *спорною*. Значитъ, Строгановы, со всѣхъ сторонъ окружившіе деревню своими вотчинами,

именно въ это время начали налагать свою тяжелую руку на Булатово. Еще одно доказательство, какъ распространяли Строгановы свое владычество на *чужія* земли!

Такова была по своимъ размѣрамъ часть Ивана и Максима Строгановыхъ. Въ ней заключалось такимъ образомъ 2 слободы—Верхній Чусовской городокъ и Яйвенскій острожекъ, одинъ монастырь Успенскій, 35 деревень, 21 починокъ *„опричь спорныхъ починковъ“* *), *т. е. чужихъ Чердынскихъ либо Усольскихъ,* да займище, да 14 пустошей—запустѣлыхъ селеній, 311 дворовъ посадскихъ и крестьянскихъ, не считая другихъ разрядовъ, и 638 чел. м. п. Какой значительный прирость населенія со времени Яхонтова!

3) Въ общемъ владѣніи всѣхъ Строгановыхъ состояли: Орелъ-городокъ, Очерскій острожекъ и Новое Усолье.

Сюда относился по положенію и значенію для фамиліи Строгановыхъ и Пыскорскій монастырь. Объ отношеніи вотчинъ монастырскихъ къ Строгановскимъ уже была рѣчь, равно какъ и о вновь возникшемъ Очерскомъ острожкѣ и округѣ. Теперь остается сказать объ Орловскомъ „уѣздѣ“ при Кайсаровѣ, т. е. бывшей Никитинской вотчинѣ временъ Яхонтова, которая иногда и при Кайсаровѣ именовалась по старому владѣльцу.

Изъ всѣхъ документовъ по исторіи Строгановыхъ нельзя не видѣть, что Орелъ съ его „уѣздомъ“ всегда считался *главной* родовой вотчиной Строгановыхъ, главнымъ городомъ въ этомъ маленькомъ государствѣ, именитые владѣтели котораго нѣкоторое время имѣли здѣсь свою резиденцію. Поэтому, вѣроятно, къ уѣзду Орловскому отнесенъ былъ и Пыскорскій монастырь—это родовое, фамильное богомолье Строгановыхъ, къ которому они относились съ глубокимъ почитаніемъ, предоставивъ ему полную автономію въ отношеніи вотчиннаго управленія. Понятно отсюда, почему Орелъ больше всѣхъ другихъ слободъ походилъ на городъ, былъ украшенъ столь-

*) Подлинныя слова рукописи, стр. 137.

кими храмами, какъ ниодна Строгановская слобода. Кромѣ внутренняго укрѣпленія, возникшаго еще при Іоаннѣ Грозномъ, Кайсаровъ указываетъ въ Орлѣ слѣдующія церкви: въ городкѣ Воздвиженія, Похвалы Богородицы и Троицы подъ колокольнею и на посадѣ церковь Успенія съ придѣлами Николая Чудотворца и мученика Никиты, соименнаго бывшему владѣтелю Орла. Всѣ церкви, по тогдашнему обыкновенію, были „древяны клѣцки“, нѣкоторыя имѣли „верхъ шатромъ“, согласно съ господствовавшимъ въ тогдашней Руси архитектурнымъ стилемъ. Церкви Похвалы и Успенія были особенно богато украшены. Самый „городъ“ тоже былъ „древянъ рубленъ“, имѣлъ трои ворота, двѣ башни и заключалъ внутри себя, кромѣ помянутыхъ церквей, дворъ вотчинниковъ—нѣчто вродѣ владѣтельнаго дворца въ миніатюрѣ, а на посадѣ имѣлъ 8 дворовъ церковныхъ, 5 дворовъ „молодшихъ людей“ въ числѣ 18 человѣкъ, да 25 дворовъ „самыхъ молодшихъ людей“ числомъ 64 человѣка, да 24 двора бобыльскихъ и въ нихъ 38 чел. м. пола.

Въ уѣздѣ Орловскомъ при Кайсаровѣ было: одна слобода Новоусольская, монастырь Пыскорскій, 5 деревень, 6 починковъ, 3 пустоши, въ нихъ 2 господскихъ двора, 21 дворъ пашенныхъ крестьянъ, 2 двора бобыльскихъ, 3 пустыхъ, людей 61 человѣкъ м. п.; а съ слободкой и самымъ городкомъ 180 человѣкъ *). Внѣшнія границы Орловскаго округа нисколько не измѣнились со времени Яхонтова. Кайсаровъ упоминаетъ вновь только одно „отхожее“ владѣніе Орла-городка „въ Кайгородскомъ уѣздѣ противъ Волостницкаго погоста у судовые пристани на Исадѣхъ, порозжее мѣсто подъ анбары, въ длину 15 саженъ, а поперегъ 10 саженъ“. Самаго амбара, вѣроятно, для склада соли при Кайсаровѣ однако не существовало. (Рукопись, стр. 209—210).

*) Не можемъ не пожалѣть, что въ нашей рукописи книгъ Кайсарова вырваны два листка, въ которыхъ заключалось описаніе Новаго Усолья. Это единственный впрочемъ пробѣлъ во всемъ спискѣ Строгановскихъ книгъ Кайсарова.

Свидѣтельства грамотъ XVI—XVII вѣковъ о границахъ Перми Великой.

Мы окончили обозрѣніе границъ Строгановскихъ вотчинъ въ XVI вѣкѣ и началѣ XVII, а съ тѣмъ вмѣстѣ и всѣхъ внѣшнихъ границъ Перми Великой за то же время. Лучшихъ источниковъ, нежели тогдашнія писцовыя книги, мы не можемъ уже имѣть. Послѣ древне-русскихъ сказаній, каково Епифаніево, лѣтописей и писцовыхъ книгъ, намъ остается ненадолго остановить вниманіе на *мѣстныхъ* царскихъ и другихъ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ и тому подобныхъ документахъ, древнѣйшіе изъ которыхъ не восходятъ далѣе XVI вѣка. Въ сравненіи съ писцовыми книгами, въ вопросѣ о границахъ древней Перми Великой эти источники имѣютъ уже меньшее значеніе, но игнорировать ихъ мы не должны.

Всѣ такіе документы служатъ только новымъ подтвержденіемъ того, что сказано нами о границахъ Перми Великой на основаніи важнѣйшихъ источниковъ — писцовыхъ книгъ. Древнѣйшими *мѣстными* памятниками этого рода служатъ два посланія Всероссійскаго митрополита Симона (1496—1511 г.г.) въ Пермь, помѣченныя 22 августа 7009 (1501) года*). Одно изъ нихъ обращено къ духовенству, другое къ мирянамъ Пермской паствы. Первое посланіе начинается словами: „Благословеніе Симона, Митрополита всея Руси, въ отчину Великого Государя Царя Руского**) Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси Самодръжца, *въ Великую Пермь и во вся Пермьскія области* игуменомъ, и попомъ, и діякономъ“. Второе посланіе митрополита адресовано *„въ Великую Пермь, сыну моему Великого Князя слугѣ, князю*

*) Напечатаны вмѣстѣ въ Актахъ Историческихъ, т. I, стр. 166—169.

**) Самъ Іоаннъ III не именовался еще *царемъ*, а митрополитъ присвоиваетъ ему этотъ титулъ почти за полстолѣтія до формальнаго принятія царскаго титула въ 1547 году.

Матвею Михаиловичю Пермьскому, да и всъмъ Пермичемъ, большимъ людемъ и меньшимъ, мужемъ и женамъ, юношамъ и младенцемъ, всѣмъ православнымъ христіяномъ, *новопросвъщеннымъ Господнимъ людемъ всея области Пермьскія земли*".

Упоминаніе Пермскаго князя Матвѣя Михайловича даетъ ключъ къ объясненію того, куда именно писано было посланіе митрополита. Отецъ Матвѣя, Пермскій князь Михаилъ, жилъ въ Чердыни, Пермь Великая тожь, о чемъ подробнѣе скажемъ въ слѣдующей главѣ. Сынъ его Матвѣй Михайловичъ послѣ покоренія Перми Великой въ 1472 г. жилъ въ качествѣ Московскаго присяжника въ сосѣднемъ городкѣ Покчѣ до 1505 года, когда „сведенъ былъ съ Великой Перми" и замѣненъ *первымъ русскимъ* великокняжескимъ намѣстникомъ Василіемъ Андреевичемъ Ковромъ *). Посланіе Симона адресовано „въ Пермь Великую и во вся Пермьскыя области игуменомъ". Въ Перми Великой, въ городѣ Чердыни, съ 1462—63 г.г. существовалъ Богословскій монастырь, а въ Вычегодской Перми еще при св. Стефанѣ возникли монастыри Спасскій и Стефановскій на Вотчѣ. Слѣдовательно, митрополитъ писалъ свое посланіе ближайшимъ образомъ въ Великую, т. е. Прикамскую, иначе Чусовую, Пермь, въ ея главные города Покчу и Чердынь, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже и во всѣ другія области Пермскія, т. е. и въ Пермь Вычегодскую. Въ Великой Перми христіанство возвѣщено было позже, нежели въ Вычегодской, почти на столѣтіе; поэтому выраженіе „*новопросвъщеннымъ людемъ* всея области Пермьскія земли" относилось преимущественно къ Перми Великой. Отдѣлять же совершенно Великую или Камскую Пермь отъ Вычегодской митрополитъ не могъ уже потому, что *та и другая составляли одну Пермскую епархію,* которая съ 1492 года именовалась „Пермскою и Вологодскою", а съ 1584 года, когда Чердынь получила особенное политическое зна-

*) «Исторія Государства Россійск.» *Карамзина,* изд. Смирдина, VI, 56—57; «Исторія Россіи» *Соловьева,* V, 94.

ченіе и затмила собою всѣми забытый Усть-Вымь, стала называться епархіей „Вологодской и Великопермской“. Послѣ сказаннаго понятно сопоставленіе словъ втораго посланія: „А вы, вси людіе *Пермьскія земли,* сее грамоты слушайте“... „А священникомъ всѣмъ *Великопермьскимъ* также учителная глаголю“. Но въ концѣ того же посланія, чрезъ нѣсколько строкъ послѣ этихъ словъ, упомянутъ „*Стефанъ Епископъ Пермьскій*“, а не „Великопермскій“, такъ какъ въ Великой Перми онъ не бывалъ.

Но если въ церковномъ отношеніи между Пермью Великой и Пермью Вычегодской существовала тѣсная связь, въ силу общей принадлежности ихъ къ Вологодской епархіи, то въ отношеніи гражданскаго управленія такой связи не могло быть. Духовная грамота великаго князя Іоанна III, завоевателя нашего сѣверо-востока, лучше всего подтверждаетъ гражданско-административную обособленность Перми Великой— Чусовой отъ Перми Вычегодской. По времени составленія въ 1504 году, эта грамота почти современна посланіямъ митрополита Симона, и тѣмъ любопытнѣе сравнить ее съ ними. Въ духовной Іоанна между прочимъ читаемъ: „Да сыну же своему Василью даю...... городъ Вологду съ волостьми, *да Вычегду, и Вымь, и Удору, и Сысолу со всѣми ихъ мѣсты, да Югру и Печеру со всѣмъ, да Пермь Великую со всѣмъ*......“*). Такъ ясно раздѣлены здѣсь три различныя области, каждая изъ которыхъ составляла особое цѣлое въ отношеніи управленія: Пермь Великая, Югра съ Печерой и Вычегда съ ея притоками.

Столь же ясное разграниченіе Перми Камской или Чусовой отъ Перми Вычегодской мы находимъ въ „Уставной грамотѣ Чердынцевъ и Усольцевъ XVI в.“ (см. приложенія къ этой книгѣ). Она со всей ясностью пріурочиваетъ весь Усольскій (позднѣе Соликамскій) уѣздъ къ области Перми Великой. Чердынцы, именуемые въ грамотѣ Пермичами, со-

*) «Собраніе Государств. Грамотъ и Договоровъ», т. I, стр. 389 и др.

вершенно уравниваются въ ней въ своихъ правахъ съ Усольцами, т. е. Соликамцами. При этомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грамоты вмѣсто слова „Пермичи" употреблено „Великопермцы", что дѣлаетъ яснымъ районъ, которому даровались извѣстныя права. *„Такоже есми пожаловалъ Великопермцовъ и Усолцовъ гостинскимъ въ Пермь Великую и къ Соли...... А Устюжана и Вычегжана и Вятчана ѣздятъ къ нимъ торговати со всякимъ товаромъ по своей грамотѣ по жалованной по уставной по Устюжской"* („Путешествіе" Берха, стр. 132—133). Итакъ, страна Вычегодская, какъ ясно видимъ, подчинялась другой уставной грамотѣ, слѣдовательно, никоимъ образомъ не составляла части Великопермской страны. Тамъ, на Вычегдѣ, жили „Вычегжане", здѣсь, на Камѣ, „Великопермцы". Уставная грамота XVI вѣка дѣлаетъ въ одномъ мѣстѣ достойную вниманія ссылку на грамоты князей Пермскихъ: „и первыхъ судовъ и грамотъ князей Пермскихъ не посуживати" (Берхъ, 129). Какъ жаль, что до насъ не дошли эти древнѣйшія грамоты Пермскихъ князей, жившихъ въ Чердыни до покоренія Русскими Перми Великой. Обратимъ еще вниманіе на слова уставной грамоты: „И онъ (намѣстникъ государевъ) въ Пермскія угодья и къ волоку Тюменскому, и въ Вогуличи, и въ Сылву съ Пермскимъ товаромъ *своихъ людей* торговати не посылаетъ" (ibidem, 130). Здѣсь указывается на торговыя сношенія Перми Великой съ Сибирью, тогда еще независимой отъ Русскихъ, и съ ближайшими сосѣдями Вогулами и Сылвенскими Остяками. Дѣйствительно, южная граница Перми Великой, какъ мы знаемъ изъ писцовыхъ книгъ, шла южнѣе Чусовой, пересѣкая рѣку Сылву, на верхнемъ теченіи которой начиналась уже другая, чуждая страна—область Остяцкихъ улусовъ.

Слѣдующими по времени грамотами, ближайшими къ Уставной и имѣющими близкое къ ней отношеніе, были извѣстныя уже намъ жалованныя грамоты Строгановымъ 1558, 1564, 1568 г.г. и другія. Такъ какъ Строгановымъ были

пожалованы Великопермскія земли, то въ этихъ грамотахъ точно опредѣлены отношенія государевыхъ Пермскихъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни, къ вотчинамъ и людямъ Строгановыхъ. Мы говорили уже, что послѣднимъ предоставлено было право собственнаго суда, независимо отъ суда намѣстника, и многія другія льготы. Во всѣхъ этихъ грамотахъ многократно упоминается городъ Чердынь, какъ резиденція намѣстника, но подъ стариннымъ наименованіемъ Пермь Великая или просто Пермь. Отъ этого города дѣлается исчисленіе верстъ, при чемъ Соль Камская, какъ не имѣвшая еще своихъ воеводъ, бывшая только пригородомъ Перми Великой Чердыни, не упоминается *). Обратимъ вниманіе на слѣдующія слова грамоты 1564 г., въ которыхъ выражается отношеніе Великопермскихъ намѣстниковъ къ Строгановскимъ вотчинамъ и людямъ какъ Вычегодскимъ, такъ и Прикамскимъ: „Коли онъ (Григорій Строгановъ) или его люди или его Слободы (Орла) крестьяне поѣдутъ отъ Вычегодскіе Соли мимо Пермь (т. е. Чердынь) на Каму въ Слободу (т. е. Орелъ-городокъ), или изъ Слободы къ Вычегодцкой Соли, и наши *Пермскіе намѣстники... въ Перми* (Чердыни) Григорья и его людей... на поруки не даютъ и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ... А коли Григорей или его люди ѣмять сее нашу грамоту *нашимъ Великопермскимъ намѣстникомъ*, и намѣстники съ нее явки не емлютъ ничего“. Такимъ образомъ *Чердынскіе намѣстники безразлично именуются то Великопермскими, то просто Пермскими, такъ какъ Великая Пермь была частью Перми вообще,* подобно тому какъ именовались здѣсь и мѣстные князья до покоренія страны Іоан-

*) Это обстоятельство ввело въ ошибку историковъ Сибири *Миллера* и *Фишера*, утверждавшихъ, что въ 1558 г. Соликамска еще не существовало, между тѣмъ какъ этотъ городъ возникъ въ первой половинѣ XV вѣка, а при Іоаннѣ IV имѣлъ, какъ мы видѣли, цѣлый Усольскій уѣздъ. Доказательство, что *Миллеръ* и *Фишеръ* не знали о существованіи мѣстныхъ писцовыхъ книгъ. См. «Описаніе Сибирскаго Царства» *Миллера*, стр. 76.

номъ III. *Но Вычегодская Пермь нигдѣ ни разу не называется Великой!*

Затѣмъ слѣдуетъ остановиться на царской грамотѣ Чердыновому Богословскому монастырю отъ 10 августа 1580 года—о неприкосновенности его владѣній. Въ ней опять упоминается князь Матвѣй, но уже не подъ именемъ „Пермскаго“, какъ въ посланіи митрополита Симона, а „Великопермскаго“—доказательство тождественности того и другаго названія. Но онъ не могъ быть названъ „Великопермскимъ“, если бы жилъ не въ Покчѣ или Чердыни, а въ Усть-Вымѣ. Вотъ нѣкоторыя мѣста грамоты: „Отъ Царя и Вел. Князя Ивана Васильевича всеа Русіи *въ Пермь Великую въ Чердынь* старостамъ и цѣловальникомъ *и всѣмъ Чердынцомъ*.... Били намъ челомъ *изъ Чердыни* Богословскаго монастыря строитель Варламъ съ братьею, а сказали, что наше богомолье въ *Перми Богословской монастырь общей одинъ, какъ Пермичи крещенье приняли*.... *Да за Богословскимъ же монастыремъ княжъ Матвѣевскихъ Великопермскою пустыхъ земель и лѣсу и луговъ въ Чердынскомъ уѣздѣ по конецъ Покчинского поля*.... *) (Покча въ 5 верстахъ отъ Чердыни). Можно-ли послѣ этого еще сомнѣваться, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, что князь Матвѣй Пермскій жилъ въ Чердыни или Покчѣ, а никакъ не въ Усть-Вымѣ на Вычегдѣ?

Таковы свидѣтельства грамотъ о сѣверной границѣ Перми Великой и значеніи этого названія въ XVI вѣкѣ и въ болѣе раннее время. Посмотримъ, что говорятъ такіе документы о другихъ границахъ Перми Великой. Во многихъ грамотахъ рядомъ съ Чердынцами упоминаются Усольцы и Кайгородцы, что показываетъ принадлежность всѣхъ трехъ городовъ къ одной и той же области—Перми Великой. Изъ писцовыхъ книгъ мы уже знаемъ, что Усольскій уѣздъ, какъ часть Перми Великой, долго былъ въ зависимости отъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни. Въ такомъ же отношеніи къ

*) «Акты Историческіе», т. I, стр. 397.

нимъ стоялъ и Кайгородъ, основаніе котораго Вятскіе историки относятъ къ 1558 г., говоря, что онъ построенъ Строгановыми для защиты отъ Періяковъ (?), Остяковъ, Воти и Татаръ и сдѣлался скоро важнымъ торговымъ пунктомъ по продажѣ соли *). Располагая весьма обильными матеріалами по исторіи Строгановыхъ, я не нашелъ въ нихъ однако положительныхъ свѣдѣній о началѣ Кая и думаю, что онъ, подобно Канкору, существовалъ еще раньше, а Строгановы только укрѣпили и обстроили его. Да я и въ этомъ не вполнѣ увѣренъ въ виду того, что *Кай всюду причисляется къ Соликамску, а не къ Строгановскимъ слободамъ*. Объ основаніи Кая не сохранилось никакой грамоты или иного положительнаго свидѣтельства. Въ писцовыхъ книгахъ Яхонтова 1579 г. уже упоминается Кайгородскій уѣздъ, смежный съ Чердынскимъ и равноправный съ Усольскимъ; но почему ни Яхонтовъ, ни Кайсаровъ, сдѣлавшіе полное описаніе всей обширной области Перми Великой, не захватили въ районъ своихъ переписей Кайгородскаго края, коль скоро онъ также былъ частью Перми Великой, — на этотъ вопросъ я не берусь отвѣчать по недостатку вѣрныхъ, несомнѣнныхъ свидѣтельствъ. Только изъ многихъ грамотъ XVII вѣка ясно видно, что *Кайгородъ и Соликамскъ, имѣя каждый свой особый уѣздъ, одинаково подчинялись власти Великопермскихъ намѣстниковъ, жившихъ въ Чердыни*. Мѣстные изслѣдователи Вятскаго края также смотрятъ на дѣло, называя Кай и Соликамскъ *Пермскими городами* **). Уѣздъ Кайгородскій лежалъ по верхнему теченію Камы и составлялъ такимъ образомъ западную окраину Перми Великой, а Соликамскій (Усольскій) — продолженіе восточной окраины той же страны; Пермскій-Чердынскій расположенъ былъ между ними, выступая сѣвернымъ угломъ далеко на сѣверъ, до озера Чусовскаго включительно.

---

*) «Столѣтіе Вятской губерніи». Вятка, 1880 г., т. I, стр. 62, статья *Андріевскаго*.

**) ibidem, стр. 65.

Приведемъ въ подтвержденіе сказаннаго подлинныя слова нѣкоторыхъ грамотъ XVII в., за неимѣніемъ болѣе раннихъ.

Въ грамотѣ царя Василія Шуйскаго въ Пермь Великую намѣстнику и воеводѣ князю Семену Юрьевичу Вяземскому, отъ 18 октября 1607 г., о постройкѣ мостовъ по Сибирской дорогѣ, ходившей тогда чрезъ Кайгородъ и Соликамскъ, минуя Чердынь, но чрезъ ея уѣздъ, между прочимъ говорится: „а прежде де того тѣ мосты мащивали *Чердынцы и Усольцы и Кайгородцы и всѣ посадскіе люди и волостные крестьяне и всею Пермскою землею*, а нынѣ тѣхъ мостовъ по тѣмъ рѣкамъ и рѣчкамъ Пермичи-Чердынцы и Усольцы и Кайгородцы не мостятъ“ *). Въ грамотѣ же царя Василія тому же намѣстнику отъ 10 декабря 1607 г. читаемъ: „Указали есмя взяти съ Перми — съ Чердыни и съ Кайгородка и съ Усолья Камского, съ посадовъ и съ уѣздовъ, для нашея нынѣшнія службы за ратныхъ людей... деньгами“ **). Еще лучше зависимость Кая отъ Чердынскихъ намѣстниковъ видна изъ отписки князя Ухтомскаго изъ Вятки въ Пермь, отъ 10 декабря 1609 года, на имя Пермскаго-Чердынскаго воеводы Ѳедора Петровича Акинеова и подьячего Наума Романова съ укоромъ Перминамъ за ихъ нежеланіе помочь Вяткѣ противъ Волжскихъ казаковъ и Черемисъ: „*а отъ васъ, со всее Перми, только пришло къ намъ тридцать человѣкъ Кайгородцевъ, да и тѣ пѣши*“ ***). Достойно вниманія наименованіе Соликамска въ одномъ актѣ того же времени „Великопермскимъ пригородкомъ“, какимъ несомнѣнно былъ и Кайгородъ, такъ какъ ни въ томъ, ни въ другомъ не было своихъ особыхъ воеводъ. Въ общей челобитной царю Усольцевъ и Кайгородцевъ, писанной въ концѣ апрѣля 1609 г., сказано: „Бьютъ челомъ сироты твоя Государевы, *твоей Государевы дальные отчины Великопермского пригородка Камского Усолья ратные*

*) «Акты Археографич. Экспедиціи», II, стр. 172.

**) «Акты Историческіе», т. II, стр. 113.

***) «Акт. Историч.», II, стр. 324.

подъячка, десятникъ Тихонко Ондрѣевъ сынъ, а вмѣсто своихъ товарыщевъ Усолцовъ и Кайгородцкихъ тридцати двохъ человѣкъ“ *).

Приведенныя выдержки изъ грамотъ самаго начала XVII вѣка такъ ясно и опредѣленно показываютъ взаимныя административныя отношенія Чердыни, Соликамска и Кайгорода и ихъ общую принадлежность къ одной и той же области Перми Великой, что мы считаемъ лишними дальнѣйшія извлеченія изъ грамотъ этой категоріи. Перейдемъ теперь къ тѣмъ документамъ, которые даютъ понятіе о южной и восточной границахъ Перми Великой.

Въ 1581 г. на Чусовскія вотчины Семена и Максима Строгановыхъ и на ихъ Нижній Чусовской городокъ дѣлали нападеніе Чусовскіе Вогуличи во главѣ съ Пелымскимъ княземъ. Строгановы подавали царю челобитную объ оказаніи имъ помощи. Такъ какъ рѣка Чусовая входила въ область Перми Великой (исключая верховьевъ), то Іоаннъ IV 6-го ноября 1581 г. послалъ грамоту въ Чердынь Великопермскому воеводѣ князю Ивану Михайловичу Елецкому, въ которой говорилось: „И ты бъ велѣлъ собрати земскимъ старостамъ и цѣловальникомъ съ *Пермскихъ волостей* (т. е. съ Чердынскихъ) *и съ Камскіе Соли* ратныхъ людей со всякимъ ратнымъ ружьемъ, *со всее Пермскіе земли*... и помогали бъ Семенову да Максимову острогу (на р. Чусовой) и стояли бъ съ Семеномъ да съ Максимомъ заодинъ...“ **). Ясно, что Чусовская слобода съ своимъ „острогомъ“ и округомъ („уѣздомъ“) входила въ составъ Перми Великой, почему царь и давалъ предписаніе воеводѣ Великопермскому. Чердынь, Соликамскъ и Чусовская слобода вездѣ ставятся въ этой грамотѣ рядомъ, какъ Великопермскіе города.

Чусовская слобода съ ея округомъ составляла крайнюю юго-восточную оконечность Перми Великой, а Очерскій остро-

*) «Акты Историч.», II, стр. 286.

**) «Дополн. къ Актамъ Историч.», I, стр. 182.

жекъ съ его округомъ служилъ юго-западной окраиной Перми Великой, за которой начинался уже тогдашній Казанскій „уѣздъ“, куда относилась, какъ мы видѣли, Никольская слобода, что нынѣ городъ Оса. Принадлежность Очера къ Перми Великой также видна изъ грамотъ. Такъ, въ раздѣльномъ актѣ Строгановыхъ отъ 30 января 1629 г. между прочимъ встрѣчаемъ слова: „и приговорили, что бы имъ, для поспѣшенія и дальняго пути, преже Никитинскіе отчины росписати и раздѣлити *въ Перми на Орлѣ и на Очерѣ*, а у Соли Вычегоцкой опослѣ“ *).

Наконецъ сѣверо-восточную границу между Пермью Великой и страной Вогуловъ весьма опредѣленно указываетъ царская грамота, данная Вогуламъ 25 января 1689 года (напечатана въ „Путешествіи“ *Берха*, стр. 135—143). Хотя она сравнительно позднѣйшаго происхожденія, но въ ней повторяются слова прежнихъ подобныхъ же документовъ Вогуловъ. Прося „милости“ у Іоанна и Петра Алексѣевичей, Вогуличи ссылаются на прежнія грамоты, писцовыя книги и челобитныя. Грозные и воинственные сосѣди Чердынцевъ, въ XVI в. и раньше часто тревожившіе ихъ своими внезапными нападеніями, причинявшіе имъ столько тревоги и вреда, теперь униженно просятъ государей оградить ихъ отъ вторженія русскихъ людей въ ихъ старинныя угодья, во всякія ихъ „ухожеи“ (угодья). „Велите, Государи, взываютъ Вогуличи, Чердынцомъ посадскимъ и волостнымъ и инымъ русскимъ людямъ заказъ учинити, чтобъ они, русскіе люди, впреды сверхъ писцовыхъ книгъ и оброчныхъ своихъ водъ въ Чердынскія лесашныя Вогульскія угодьи, *отъ Морчану вверхъ Вишеры рѣки*, для рыбной ловли, *за Кваркушъ и за Березовской каменья*, для соболиной и звѣриной добычи, не

*) „Дополн. къ Акт. Историч.“, II, стр. 90. Напечатанная здѣсь цѣлая серія раздѣльныхъ актовъ Строгановыхъ (страницы 89—145) имѣетъ важное значеніе для исторіи поземельныхъ отношеній въ Перми Великой, вскорѣ послѣ Кайсарова, до времени котораго мы прослѣдили эти отношенія.

ходили; потому что, Государи, тѣ угодья изстари Вогуличьскія ясашныя, и буде, Государи, русскимъ людемъ къ Вишерѣ рѣкѣ сверхъ оброчнаго мѣста рыбная ловля надобна, и имъ *велите,* Государи, *отъ Морчану вверхъ по той Вишерѣ рѣкѣ рыболовитъ въ Вогульскомъ ясашнемъ угодьѣ до Писанаго Камени;* а отъ Писанаго Камени вверхъ по Вишерѣ рѣкѣ не велите, Государи, русскимъ людямъ въ ясашномъ угодьѣ рыбу вылавливать и насъ сиротъ голодить, *чтобъ намъ сиротамъ отъ обидъ съ голоду вовсѣмъ не разбрестись.....* Великіе Государи, смилуйтеся!" Какъ видимъ, челобитная Вогуловъ вполнѣ согласна съ Чердынской писцовой книгой Яхонтова 1579 г. Просьба ихъ была уважена царской грамотой въ томъ же 1680 году. Въ началѣ той же своей челобитной Вогулы жалуются на то, что ясакъ съ нихъ взимается въ размѣрѣ прежнихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ „въ тѣхъ годѣхъ въ ясашнихъ угодьяхъ *на Вишерѣ и на Печерѣ рѣкахъ Вогуличь было болше,* и звѣрей и рыбы много, и звѣриная и рыбная ловля у нихъ была большая, *и руские люди въ звѣриной и рыбной ловлѣ ихъ не обидили...... и руские люди учинились ходить для звѣриной добычи за Кваркушъ и за Березовой каменья и для рыбной ловли отъ Морчану по Вишерѣ рѣкѣ до вершины.....* И отъ тѣхъ неводовъ вверхъ по рѣкѣ Вишерѣ стало безрыбно, *и они сироты отъ русскихъ людей въ томъ стали изобижены и голодны*" (*Берхъ,* 136—137). Вотъ причина постепенной перекочевки Вогуловъ за Уралъ. Въ Чердынскомъ краѣ теперь ихъ почти не осталось *).

Такъ, мало по-малу, вслѣдствіе поступательнаго движенія русской колонизаціи, нарушались прежнія границы Перми Великой, существовавшія много вѣковъ сряду, нарушались давно сложившіяся политическія отношенія, измѣнялись по-

---

*) *Мозель* въ книгѣ «Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Пермская губернія», СПБ., 1864 г., I, стр. 365, указываетъ число Вогуловъ въ Чердынскомъ краѣ въ 1860 г. 26 мужч. и 43 женщины. Теперь они живутъ только въ деревнѣ Устъ-Улсуй на Вишерѣ.

степенно и самыя географическія названія. Въ первой половинѣ XVIII в. вышло изъ употребленія и самое наименованіе „Пермь Великая“, съ которымъ такъ долго связывалось опредѣленное гео—и этнографическое представленіе. Все постепенно сливалось въ одномъ безграничномъ русскомъ морѣ, волны котораго захватывали все бо́льшее и большее пространство, пока не достигли естественныхъ предѣловъ на далекомъ Азіатскомъ сѣверо-востокѣ.

Общее заключеніе о границахъ и раздѣленіи древней Перми Великой.

Въ заключеніе, для облегченія справокъ, повторяю вкратцѣ всѣ границы древней Перми Великой въ ихъ совокупности.

На западѣ: р. Кама отъ истока, ея сѣверная излучина и впадающіе въ нее притоки (теперь Глазовскій и Слободской уѣзды Вятской губерніи). *На сѣверѣ:* линія отъ истока р. Лупьи, лѣваго притока Камы, на сѣверо-востокъ, чрезъ верховья другихъ лѣвыхъ же притоковъ Камы—Южной Кельтмы съ ея правымъ притокомъ Тимшеромъ, и Пильвы, къ верхнему концу озера Чусовскаго. *На востокѣ:* озеро Чусовское, р. Вишерка, р. Колва, р. Ухтымъ, линія съ верховьевъ Ухтыма къ югу чрезъ верховья лѣвыхъ притоковъ Колвы—рѣкъ Низьвы, Мубыля и Чудовки до деревни Морчанъ на Вишерѣ, внизъ по Вишерѣ до устьевъ р. Язьвы, р. Язьва, волокъ, р. Верхъ-Боровая (конецъ нынѣшняго Чердынскаго уѣзда); далѣе притокъ Яйвы Глухая Вилвва, рч. Сурмогъ, волокъ, рч. Икъ, р. Яйва, ея лѣвый притокъ Чаньва (конецъ нынѣшняго Соликамскаго уѣзда); линія на югъ чрезъ рѣку Косьву, лѣвый притокъ Камы, и Усьву, правый притокъ Чусовой, до другаго праваго же ея притока Койвы и по ней до самой р. Чусовой (конецъ нынѣшняго Пермскаго уѣзда). *На югѣ:* отъ лѣваго притока Чусовой р. Утки на западъ,

чрезъ среднюю Сылву (нынѣшній Кунгурскій уѣздъ), далѣе на западъ чрезъ рѣку Каму (повыше г. Осы), по нынѣшнему Оханскому уѣзду, линіей на сѣверо-западъ къ истоку рѣки Камы въ Глазовскомъ уѣздѣ Вятской губерніи.

Относительно административнаго раздѣленія древней Перми Великой въ разное время, но не далѣе 1624 г. (опись Кайсарова) включительно, мы пришли, путемъ послѣдовательнаго разсмотрѣнія первоисточниковъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Съ древнѣйшихъ временъ до XV столѣтія *Пермь Великая—Чусовая*, составляя *одинъ „Пермскій - Чердынскій уѣздъ“*, дѣлилась по управленію на 4 части: а) станъ Около-городный, б) станъ Верхній, в) станъ Нижній и г) округъ Отхожій, простиравшійся первоначально отъ южной границы Нижняго стана едва-ли не на всю обширную, но въ тѣ времена пустынную область Перми Великой до р. Чусовой.

2. Съ постепеннымъ приливомъ русскаго населенія, въ XV в. возникаетъ Усолье Камское и около него нѣсколько десятковъ новыхъ поселеній, вслѣдствіе чего часть Отхожаго района, ближайшая къ Нижнему стану, мало-по-малу обособляется въ особый *Усольскій (позднѣе Соликамскій) уѣздъ*.

3. При дальнѣйшихъ успѣхахъ русской колонизаціи, въ XVI вѣкѣ въ Перми Великой возникаетъ еще городъ Кай и при немъ образуется особый *Кайгородскій уѣздъ*, а южнѣе, по теченію Камы и ея притоковъ, возникаютъ обширныя *вотчины Строгановыхъ* съ своимъ особымъ управленіемъ и подраздѣленіемъ на округи. *Изъ этихъ вотчинъ, въ свою очередь, выдѣлились* въ особый, независимый по управленію, округъ *вотчины Пыскорскаго Спасо-Преображенскаго монастыря*. Въ 1580 году и Чердынскій Богословскій монастырь составилъ *особый* по управленію небольшой округъ въ предѣлахъ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда.

4. По мѣрѣ возникновенія новыхъ административныхъ единицъ, Чердынскій уѣздъ или, точнѣе, его Отхожій округъ постепенно сокращался, пока не достигъ своихъ нынѣшнихъ предѣловъ или границъ, а уѣздъ Соликамскій въ то же время постепенно увеличивался и дробился на свои отдѣльныя части.

VI.

Управленіе древней Перми Великой до начала XVII вѣка.

Изслѣдованіе о древней Перми Великой мы закончимъ обзоромъ управленія въ этой странѣ, который послѣ всего, выше изложеннаго, не составитъ уже для насъ столь кропотливаго ученаго труда, какъ вопросъ о границахъ той же страны. Настоящая глава сама собою распадается на двѣ половины: управленіе церковное и гражданское.

Мы знаемъ уже, что первоначально Пермь Великая и Пермь Вычегодская въ церковномъ отношеніи составляли одну обширную епархію. Епархія эта возникла въ концѣ декабря 1383 г. и называлась сначала просто „Пермской“. Первосвятитель Стефанъ былъ ея основателемъ и жилъ въ Іемдынѣ или Усть-Вымѣ до самой кончины въ 1396 г. Тамъ же жили и его четыре преемника—епископы Пермскіе: Исаакій (1398—1416), св. Герасимъ (1416—1447), св. Питиримъ (1447—1455) и св. Іона (1455—1470). Предѣлы Пермской епархіи за все это время постепенно увеличивались по мѣрѣ распространенія вѣры Христовой въ области Перми Вычегодской среди Зырянъ или, по тогдашнему, Пермянъ. Епархія Пермская на западѣ граничила съ Ростовской, къ которой принадлежалъ Устюгъ Великій—родина св. Стефана. Какъ можно видѣть изъ топографіи сказанія о св. Стефанѣ Епифанія Премудраго, Пермь простиралась на западѣ не далѣе р. Выма, гдѣ шла первоначально и граница двухъ

епархій. Главное средоточіе Пермской епархіи было на р. Вычегдѣ, гдѣ поэтому и находился каѳедральный городъ епархіи Іемдынъ или Усть-Вымъ. Какъ увидимъ ниже, здѣсь же жили и нѣкоторые Пермскіе князья-христіане. Пермская епархія, какъ показываетъ самое поставленіе св. Стефана въ епископы и обстоятельства дальнѣйшей его жизни, съ самаго основанія была въ зависимости отъ митрополитовъ Московскихъ „и всея Русіи“, которые и послѣ св. Стефана поставляли епископовъ Перми.

Въ 1462—63 г.г. четвертый преемникъ св. Стефана на Пермской каѳедрѣ, епископъ Іона, впервые возвѣстилъ слово Божіе въ предѣлахъ Перми Великой или *Чусовой*, по выраженію преподобнаго Епифанія. Чрезъ 10 лѣтъ послѣ того, въ 1472 г., въ Перми Великой произошло событіе, имѣвшее рѣшительное значеніе для всей последующей ея исторіи — произошло подчиненіе этой страны власти великихъ государей Московскихъ. Вскорѣ послѣ того въ этомъ краѣ пріобрѣтаетъ важное политическое значеніе городъ Чердынь, часто именовавшійся иначе, по имени страны, Пермью Великой. Здѣсь было сосредоточено главное гражданское и военное управленіе всего Великопермскаго края, здѣсь стали жить съ самыхъ первыхъ годовъ XVI в. намѣстники и воеводы великихъ государей Московскихъ. Тогда Іемдынъ или, по выраженію книги Большаго Чертежа, „Пермь Старая“ сталъ постепенно терять прежнее значеніе. Его географическое положеніе не представляло тѣхъ выгодъ, какія имѣла Пермь Великая: Чердынь, лежавшая на важнѣйшемъ торговомъ пути изъ Европы въ Азію и на самой восточной окраинѣ тогдашнихъ русскихъ владѣній.

Политическому паденію Перми Старой способствовало не мало и перенесеніе отсюда епископской каѳедры въ Вологду, вслѣдствіе присоединенія къ Пермской епархіи Вологодскихъ церквей. Это произошло въ 1492 г., при преемникѣ св. Іоны епископѣ Филоѳеѣ (1471—1501). Перенесеніе епи-

скопской каѳедры въ Вологду совершалось впрочемъ постепенно, не вдругъ. Преемники Филоѳея—епископы Никонъ (1502—1508), Стефанъ (1508—1514), Протасій (1514—1520), Пименъ (1520—1524), Алексій (1525—1543), Аѳанасій (1543—47), Кипріанъ (1547—58) и Іоасафъ (1558—1570) часто проживали въ Вологдѣ, именуясь со времени Филоѳея, именно съ 1492 года, епископами „Пермскими и Вологодскими“, но все-таки главной резиденціей своей продолжали считать Усть-Вымъ, такъ какъ и въ титулѣ ихъ наименованіе „Пермскій“ предшествовало другому—„Вологодскій“. Но частое проживаніе въ Вологдѣ въ концѣ концовъ обратилось въ постоянное. При епископѣ Макаріи (1570—1576) Іоаннъ IV, нерѣдко пріѣзжавшій въ Вологду, присоединилъ въ 1571 г. къ его Пермско-Вологодской епархіи церкви Двинской области и городъ Холмогоры. Это заставило епископовъ *навсегда* покинуть Усть-Вымъ и переселиться въ Вологду. Такъ какъ роли этихъ городовъ теперь перемѣнились, то—соотвѣтственно—перемѣнился съ 1571 г. и титулъ епископа на „Вологодскій и Пермскій“. Такъ же титуловался и преемникъ Макарія, епископъ Варлаамъ (1576—1584) *).

Тѣмъ временемъ на востокѣ Россіи послѣдовали политическія событія особенной важности: горсть отважныхъ казаковъ съ Ермакомъ Тимоѳеевичемъ во главѣ, при матеріальномъ содѣйствіи Строгановыхъ, покорила Россійской державѣ Сибирское царство Кучума. Русскимъ открылся широкій путь для экспорта произведеній Азіи въ Европу и наоборотъ; русскіе колонизаторы перешагнули чрезъ Уралъ и стали прочною ногою на почвѣ богато одаренной отъ природы Сибири. Транзитный путь, пролегавшій чрезъ Пермь

*) *Лыткинъ:* «Пятисотлѣтіе Зырянскаго края» въ «Журн. Министер. Народ. Просвѣщ.», 1883 г., декабрь, стр. 306—307.

Протоіерей *Евгеній Поповъ:* «Великопермская и Пермская епархія». Пермь, 1879 г., стр. 291—292.

Великую изъ Европейской Россіи въ Сибирь, получаетъ важное государственное значеніе, и въ Чердыни, какъ крайнемъ значительномъ Пріуральскомъ городѣ, учреждается таможня *).

Всѣ эти условія способствовали усиленію административнаго значенія Чердыни и окончательно убили нѣкогда важный городъ Усть-Вымъ, переставшій имѣть значеніе центра управленія и церковнаго, и гражданскаго. Въ отношеніи церковнаго управленія центръ тяжести естественно перемѣстился изъ Перми Старой въ Пермь Великую (Чердынь), съ Вычегды—въ бассейнъ Камы. По этимъ-то причинамъ и прежній титулъ Вологодско-Пермскихъ епископовъ опять пришлось измѣнить на титулъ епископовъ „Вологодскихъ и *Великопермскихъ*", каковымъ *впервые* подписался въ 1584 году упомянутый выше епископъ Варлаамъ, а потомъ стали подписываться и его преемники—епископъ Антоній (1585—87), архіепископы Іона (1588—1603), Іоасафъ (1603—1609) и дальнѣйшіе.

Такъ Пермь Великая затмила постепенно Пермь Вычегодскую, а Чердынь—Усть-Вымъ. Не ясно-ли, что изъ титулованія епископовъ „Великопермскими" никоимъ образомъ нельзя выводить заключенія, что подъ Великой Пермью разумѣлась вся Пермская страна, какъ Вычегодская, такъ и Прикамская. Напротивъ, это титулованіе доказываетъ еще разъ, что „Пермь" и „Пермь Великая"—*не одно и тоже*, что первая находилась на Вычегдѣ, а вторая на Камѣ и ея притокахъ. А потому, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ г. *Дытгинъ, неправильно* называютъ часто просвѣтителя Зырянъ св. Стефана „Великопермскимъ"—неправильно потому, что въ Великой Перми онъ никогда не бывалъ. И дѣйствительно, во всѣхъ достовѣрныхъ источникахъ агіографіи св. Стефана

*) Съ основанія Верхотурья въ 1598 г., главная таможня находилась въ немъ, но въ Чердыни и Соликамскѣ оставались все таки «таможенныя избы» (см. писцовыя книги Кайсарова 1623—24 г.г.)

всегда именуется епископомъ *Пермскимъ*, а не „Великопермскимъ“, такъ какъ это—не одно и тоже.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что въ исторіи церковнаго управленія Перми Великой нужно различать слѣдующіе періоды:

1. Епархія *Пермская* съ 1462 до 1492 г.		Каѳедра въ Усть-Вымѣ.
2. „ *Пермская* и *Вологодская* 1492—1571		
3. „ *Вологодская* и *Пермская* 1571—1584		Каѳедра въ Вологдѣ.
4. „ *Вологодская* и *Великопермская* 1584—1658.		

Въ 1658 году Великая Пермь въ церковномъ отношеніи была отдѣлена отъ Вологды и присоединена къ Вятской епархіи, епископы которой стали называться „Вятскими и Великопермскими“, что продолжалось до 1800 года, когда Пермская губернія составила совершенно самостоятельную епархію. Причиною отдѣленія Перми Великой отъ Вологды была какъ отдаленность ея отъ этого города, такъ и обширность самой Вологодской епархіи.

Съ XVI вѣка Пермь Великая имѣла преимущество предъ Пермью Вычегодской и въ отношеніи числа монастырей и церквей. Монастыри ея не были столь древни, какъ Вычегодскіе, но, возникнувъ въ позднѣйшее время, они скоро превзошли ихъ богатствами и внѣшнимъ благолѣпіемъ. На Вычегдѣ и ея притокахъ еще самъ Пермскій первосвятитель основалъ три монастыря: Спасскій въ Усть-Сысольскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу Вычегды, гдѣ нынѣ находится Троицко-Стефано-Ульяновскій монастырь; Стефановскій на р. Сысолѣ въ нынѣшнемъ селѣ Вотчѣ и Архангельскій въ нынѣшнемъ Яренскѣ—оба не существуютъ нынѣ. Всѣ эти монастыри съ теченіемъ времени, особенно послѣ переселенія мѣстныхъ владыкъ въ Вологду, пришли въ упадокъ и обѣднѣли, не смотря на то, что были дѣломъ рукъ самого св. Стефана. Они находились въ глухомъ, отдаленномъ краѣ, среди бѣднаго зырянскаго населенія, и потому не находили

достаточнаго обезпеченія для своего существованія*). Не то было въ Перми Великой. Не смотря на то, что она приняла крещеніе почти на столѣтіе позже, тамъ въ XVI в. существовали уже многіе монастыри. Въ самый годъ крещенія (1462—63) въ Чердыни основанъ былъ Іоанно-Богословскій монастырь, упраздненный только при введеніи штатовъ 1764 года. Мы видѣли, что въ 1580 году онъ получилъ важную грамоту, опредѣлявшую его самоуправленіе, а около 1630 г. перешелъ въ вѣдѣніе Троице-Сергіевой лавры**). Въ 1558—60 г.г. возникаетъ знаменитый Спасо-Преображенскій монастырь на Пыскорѣ, строенье Строгановыхъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся ставропигіальнымъ и затмившій собою всѣ другіе монастыри Перми Великой. О немъ мы уже говорили довольно. Въ томъ же вѣкѣ возникаетъ Вознесенскій монастырь въ г. Соликамскѣ и Успенскій на Чусовой; о коихъ также была рѣчь. Въ XVII в. возникаютъ вновь Архангельскій женскій монастырь въ Соликамскѣ и Успенскій дѣвичій въ Чердыни, Введенскій мужской на р. Язьвѣ и Богородицкій Успенскій на Верхъ-Язьвѣ близь заштатнаго города Обвинска — оба въ нынѣшнемъ Соликамскомъ уѣздѣ. Не перечисляю уже разныхъ пустыней, разновременно возникавшихъ тамъ и сямъ на обширномъ пространствѣ Перми Великой. Такимъ образомъ уже въ XVI в. Пермь Великая имѣла 4 обители, изъ которыхъ Пыскорская одна могла поспорить своими богатствами со всѣми монастырями Вычегодскаго края. Не даромъ же этому монастырю даровано было широкое самоуправленіе со всѣми его вотчинами, а его архимандритамъ — исключительное въ своемъ родѣ право контроля надъ всѣми церквами Перми Великой. Ко всему сказанному нужно прибавить, что Чердынь и Соликамскъ еще въ XVI вѣкѣ были обильно украшены храмами. А когда Строгановы

*) *Евгеній Поповъ*. «Святитель Стефанъ Великопермскій». Пермь. 1885 г., стр. 77—78.

**) Это было при настоятелѣ Герасимѣ, о назначеніи коего см. грамоту 1630 г, въ «Актахъ Историческихъ», т. III, стр. 289—290.

начали дѣятельно колонизировать пожалованныя имъ обширныя Великопермскія вотчины, то во всѣхъ основанныхъ ими слободахъ появились новыя церкви, иногда по нѣсколько въ одномъ селеніи, наприм. въ Орлѣ и Новомъ Усольѣ. При такихъ условіяхъ въ XVI в. Перми Вычегодской слишкомъ трудно, даже невозможно было конкурировать съ Пермью Великой и въ церковномъ, и въ гражданско-административномъ отношеніи. И она дѣйствительно въ XVI в. совсѣмъ стушевалась предъ своей соименной сосѣдкой, лишившись даже старинной епископской каѳедры и упоминанія въ титулѣ Вологодскихъ владыкъ.

Указавъ отношеніе Перми Великой къ Усть-Выму, Вологдѣ и Вяткѣ въ разное время и тѣмъ еще разъ подтвердивъ наше основное положеніе о географической обособленности Перми Чусовой отъ Перми Вычегодской, мы не будемъ пускаться въ дальнѣйшія подробности церковнаго управленія Перми Великой, что можетъ составить предметъ особой монографіи. Замѣтимъ только, что для характеристики духовно-нравственнаго состоянія Пермской паствы въ первое время по крещеніи Перми Великой лучшій, важнѣйшій источникъ составляютъ извѣстныя уже намъ два посланія митрополита Симона 1501 г. Каковы въ общемъ были мѣстные пастыри и порученное имъ стадо—достаточно видно изъ слѣдующихъ горькихъ укоровъ митрополита: „Яко же слышу о васъ, что деи о церковномъ исправленіи и о своемъ спасеніи нерадите, и о своихъ дѣтяхъ духовныхъ небрежете, и душевныя пользы не ищете. *Да и прежде деи сего Пермскій епископъ Филоѳей неединова посылалъ къ вамъ свои грамоты о томъ же*, неучая васъ, чтобы есте отъ рановденія и отъ питья вздержались, а дѣтей бы есте своихъ духовныхъ, новокрещенныхъ христіанъ, учили всяко закону Божію, вѣрѣ христіанской: *и вы деи о всѣхъ сихъ небрегосте и отъ епископа своего божественныхъ писаній поученія не внимасте*“ *).

---

*) «Акты Историческіе», I, № 112.

Переходя къ исторіи гражданскаго управленія въ Перми Великой, прежде всего нельзя не сознавать, что насколько хорошо разработана церковная исторія Перми вообще, настолько темна исторія гражданскаго управленія Пермскою страною до XVI столѣтія. Причина этого, конечно, та, что христіанство, а съ нимъ и церковное управленіе начинается здѣсь только съ исхода XIV вѣка, тогда какъ гражданскій строй жизни установляется въ Пермскомъ краѣ съ глубокой древности, теряется во мракѣ Новгородскаго періода исторіи и можетъ быть поэтому какъ-то мало занималъ всѣхъ изслѣдователей древней Перми. Важнѣйшій источникъ для первоначальной исторіи христіанства въ этой странѣ: *„Слово о житіи и ученіи святаго отца нашего Стефана, бывшаго въ Перми епископа"* *) преподобнаго Епифанія Премудраго, современника Стефанова, написанное въ 1396—1397 г.г., къ сожалѣнію, почти ничего не сообщаетъ намъ о гражданскомъ устройствѣ и управленіи Пермскаго края. Источники Новгородской исторіи, какъ мы знаемъ, также очень не щедры на подробности и во всякомъ случаѣ не достаточны при изученіи гражданскаго управленія Перми до подчиненія ея Московскимъ государямъ. Такимъ образомъ древнюю исторію Пермской земли до XVI вѣка приходится возстановлять по разнымъ другимъ источникамъ, вообще болѣе и менѣе скуднымъ въ данномъ вопросѣ. Попробуемъ извлечь изъ нихъ все, что такъ или иначе освѣщаетъ далекое прошлое въ гражданской жизни Пермской страны во всемъ ея объемѣ.

Въ политической жизни древней Пермской страны было несомнѣнно три главныхъ періода: 1) періодъ полной политической автономіи, 2) періодъ Новгородской зависимости и 3) періодъ Московской зависимости и полнаго обрусѣнія края. Это дѣленіе установлено нами въ самомъ началѣ

*) Въ «Памятникахъ старинной русской литературы», издаваемыхъ графомъ *Кушелевымъ-Безбородко,* вып. 4, СПБ. 1862 г., подъ редакціей *Н. И. Костомарова,* стр. 119—172.

изслѣдованія и имѣетъ вполнѣ научное, историческое основаніе. Гдѣ грани этихъ періодовъ, какъ долго продолжался каждый изъ нихъ—на эти вопросы мы также дали *приблизительные* отвѣты, при скудости положительныхъ, достовѣрныхъ данныхъ. Теперь сообщимъ нѣкоторыя подробности.

Въ глубокой древности Пермь, подобно Югрѣ, управлялась *независимо* своими князьями. Но между тѣмъ какъ *князья Югорскіе* въ I Новгородской лѣтописи упоминаются еще подъ 1193 годомъ*), о *Пермскихъ князьяхъ* мы не встрѣчаемъ въ источникахъ никакого упоминанія до похода въ Пермь Великую московской рати Ѳедора Пестраго и Гаврила Нелидова въ 1472 году. Не смотря на болѣе близкое къ Новгороду географическое положеніе Перми сравнительно съ Югрой, первоначальная исторія первой намъ еще менѣе извѣстна, нежели исторія второй. Нельзя сомнѣваться лишь въ одномъ, что *Пермь подчинилась Новгородской зависимости раньше Югры*, такъ какъ походы въ Югру, древнѣйшимъ изъ которыхъ считается походъ 1096 года, разсказанный Новгородцемъ Гюрятою, несомнѣнно совершались чрезъ Пермскую землю, гдѣ лежалъ удобнѣйшій путь на Печеру и далѣе—за Уралъ. Если первый изъ извѣстныхъ по лѣтописи зауральскихъ походовъ Новгородцевъ былъ въ 1096 г., то первоначальное подчиненіе Перми Новгороду совершилось еще раньше. И дѣйствительно, первоначальная лѣтопись, перечисляя народы, помѣщаетъ Пермь и Печеру въ числѣ народовъ, *уже платившихъ дань русскимъ*, а подъ 1092 г. Печера ясно указывается народомъ, дающимъ дань Новгороду. Но такъ какъ на Печеру Новгородцы могли проникнуть чрезъ Пермь, то отсюда необходимо заключить, что *Пермь подчинилась зависимости отъ Новгорода еще до 1092 года.* Опредѣленное же указаніе на Пермь, какъ волость Новгородскую, мы встрѣчаемъ въ первый разъ только въ двухъ

*) «Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей», т. III, стр. 21—22.

древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ Новгорода 1263 года*). О *насильственномъ* подчиненіи Новгородомъ своей зависимости Заволочья, Перми, Печеры и Югры мы подробно говорили уже въ III главѣ, гдѣ шла рѣчь о древнихъ восточныхъ торговыхъ путяхъ.

„Извѣстія о способѣ владѣнія Новгорода отдаленною Пермскою землею до того скудны, справедливо замѣчаетъ *Н. И. Костомаровъ*, что нѣтъ возможности вывести что нибудь точное. Кажется, что *оно ограничивалось собираніемъ дани посредствомъ даньщиковъ, которые посылались Новгородомъ*. Они ходили по странѣ вооруженными отрядами и брали у туземцевъ, что могли взять, сообразуясь съ тѣмъ, что предположено въ Новгородѣ. *Своебытность Перми не нарушалась Новгородцами; Пермь управлялась своими князьями до послѣднихъ временъ.... Новгородскихъ поселеній, сколько извѣстно, тамъ не было*. Впродолженіи вѣковъ, ограничиваясь сборомъ дани съ Перми, Новгородцы не заботились о распространеніи тамъ христіанской вѣры. Пермяки спокойно поклонялись идолу—Золотой Бабѣ, солнцу, водѣ, каменьямъ, деревьямъ, быкамъ, козламъ и вѣрили своимъ колдунамъ (шаманамъ), которые отгадывали будущее, подавали совѣты при начинаніи дѣла и умилостивляли боговъ въ несчастіи. Только въ концѣ XIV в. св. Стефанъ проповѣдалъ христіанство между Пермяками, изобрѣлъ для пермскаго языка азбуку и перевелъ на него евангеліе“ **). Вотъ все, что могъ сказать о Новгородскомъ періодѣ Пермской страны такой знатокъ исторіи Новгорода Великаго, какъ *Н. И. Костомаровъ*. Такъ скудны наши познанія объ этомъ далекомъ прошломъ Перми.

Около трехъ столѣтій длилась эта зависимость Перми отъ Новгорода Великаго, пока у самого Новгорода не явился опасный соперникъ въ лицѣ Москвы. Постепенный политическій ростъ Московскаго государства еще съ конца XIV

*) «Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ» I. № 1.

**) «Сѣвернорусскія народоправства», I, 412.

вѣка сталъ угрожать неприкосновенности Новгородскихъ владѣній на русскомъ сѣверо-востокѣ, а въ слѣдующемъ столѣтіи политическіе интересы Москвы и Новгорода должны были неизбѣжно столкнуться въ стремленіи обоихъ ихъ къ одной и той же цѣли въ отношеніи Заволочья, Перми, Печеры и Югры. И Москва, подобно Новгороду, считала важнымъ для себя обладаніе этими далекими странами съ рѣдкимъ инородческимъ населеніемъ, но значительными естественными богатствами, обѣщавшими въ будущемъ выгодный для государства экспортъ, нѣкогда служившій главнымъ источникомъ обогащенія Новгородцевъ. Зная слабую зависимость этихъ далекихъ земель отъ Новгорода, Московскіе государи начали съ нихъ свою долгую наступательную войну съ Новгородомъ, дабы, вырвавъ изъ рукъ Новгорода главный источникъ его богатства, тѣмъ самымъ обезсилить постепенно его самого и затѣмъ уже безъ особеннаго труда положить конецъ и его собственной политической независимости. Эта дальновидная политика Москвы по отношенію къ Новгороду начинается задолго до Іоанна III. Разъ задавшись такой идеей, Москвитяне съ свойственной имъ настойчивостью осуществляютъ мысль на дѣлѣ и направляются въ далекія Новгородскія волости по путямъ, давно проложеннымъ самими же Новгородцами. Постепенно, въ теченіе довольно долгаго періода времени, Москва побѣдила Новгородъ его же оружіемъ!

По отношенію къ Перми сказанное нами подтверждается лучше всего Епифаніевымъ житіемъ св. Стефана 1396—97 г.г. Хотя Вычегодская Пермь окончательно уступлена Новгородомъ Москвѣ по *отказной грамотѣ* на Двинскую землю отъ 11 августа 1471 года*), а Пермь Великая Чусовая завоевана воеводами Іоанна III въ 1472 году, но московская власть начала утверждаться въ Пермской странѣ гораздо раньше, по крайней мѣрѣ на цѣлое столѣтіе,—утверждаться

*) Этотъ важный документъ вмѣстѣ съ тремя списками Двинскихъ земель напечатанъ въ «Актахъ Археографической Экспедиціи», т. I, СПБ. 1836 г., стр. 72—75.

такъ же *насильственно*, какъ нѣкогда и власть новгородская. Способъ владѣнія Новгородцевъ Пермью можно усмотрѣть изъ словъ житія: „Но и сами ти (тіи) *Новгородци, ушкуйницы, разбойницы* словесы его (св. Стефана) увѣщеваніи бываху, еже не воевати ны“ *). Такъ какъ во времена св. Стефана въ Перми еще продолжался Новгородскій періодъ исторіи, то эти слова совершенно естественны въ памятникѣ XIV вѣка. Но тотъ же памятникъ, писанный почти за столѣтіе до совершеннаго покоренія Перми Москвою, нѣчто подобное говоритъ и о Москвитянахъ. Вотъ какія слова Епифаній влагаетъ въ уста извѣстнаго сотника Пермскаго Пама: „*Отъ Москвы можетъ-ли что добро быти намъ* (Пермякамъ)? *Не оттуду-ли намъ тяжести быша, и дани тяжкія, и насилства, и тивуні, и доводщици и приставніцы?* Сего ради не слушайте его (т. е. Стефана, пришедшаго изъ Москвы), но мене паче послушайте, добра вамъ хотящаго; азъ бо есмь родъ вашъ и единоя земля“..... **). Эти слова, сказанныя человѣкомъ XIV вѣка, неопровержимо доказываютъ, что уже и въ то время Москва начала налагать свою руку на старинную Новгородскую волость Пермь, что это посягательство Москвы на землю Пермскую началось еще до прихода въ нее св. Стефана, проповѣдь котораго, усердно поддерживаемая митрополитами и великими князьями Московскими, была только новымъ торжествомъ Московской политики, дальнѣйшимъ, весьма важнымъ, шагомъ въ дѣлѣ утвержденія Московскаго вліянія на берегахъ Вычегды и ея притоковъ.

Итакъ трудно сказать съ желательной точностью, когда именно Вычегодская Пермь признала впервые Московскую зависимость. Уже въ перемирной грамотѣ Василія II съ польскимъ королемъ Казиміромъ 1449 г. Московскій государь титулуется между прочимъ „Ростовскимъ и *Пермскимъ*“. Въ

---

*) «Памятн. старин. русской литерат.», вып. 4-й, стр. 160.

**) ibidem, стр. 138.

подобной же грамотѣ Іоанна III съ королемъ Александромъ 1494 г. первый названъ „*Югорскій*, Пермскій и Болгарскій“, хотя окончательное покореніе Югры послѣдовало позже. Въ посланіи митрополита Іоны къ Вятчинамъ около 1452 года Сысода, Вымь и Вычегда названы „вотчиной великого князя“ Московскаго *).

Изъ договорной грамоты Новгорода съ Василіемъ II отъ 1434 года ясно, однако видно, что въ этомъ году Новгородъ не потерялъ окончательно своей власти надъ Пермью, но, имѣя въ ней своихъ намѣстниковъ, *уступалъ въ пользу Москвы часть своихъ доходовъ съ Пермской земли*. „А что волостей Ноугородскыхъ всѣхъ ти не держати своими мужми, а *держати мужми Ноугородскыми, а даръ имати отъ тѣхъ волостей. А безъ посадника ти, княже, суда не судити, ни волостей роздавати, ни грамотъ давати*.... А се ти, княже, и волости Ноугородскыя: Волокъ со всѣми волостьми, Торжекъ, Бѣжици, Городець, Палець, Шипино, Мелеча, Егна, *Заволочье*, Тиръ, *Пермь, Печера, Югра*, Вологда“ **).

Наконецъ въ 1471 году изъ Новгорода Великаго, „съ вѣча съ Ярославля двора“, послѣдовала *окончательная отказная грамота въ пользу Москвы* на Пинегу, Кевролу, Чаколу, *Пермскія волости*, Мезень, Пиліи горы, Немьюгу, Пинежку, Выю и на „Суру на поганую“ ***). Въ третьемъ спискѣ Двинскихъ земель при перечисленіи разныхъ волостей, отходившихъ къ Москвѣ, между прочимъ замѣчено: „*А что Важка, то исконное мѣсто великаго князя Вычегодское, Пермяки*“ ****). Эта волость, слѣдовательно, раньше всѣхъ другихъ Двинскихъ земель перешла въ руки Москвы. Изъ того же третьяго списка Двинскихъ земель видно, что Новгородцы долго сопротивлялись отдачѣ своихъ давнишнихъ

*) «Описаніе Румянцевскаго Музея» № LXXIII, л. 71 и 76. Акты Историческ. I, № 261.

**) «Акты Историческіе», т. I, № 258, стр. 487.

***) «Акты Археографической Экспедиціи», т. I, № 93.

****) «Акты Археографической Экспедиціи», т. I, № 94, стр. 75.

владѣній Московскимъ государямъ и не разъ выгоняли оттуда Московскихъ волостелей. *„И на Кегролѣ да на Чакалѣ,* говорится въ документѣ, *сѣдѣлъ отъ великаго князя волостель Кузма Коробьинъ* лѣть съ семь. А на Мезени, да *на Пермьскихъ,* да на Немьюзѣ, да на Пилiихъ горахъ *сѣдѣлъ Ярецъ; и Немьюгу да Пильи горы еще при великомъ князи при Василiи Новогородцы отняли, а Ярця сослали. А послѣ того* на Кегролѣ, и на Чякалѣ, и *на Пермьскихъ,* и на Мезени *сѣдѣлъ* Өедоръ Борисовичь *Брюхо,* а послѣ того сѣдѣлъ на томъ же на всемъ Юрiй Захарiичь, а послѣ Юрiя Иванъ Гавриловъ на томъ же сѣдѣлъ на всемъ; *и Новогородцы,* пришедъ на семъ лѣтѣ (1471), *городокъ Кегрòлской сожгли,* а съ Чяколского городка окупъ взявъ, *да Иванова тiуна Гаврилова били и людей его били да и пограбили, а тѣ волости всѣ поотоймали за себя*[*]).

Такъ упорно стоялъ Новгородъ за свои старинныя права, прежде чѣмъ волею-неволею долженъ былъ навсегда смириться предъ Москвой. Ярецъ, Брюхо, Юрiй Захарьевъ и Иванъ Гавриловъ—первые представители Московской власти въ Вычегодской Перми, извѣстные намъ по источникамъ. Не извѣстно, была-ли дана въ слѣдующемъ 1472 г. Новгородомъ Iоанну III такая же „откавная грамота“ на Великопермскiя земли. Должно думать, такой грамоты вовсе не было, такъ какъ Пермь Великая взята была оружiемъ. Отрѣзанная совершенно отъ Новгорода въ 1471 году, вслѣдствiе перехода Перми Вычегодской въ руки Москвы, Пермь Великая Чусовая въ послѣднiй годъ Новгородскаго перiода своей исторiи, повидимому, управлялась ни отъ кого независимо своими князьями. Въ 1472 г. Москва имѣетъ дѣло исключительно съ Пермскими князьями, помимо всякаго вмѣшательства Новгорода въ это дѣло.

Итакъ переходъ отъ Новгородской зависимости къ Московской въ Перми совершался постепенно, пока въ 1471

[*]) Ibidem, I, № 94, стр. 74—75.

году Новгородъ не принужденъ былъ окончательно уступить Вычегодскую Пермь Москвѣ, а въ 1472 г. отказаться въ ея же пользу и отъ Пермы Великой Чусовой.

Со вступленіемъ въ Московскій періодъ, мы встрѣчаемъ въ источникахъ все большія подробности о Пермской странѣ. Дальнѣйшая историческая ея судьба проясняется все больше, но всей желательной полноты данныхъ мы все таки не находимъ и въ источникахъ Московскаго періода. И тутъ о многомъ приходится судить только по догадкамъ, изъ сопоставленія разныхъ данныхъ выводить болѣе или менѣе вѣроятныя заключенія. Прежде всего мы разумѣемъ здѣсь вопросъ о загадочныхъ Пермскихъ князьяхъ. Какова была ихъ генеалогія, время и мѣсто жительства, объемъ автономной власти и отношеніе сначала къ Новгороду, потомъ къ Москвѣ? Все это—темныя мѣста въ исторіи Перми, требующія историческаго освѣщенія. Попытаемся сдѣлать для этого все, что позволяютъ находящіеся въ нашихъ рукахъ источники и пособія.

По аналогіи съ Югрой и на основаніи мѣстныхъ пермяцкихъ и русскихъ преданій, связанныхъ съ разными мѣстностями, можно заключить, что въ Перми Вычегодской и Чусовой туземные князья существовали съ древнѣйшихъ временъ. Но мы не знаемъ ниодного Пермскаго князя—язычника, знаемъ только князей съ христіанскими именами, слѣдовательно жившихъ никакъ не ранѣе второй половины XIV столѣтія. Самый важный *мѣстный источникъ,* изъ котораго мы узнали эти имена, есть синодикъ древнѣйшаго Іоанно-Богословскаго монастыря въ Чердыни, о началѣ котораго уже была рѣчь. Синодикъ этотъ сохранился, къ счастію, въ Богоявленской церкви города Чердыни, къ которой приписана церковь Іоанна Богослова, по упраздненіи монастыря при введеніи штатовъ 1764 года. Я видѣлъ этотъ важный памятникъ старины въ бытность въ Чердыни въ 1883 году.

Не берусь точно указать время его происхожденія; но судя по четкому, красивому уставному письму и одной хронологической датѣ на первыхъ его страницахъ, я отношу его начало къ XV вѣку. По внѣшнему виду онъ напоминаетъ собою старинную богослужебную книгу большаго формата. Въ него внесены многія имена монашествующихъ и Чердынскихъ граждавъ, погребенныхъ вѣроятно на монастырскомъ кладбищѣ, вокругъ Іоанно-Богословской церкви, при чемъ записи велись въ разное время разными руками, но впереди всѣхъ ихъ сдѣлана слѣдующая важнѣйшая запись:

„Богоспасаемаго града Чердыни, обители Вознесенія Господня, Іоанна Богослова общежитія монастыря, монастырскіе быша начальники, лѣта 6985 (т. е. 1477) января въ 6 число,— помяни Господи души преставльшихся: архимандритъ Діонисій, игумены и строители; помяни Господи души *Великопермскихъ князей и княгинь: князя Михаила Пермскаго, убитъ отъ Вогуличей, князя Владиміра Пермскаго, князя Іоанна Пермскаго, князя Ермолая Вымскаго, князя Василія Вымскаго, князя Ѳедора Вымскаго, князя Іоанна Пермскаго, убитъ отъ Вогуличей, князя Дмитрія Пермскаго, князя Константина Пермскаго, князя Андрея Великопермскаго, князя Матвѣя Пермскаго, княгини Анны, княгини Ксеніи, княгини Анастасіи Великопермскія*“.

Этотъ самый списокъ 14 Пермскихъ князей и княгинь, заимствованный изъ древняго монастырскаго синодика, въ концѣ прошлаго вѣка найденъ былъ въ видѣ особаго реестра въ архивѣ Чердынскаго магистрата, при разборѣ этого архива въ 1786 и 1787 г.г., сдѣланномъ по предписанію тогдашняго Пермскаго и Тобольскаго генералъ-губернатора Евгенія Петровича Кашкина, согласно Высочайшему повелѣнію. Когда и зачѣмъ былъ сдѣланъ этотъ реестръ, хранившійся въ архивѣ, неизвѣстно. Самый реестръ вмѣстѣ съ древней копіей „Великопермской уставной грамоты Чердынцевъ и Усольцевъ XVI вѣка“ и многими другими наиболѣе важными

и древними документами, хранившимися въ томъ же архивѣ Чердынскаго магистрата, былъ отправленъ въ Петербургъ въ 1787 г. Къ счастію, кто-то успѣлъ снять копію съ реестра Пермскихъ князей, а равно и съ уставной грамоты, благодаря чему оба документа не пропали безслѣдно. *Н. С. Поповъ*, составлявшій около того времени по порученію Вольнаго Экономическаго Общества „Хозяйственное описаніе Пермской губерніи", вышедшее первымъ изданіемъ въ Перми, въ 2-хъ большихъ томахъ, въ 1804 году,—*первый* напечаталъ этотъ реестръ во II томѣ своего труда (примѣчаніе на страницѣ 265)*), а въ 1821 г. извѣстный *В. Н. Бергъ* перепечаталъ его (почему-то съ пропускомъ имени седьмаго князя Іоанна Пермскаго) и „Уставную грамоту XVI вѣка" въ своемъ „Путешествіи въ Чердынь и Соликамскъ". Но странно, что ни тотъ, ни другой не знали о существованіи первоисточника реестра—древняго монастырскаго синодика, откуда первоначально и былъ несомнѣнно заимствованъ списокъ Пермскихъ князей, судя по доеловному сходству его, съ соблюденіемъ самаго порядка и титулованія князей и княгинь, со спискомъ *Н. С. Попова*. Да и изъ всѣхъ позднѣйшихъ изслѣдователей Перми на этотъ важный источникъ по исторіи Перми Великой обратилъ вниманіе только одинъ *В. Н. Шишонко*, сообщившій о немъ свѣдѣніе въ первомъ же примѣчаніи къ первому изданію Чердынскихъ писцовыхъ книгъ Яхонтова 1878 года (въ „Пермск. Губерн. Вѣдомост.").

Когда же и гдѣ жили упоминаемые древнимъ синодикомъ 14 Пермскихъ князей и княгинь? Списокъ ихъ совсѣмъ не даетъ какихъ-либо хронологическихъ датъ, почему время ихъ жизни можно опредѣлить только при помощи другихъ источниковъ. Изъ сопоставленія данныхъ лѣтописей,

---

*) Къ сожалѣнію, *Н. С. Поповъ* не объяснилъ, куда именно, въ какое Петербургское учрежденіе были вытребованы въ 1786—87 г.г. важнѣйшіе въ историческомъ отношеніи документы Чердынскаго архива? Въ Петербургѣ, повидимому, такъ и пропали всѣ они, или и теперь лежатъ гдѣ нибудь никому не извѣстными.

нѣкоторыхъ царскихъ грамотъ и извѣстныхъ намъ двухъ посланій митрополита Симона *можно съ большой вѣроятностью пріурочить время ихъ жизни къ XV вѣку.* Прежде всего обратимъ вниманіе на ихъ христіанскія имена, занесенныя для вѣчнаго поминовенія въ монастырскій синодикъ. Въ царской же грамотѣ отъ 10 августа 1580 г. о неприкосновенности угодій Чердынскаго Богословскаго монастыря, которому принадлежалъ синодикъ, упоминаются въ числѣ монастырскихъ земель „за Богословскимъ же монастыремъ *княжъ Матвѣевскія Великопермьского пустыя земли и лѣса и луга*“ *), несомнѣнно завѣщанные монастырю по древнему благочестивому обычаю. Это одно уже даетъ намъ указаніе на то, что въ синодикѣ идетъ рѣчь *о князьяхъ, жившихъ въ Чердыни послѣ крещенія Перми Великой въ 1462—63 г.г.* Впрочемъ время жизни одного изъ нихъ точно указано въ посланіи митрополита Симона 1501 г. на имя князя *Матвѣя Михайловича Пермскаго,* „великаго князя слуги“ **),— посланіи, писанномъ въ Чердынь, какъ мы говорили уже объ этомъ въ концѣ предъидущей главы. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же князь именуется въ одномъ актѣ „Пермскимъ“, въ другомъ „Великопермскимъ“, потому что и самая „Пермь Великая“, какъ часть Перми вообще, именовалась часто просто „Пермью“ (часть вмѣсто цѣлаго, наоборотъ не могло быть). *Есть полное основаніе думать, что Пермскіе князья-христіане жили въ Чердыни, гдѣ Іоанно-Богословскій монастырь былъ ихъ родовой усыпальницей,* хотя на монастырскомъ кладбищѣ чрезъ 400 лѣтъ и не осталось никакихъ признаковъ княжескихъ могилъ. Этимъ нужно объяснить духовную близость князей къ монастырю и наоборотъ: князья даютъ въ пользу монастыря земли и угодья, а монастырь вѣчно молится за нихъ, какъ за своихъ исконныхъ радѣтелей. Вѣдь не давали же Пермскіе князья земель другимъ

*) «Акты Историческіе», т. I, стр. 397.

**) ibidem, I, стр. 168.

монастырямъ и церквамъ, коихъ въ XV в. на Вычегдѣ было болѣе, нежели въ Перми Великой. Строгановы подобнымъ образомъ покровительствовали Пыскорскому монастырю, какъ *„своему строенью“*. Но Чердынскій монастырь былъ основанъ четвертымъ преемникомъ св. Стефана, епископомъ Іоною. „Лѣта 1463 г., Іона, епископъ Пермскій, крести Великую Пермь *и князя ихъ и церкви постави, игумены и попы*“, говорятъ лѣтописи. *Карамзинъ* думаетъ, что здѣсь разумѣется отецъ Матвѣя, первый извѣстный намъ Пермскій князь Михаилъ *). Достовѣрно извѣстно, что въ первые годы по завоеваніи Перми Великой въ 1472 г., этотъ Михаилъ, какъ вассалъ Іоанна III, жилъ въ Покчѣ, что въ 5 верстахъ отъ Чердыни. Я убѣжденъ, что по смерти онъ погребенъ былъ въ самой Чердыни, въ Богословскомъ монастырѣ, въ синодикѣ котораго его имя поставлено первымъ въ ряду 14 именъ Пермскихъ князей и княгинь. Сынъ его Матвѣй на поминъ души своего родителя, по тогдашнему обычаю, завѣщалъ въ пользу монастыря землю, а впослѣдствіи какъ самъ онъ, такъ и дальнѣйшіе его потомки были погребаемы тутъ же, въ обители Іоанна Богослова, ставшей ихъ усыпальницей.

Князь Михаилъ Пермскій, отецъ Матвѣя, былъ участникомъ двухъ важнѣйшихъ событій въ исторіи Перми Великой: со своимъ народомъ онъ принялъ святое крещеніе въ 1462—63 г.г. и чрезъ 10 лѣтъ онъ же долженъ былъ признать свою политическую зависимость отъ Іоанна III. О немъ-то и говоритъ Никоновская лѣтопись подъ 1472 годомъ: „а Гаврила Нелидова отпустилъ (князь Өедоръ Пестрый) на нижнюю землю—на Уросъ и на Чердыню да на Почку *на князя Михаила..... И оттуду послалъ князь Өедоръ князя Михаила къ великому князю*“..... Іоаннъ III, быть можетъ, по ходатайству тогдашняго митрополита за *перваго* Пермскаго князя-христіанина, позволилъ однако Михаилу возвратиться

*) «Истор. Гос. Росс.», т. VI, см. «Дополнительныя выписки изъ лѣтописей» послѣ примѣчаній къ этому тому. Также см. «Пермскій Сборникъ», I, стр. 8.

въ Пермь Великую въ качествѣ его, великаго князя, *слуги*. По возвращеніи на родину, князь Михаилъ правилъ страной, какъ присяжникъ Іоанновъ, имѣя мѣстопребываніе въ 5 верстахъ отъ Чердыни въ городкѣ Покчѣ, по назначенію князя Ѳедора Пестраго, завоевателя Перми Великой. Состоя въ этомъ новомъ званіи, князь Михаилъ Пермскій, по словамъ синодика, былъ убитъ Вогуличами, не извѣстно, въ которомъ году. Мѣсто его занялъ сынъ Матвѣй *).

Такъ какъ вогульскіе набѣги на Пермь Великую въ XV и XVI в.в. повторялись многократно, то трудно сказать, когда именно погибъ первый Пермскій князь-христіанинъ. Во всякомъ случаѣ это было между 1472—1501 годомъ (въ этомъ году митрополитъ Симонъ писалъ уже Матвѣю Михайловичу), а за это время мы знаемъ набѣгъ Вогуловъ на Пермь Великую въ 1481 г., когда они проникли до Чердыни, но здѣсь потерпѣли пораженіе отъ Устюжанъ, подъ начальствомъ Андрея Мишнева **). Очень вѣроятно, что этотъ-то набѣгъ Вогуловъ и былъ роковымъ для Пермскаго князя Михаила. Относительно же сына его Матвѣя есть положительное извѣстіе, что онъ „былъ сведенъ съ Перми Великой“ въ 1505 году и замѣщенъ *первымъ русскимъ намѣстникомъ княземъ Василіемъ Андреевичемъ Ковромъ* ***).

Таковы наши свѣдѣнія о первыхъ двухъ Пермскихъ князьяхъ-христіанахъ, присяжникахъ Іоанна III. Далеко не столько извѣстно намъ изъ источниковъ о прочихъ Пермскихъ князьяхъ, поименованныхъ въ Чердынскомъ синодикѣ. Сдѣлавъ общее наименованіе всѣхъ князей „Великопермскими“ (помяни, Господи, души *Великопермскихъ* князей и княгинь), синодикъ при частномъ перечисленіи именъ раздѣляетъ однако ихъ на три группы: 1) князь и княгини *Великопермскіе:*

---

*) *Карамзинъ:* «Исторія Государства Россійск.», изд. *Смирдина,* т. VI, стр. 56—57; Никоновская лѣтопись и Чердынскій синодикъ.

**) *Соловьевъ:* «Исторія Россіи», V, 94.

***) *Карамзинъ,* VI, 57; *Соловьевъ,* V, 94.

Андрей, Анна, Ксенія и Анастасія; 2) князья *Пермскіе:* Михаилъ, Владиміръ, Іоаннъ, другой Іоаннъ, Димитрій, Константинъ и Матвѣй; 3) князья *Вымскіе:* Ермолай, Василій и Өеодоръ. Изъ другихъ источниковъ извѣстенъ еще одинъ *Вымскій* князь Петръ, современникъ Өеодора *), и князь *Великопермскій* Матвѣй, сосланный изъ Москвы въ Верхотурье въ 1641 году **). Почему же всѣ они объединяются въ Чердынскомъ синодикѣ подъ общимъ названіемъ „Великопермскихъ"? Мы полагаемъ, что *это указываетъ на одну княжескую фамилію или родъ,* къ которому принадлежали всѣ эти князья и княгини; и такъ какъ, по всѣмъ даннымъ, *главнымъ мѣстомъ ихъ жительства былъ городъ Пермь Великая - Чердынь*, гдѣ находилась и родовая ихъ усыпальница, то всѣ они въ этомъ смыслѣ и объединялись въ одномъ наименованіи *Великопермскихъ* князей.

Въ Перми Вычегодской, какъ и въ Великой, первое время по присоединеніи ея къ Москвѣ, также оставались туземные князья (до смерты Іоанна III) въ качествѣ *слугъ* великаго князя. Это было, слѣдовательно, между 1471—1505 г.г. Резиденціей ихъ на Вычегдѣ былъ, конечно, Усть-Вымъ, гдѣ въ то время находилась еще епископская каѳедра. И дѣйствительно, другіе источники относятъ время жизни упомянутыхъ выше „Вымскихъ" князей, названныхъ такъ по временному мѣсту жительства, къ означенному періоду времени. Вотъ факты:

Въ 1465 году Іоаннъ III велѣлъ Устюжанину Василію Скрябѣ воевать Югорскую землю. Съ нимъ отправились добровольцы и также *князь Василій Ермолаевичъ Вымскій* съ Вымичами и Вычегжанами. Они привели Югорскую землю за великаго князя, доставивъ въ Москву двухъ Югорскихъ князей. Но Іоаннъ снова отпустилъ ихъ въ Югру, наложивъ

*) «Исторія Россіи» *Соловьева,* V, 95.

**) «Акты Историческіе», т. III, стр. 376—377, гдѣ см. грамоту о его ссылкѣ 1641 года.

на нихъ дань, какъ въ 1472 г. поступилъ и съ Пермскимъ княземъ Михаиломъ. Далѣе въ 1485 г. благодаря стараніямъ Пермскаго епископа Филоѳея, князья Югорскіе, такъ называемые Кодскіе-Молданъ, уже бывшій въ плѣну у Русскихъ, но вновь отпущенный на свободу, и трое другихъ заключили миръ подъ городомъ Усть-Вымомъ *съ князьями Вымскими Петромъ и Ѳедоромъ*, съ Вычегодскимъ сотникомъ и владычнимъ слугою, клялись „лиха не мыслить и не нападать на Пермскихъ людей, *а предъ великимъ княземъ вести себя исправно*", при чемъ, по своему обычаю, въ знакъ скрѣпленія данной клятвы, пили воду съ золота *). Изъ этихъ фактовъ очевидно, когда и при какихъ обстоятельствахъ жили всѣ четыре Вымскіе князя.

Время жизни прочихъ Пермскихъ князей и княгинь, поименованныхъ въ Чердынскомъ синодикѣ, достаточно ясно видно изъ хронологической даты самаго памятника, въ которомъ всѣ имена князей и княгинь пріурочены къ одному 1477 году. Слѣдовательно, *всѣ 14 князей и княгинь Пермскихъ, занесенныхъ въ синодикъ Чердынскаго Богословскаго монастыря, жили во второй половинѣ XV и началѣ XVI вѣка.* Судя же по многочисленности ихъ рода и по факту упоминанія въ историческомъ документѣ 1641 года Великопермскаго князя Матвѣя,—родъ князей Пермскихъ продолжался впослѣдствіи еще долго. Это уже спеціальный вопросъ генеалогіи, не входящій въ задачу настоящаго изслѣдованія, имѣющаго своимъ предѣломъ первую четверть XVII вѣка.

Теперь намъ нужно прослѣдить до этого предѣла исторію гражданскаго управленія Перми Великой при государевыхъ Московскихъ намѣстникахъ и воеводахъ, начиная съ перваго изъ нихъ, упомянутаго выше, князя Василія Андреевича Ковра, т. е. съ 1505 года.

---

*) *Соловьевъ*, «Исторія», V, 94—95.

Въ предъидущей V главѣ мы уже во всѣхъ подробностяхъ прослѣдили постепенныя измѣненія въ административномъ раздѣленіи Перми Великой съ XV и до второй четверти XVII в. Какъ сказано было, въ Новгородскомъ періодѣ въ Перми Великой были извѣстны четыре *туземныхъ* города: Искоръ въ Верхнемъ станѣ Пермскаго-Чердынскаго уѣзда, Уросъ, Чердынь и Покча—въ Нижнемъ и Окологородномъ станахъ. Около 1430 года Русскіе заводятъ новое поселеніе Усолье Камское. Судя по мѣстнымъ преданіямъ и по тому, что при крещеніи Перми Чердынь была избрана средоточіемъ духовной жизни въ краѣ, гдѣ основанъ былъ св. Іоною и *первый* монастырь для всей этой страны, сдѣлавшійся, какъ есть основанія думать, усыпальницею всѣхъ Пермскихъ князей; судя наконецъ по самому наименованію города *Пермью Великой*, тожественному съ названіемъ всей страны, мы убѣждены, что *именно Чердынь съ древнѣйшихъ временъ и была главной резиденціей Великопермскихъ туземныхъ князей, столицей всей Перми Великой*. Отчасти такое значеніе города Чердыни можно усмотрѣть и изъ того, что, по завоеваніи страны Русскими въ 1472 году, князь Ѳедоръ Пестрый не безъ умысла избралъ мѣстопребываніемъ Московскихъ намѣстниковъ сосѣдній городокъ Покчу, а не Чердынь, дабы порвать традиціонныя связи съ славнымъ прошлымъ города, главнѣйшаго во всей странѣ, и низвести бывшую княжую столицу на степень обыкновеннаго города. Маленькій Пермскій городокъ Покча былъ съ умысломъ предпочтенъ бывшей столицѣ Пермскихъ князей. Въ Покчѣ князь Пестрый „срубилъ городокъ“, т. е. построилъ небольшое деревянное укрѣпленіе, и „сѣде въ немъ, и приведе всю землю ту за великого князя; и оттуду послалъ князь Ѳедоръ князя Михаила къ великому князю,..... а самъ остался тамо въ городкѣ“ (Никонов. лѣт.). Впрочемъ предпочтеніе Покчи городу Чердыни можетъ быть еще объяснено и тою обидою Московскимъ купцамъ, которую нанесли имъ Чердынцы, и которая

была для Іоанна III. предлогомъ къ походу на Великопермскую землю. Городокъ Покча (нынѣ село) отстоялъ отъ Чердыни въ сѣверу всего на 5 верстъ и находился при устьѣ рѣчки Кемзелки, при впаденіи ея въ Колву. Два другіе Пермскіе города—Искоръ и Уросъ были дальше отъ Чердыни, въ сторонѣ отъ удобнаго водянаго пути по рѣкѣ Колвѣ и потому были оставлены Пестрымъ безъ вниманія. Искоръ и Покча послѣ были низведены на степень погостовъ (селъ), а Уросъ совсѣмъ былъ заброшенъ и забытъ Русскими на столько, что теперь достовѣрно даже не извѣстно мѣстонахожденіе древняго Уроса.

Что же касается времени *перваго* основанія самой Чердыни, какъ поселенія, то этотъ вопросъ даже приблизительно не можетъ быть рѣшенъ, за совершеннымъ отсутствіемъ историческихъ данныхъ. *Вопросъ о началѣ Чердыни сливался какъ-то самъ собою съ вопросомъ о Біарміи, и, какъ все въ этой туманной области, такъ и остался не вырѣшеннымъ сколько нибудь удовлетворительно.* Въ литературѣ о началѣ Чердыни образовалось, поэтому, также двѣ партіи—апологетовъ и скептиковъ, изъ которыхъ первые относили начало города чуть не къ доисторической эпохѣ (напр. *Чулковъ* въ „Описаніи Россійской Коммерціи“), а вторые высказывали сомнѣніе въ существованіи Чердыни даже во времена св. Стефана (*Берхъ* въ „Путешествіи“, стр. 74). И то, и другое мнѣніе, конечно,—крайности, и разсуждая безпристрастно, мы должны признать фактъ существованія Чердыни задолго до св. Стефана. Св. Іона крестилъ Великую Пермь чрезъ 67 лѣтъ по кончинѣ великаго первосвятителя и нашелъ Чердынь, какъ можно догадываться, наиболѣе значительнымъ городомъ въ этой странѣ и притомъ княжей столицей. Родъ князей Пермскихъ былъ довольно обширенъ въ то время и, безъ всякаго сомнѣнія, существовалъ въ Пермской странѣ давно. Молчаніе же источниковъ о далекомъ городѣ, въ которомъ долго, долго не было *ниодного русскаго человѣка,*—дѣло весьма

обыкновенное, если вспомнимъ, что наши лѣтописи не сочли нужнымъ отмѣтить въ исторической жизни Перми даже крупный фактъ подчиненія ея Новгороду Великому. *Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію старѣйшинство Чердыни среди всѣхъ другихъ городовъ Перми Великой.* На чемъ нибудь основано же мѣстное преданіе о томъ, будто этотъ городъ стоитъ уже *на пятомъ мѣстѣ,* при чемъ нѣкогда онъ былъ, будто-бы, при Камѣ, а не при Колвѣ, и что первые *русскіе* поселенцы въ *пермскомъ* городѣ были выходцы Новгородскіе, а не Московскіе! *).

Первымъ же значительнымъ поселеніемъ, основаннымъ самими Русскими въ Перми Великой, было Усолье Камское—впослѣдствіи Соликамскъ. Сообщенное *Берхомъ* извѣстіе („Путешествіе“, стр. 1—4), извлеченное имъ изъ одной древней рукописи, что Усолье Камское основано около 1430 года посадскими людьми *Калинниковыми,* теперь принято всѣми изслѣдователями за достовѣрное. Слѣдовательно, Соликамскъ, по степени древности, былъ вторымъ значительнымъ городомъ въ Перми Великой въ концѣ Новгородскаго періода ея исторіи. Этимъ объясняется, почему Усолье Камское съ своими деревнями очень рано обособилось отъ Чердыни въ особый Усольскій уѣздъ, а со временемъ явилось соперникомъ и самой Чердыни по административному значенію въ Великопермской странѣ.

Порядокъ основанія всѣхъ прочихъ значительныхъ русскихъ поселеній въ Перми Великой мы уже указали въ предъидущей V главѣ. Взаимныя отношенія Строгановскихъ слободъ, городковъ и острожковъ между собою мы видѣли тамъ же; видѣли и отношеніе вотчинъ Строгановыхъ и монастырей Пыскорскаго и Богословскаго, а также города Кая къ Великопермскимъ намѣстникамъ. Теперь необходимо подробно прослѣдить взаимныя административныя отношенія

*) *Берхъ:* «Путешествіе», стр. 56—57.

Чердыни и Соликамска—этихъ двухъ важнѣйшихъ Великопермскихъ городовъ, чего выше мы не могли еще сдѣлать.

Недолго городокъ Покча оставался мѣстопребываніемъ государевыхъ намѣстниковъ въ Перми Великой. Въ 1535 г. деревянное его укрѣпленіе сгорѣло. Для постройки новаго укрѣпленія изъ Москвы былъ посланъ въ Пермь Давыдъ Семеновичъ Курчовъ. По его соображеніямъ, главное средоточіе управленія Перми Великой изъ Покчи было переведено въ Чердынь, какъ было до покоренія Перми. Въ то время страною правили уже не Пермскіе князья, а Московскіе намѣстники, начиная съ 1505 г. Во время пожара Покчи, конечно, намѣстникомъ былъ уже не князь Василій Андреевичъ Коверъ, а кто-то другой, оставшійся неизвѣстнымъ. Давыдъ Курчовъ на новомъ мѣстѣ, въ Чердыни, построилъ „деревянный городъ", какъ видно изъ послѣдующихъ описей Чердынской крѣпости *). Этотъ городъ въ свою очередь горѣлъ впослѣдствіи не одинъ разъ, но не переставалъ служить мѣстопребываніемъ государевыхъ намѣстниковъ и воеводъ цѣлое столѣтіе—до 1636 г. Изъ источниковъ не видно, былъ-ли намѣстникомъ Чердынскимъ строитель тамошней крѣпости Давыдъ Семеновичъ Курчовъ и, если былъ, то сколько лѣтъ. Начиная съ перваго русскаго намѣстника въ Перми Великой, князя Василія Ковра, правившаго съ 1505 не извѣстно до котораго года, въ лѣтописяхъ, грамотахъ и другихъ источникахъ мы встрѣчаемъ слѣдующихъ Великопермскихъ намѣстниковъ и воеводъ, жившихъ въ Чердыни и вѣдавшихъ тремя уѣздами—Пермскимъ-Чердынскимъ, Усольскимъ и Кайгородскимъ. Наиболѣе полный и старательно составленный списокъ ихъ уже сдѣланъ почтеннымъ протоіереемъ Пермскаго каѳедральнаго собора о. *Александромъ*

*) Археологическое описаніе памятниковъ древности Чердыни, Соликамска и другихъ городовъ будетъ сдѣлано нами въ слѣдующихъ выпускахъ «Пермской Старины».

Луканинымъ, изъ книги котораго мы и заимствуемъ его, во избѣжаніе вторичнаго напраснаго труда *).

Великопермскіе намѣстники и воеводы, жившіе въ Чердыни въ 1505—1613 г.г.

1. Князь Василій Андреевичъ Коверъ съ 1505 г.

2. Князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ упоминается въ 1572 году.

3. Василій Педепелицынъ или Пеленицынъ упомин. въ 1581 году.

4. Князь Иванъ Михайловичъ Елецкій упом. въ 1582 г.

5. Никифоръ Васильевичъ Троханіотовъ упом. въ 1592 г.

6. Сарычъ Шестаковъ 1594—1596 г.г.

7. Василій Петровичъ Головинъ да съ нимъ Иванъ Васильевичъ Воейковъ упоминаются вмѣстѣ въ 1598 году. Они правили одновременно Пермью Великой и Верхотурьемъ, которое и основано было въ 1598 г.

8. Григорій Іевлевъ или Гиневлевъ 1599—1601 г.г.

9. Андрей Васильевичъ Безобразовъ упом. въ 1605 г.

10. Князь Семенъ Юрьевичъ Вяземскій да съ нимъ подъячій Иванъ Өедоровъ 1606—1607 г.г.

11. Өедоръ Петровичъ Акинөовъ да съ нимъ подъячій Наумъ Романовъ 1608—1609 г.г.

12. Иванъ Семеновичъ Чемодановъ 1610—1612 г.г.

13. Петръ Степановичъ Нащокинъ одинъ годъ 1613-й.

За все время съ 1505 до 1613 года Усолье Камское, наравнѣ съ Кайгородомъ, считалось Великопермскимъ *пригородомъ* и было въ подчиненіи у Чердынскихъ намѣстниковъ и воеводъ, власть которыхъ распространялась на всю Пермь Великую за исключеніемъ вотчинъ Строгановыхъ, Пыскор-

*) «Церковно-историческое и археологическое описаніе г. Соликамска», Пермь. 1882 г., стр. 130—137. Въ «Памятной книжкѣ Пермской губерніи на 1863 годъ», составленной *С. Пенномъ,* въ очень дѣльной статьѣ г. *Пенна* «Матеріалы для исторіи Пермскаго края» списокъ намѣстниковъ однако не столь полонъ и обстоятеленъ, какъ у о. *Луканина.*

скаго и Богословскаго монастырей. Но въ 1613 году, со вступленіемъ на престолъ новой династіи, происходитъ важная административная перемѣна въ Перми Великой: съ этого года Соликамскъ и его Усольскій уѣздъ имѣетъ своихъ воеводъ, независимо отъ Чердыни, гдѣ воеводство продолжалось своимъ чередомъ. Это было съ 1613 до 1636 года, когда обоими уѣздами опять сталъ править одинъ воевода, жившій однако же въ Соликамскѣ. Такъ управлялась Пермская область до 1717 года, когда, по указу Петра Великаго, въ Чердынь снова стали назначать особыхъ воеводъ съ званіемъ комендантовъ. Укажемъ особыхъ Чердынскихъ и Соликамскихъ воеводъ, правившихъ въ періодѣ времени 1613—1636 г.г.

Особые Чердынскіе воеводы, бывшіе между 1613—1636 г.г.

14. Иванъ Дмитріевичъ Кологривой упом. въ 1628 г.

15. Князь Петръ Владиміровичъ Клубковъ-Масальскій упом. въ 1629 г.

16. Сарычъ Никитичъ Линевъ упом. въ 1630 г.

17. Николай Никитичъ Новокщеновъ 1631—1632.

18. Иванъ Аѳанасьевичъ Стражневъ уп. въ 1632 г.

19. Лаврентій Александровичъ Кологривовъ уп. въ 1634 г.

Особые Соликамскіе воеводы, бывшіе между 1613—1636 г.г.

1. Іовъ Нестеровичъ Лачиновъ, *первый* Соликамскій воевода, былъ одинъ годъ 1613-й.

2. Левъ Ильичъ Волковъ 1614—1616 г.г.

3. Богданъ Поликарповичъ Лупандинъ 1617 г.

4. Гаврило Васильевичъ Лодыгинъ да съ нимъ дьякъ Степанъ Пустошкинъ 1617 г.

5. Князь Андрей Романовичъ Тюменскій 1617—1618 г.г.

6. Никита Ѳедоровичъ Глѣбовъ 1619 г.

7. Василій Ѳедоровичъ Бутурлинъ да съ нимъ Макарій Внуковъ 1620—1622 г.г.

8. Воинъ Лукъяновичъ Корсаковъ 1622—1623 г.г.*).

9. Гаврило Михайловичъ Веревкинъ да съ нимъ Яковъ Бутримовъ и Мосѣй Өедоровичъ Глѣбовъ 1623—1626 г.г.

10. Захарій Петровичъ Шишкинъ 1626 г.

11. Воинъ Лукъяновичъ Карповъ 1627 г.

12. Иванъ Леонтьевичъ Скобельцынъ 1628 г.

13. Василій Васильевичъ Сьяновъ 1629 г.

14. Богданъ Семеновичъ Зміевъ 1630 г.

15. Никита Наумовичъ Бѣглецовъ 1631 г.

16. Илья Ивановичъ Зубовъ 1632 г.

17. Захарій Григорьевичъ Шишкинъ 1635 г.

18. Христофоръ Өедоровичъ Рыльскій 1636 г.

Съ 1636 года воеводы опять стали править вмѣстѣ Чердынью и Соликамскомъ, какъ было до 1613 года, но мѣстопребываніе теперь они имѣли въ Соликамскѣ, а не въ Чердыни. Я объясняю это предпочтеніе Соликамска Чердыни измѣненіемъ направленія главнаго Сибирскаго пути съ 1595 года, когда, съ проложеніемъ Бабиновской дороги, Чердынь осталась въ сторонѣ отъ главнаго транзитнаго пути изъ Европ. Россіи въ Сибирь. Въ виду существованія внутреннихъ таможень, пребываніе воеводы въ Соликамскѣ являлось даже необходимостію. Первымъ *Соликамскимъ и Чердынскимъ воеводою* былъ Богданъ Ивановичъ Комынинъ въ 1636—1639 г.г. Дальнѣйшихъ воеводъ мы не перечисляемъ, а упомянемъ еще одного Прокопія Козьмича *Елизарова* (1647—1648 г.г.), производившаго, по порученію правительства, новую перепись въ Перми Великой въ 1647 году. Послѣ описей Яхонтова и Кайсарова это была *третья* по времени всеобщая перепись Великопермской страны.

---

*) При немъ всю Пермь Великую, за исключеніемъ Кайгородскаго уѣзда, описывалъ Михаилъ Кайсаровъ, который и упоминаетъ воеводу Корсакова въ своей писцовой книгѣ.

Каково было управленіе Великопермскихъ намѣстниковъ—можно видѣть изъ достопамятной грамоты Іоанна Грознаго отъ 1580 г. Чердынскимъ старостамъ, цѣловальникамъ и „всѣмъ Чердынцомъ“ о неприкосновенности владѣній Іоанно-Богословскаго монастыря, поручавшей имъ, Чердынцамъ, наблюденіе за дѣйствіями ихъ намѣстника по отношенію къ монастырю. Много и краснорѣчиво говорятъ намъ слова этой грамоты о намѣстникахъ: „И вы бъ (всѣ Чердынцы) Богословскаго монастыря строителя Варлама съ братьею и ихъ крестьянъ *отъ Пермъскихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ и доводчиковъ берегли во всемъ, что бъ имъ и ихъ крестьяномъ обидъ и насильствъ не чинили*“..... Вредный обычай „кормленія“ повсемѣстно сопровождался одними и тѣми же крайне печальными явленіями съ одной стороны вымогательства, а съ другой—понятнаго мѣстнаго недовольства. Мы полагаемъ, что Строгановскіе захваты чужихъ земель, о коихъ говорилось въ предъидущей главѣ, совершались не безъ вѣдома мѣстныхъ воеводъ, имѣвшихъ много *личныхъ* побужденій держать сторону богачей-землевладѣльцевъ, хотя бы правда была не на ихъ сторонѣ. И это правонарушеніе допускалось самими блюстителями закона, не смотря на точно опредѣленный окладъ содержанія, вполнѣ достаточный для одного семьянина.

Въ Чердынской писцовой книгѣ Яхонтова 1579 года указанъ слѣдующій „доходъ намѣстничь съ Чердыни съ посаду и съ уѣзду“: *корму* на Рождество Христово деньгами 13 рублей, 32 алтына, $1^1/_2$ деньги, на Великъ день—6 руб. 32 алтына 5 ден., на Петровъ день—деньгами столько же, какъ на пасхѣ; и всего намѣстнику на три праздника корму деньгами 27 руб. 31 алт. $1^1/_2$ деньги. „Съ сохи по рублю и по двѣ гривны—то ему съ тіуномъ и съ доводчикомъ“. Яхонтовъ полагалъ въ соху 64 двора, а во всемъ Пермскомъ-Чердынскомъ уѣздѣ было 1,131 дворъ пашенныхъ крестьянъ и 362 двора непашенныхъ, итого 1,493 двора и

въ нихъ 1,700 человѣкъ муж. пола; слѣдовательно намѣстникъ получалъ по рублю и по 2 гривны съ 23 сохъ слишкомъ. „Да вишерскіе соли съ 7 варницъ намѣстнику по 20 пудъ на годъ съ варницы“. „Изъ съѣзжаго корму намѣстнику кто что принесетъ, то ему и взять“, добавляетъ писцовая книга. „Намѣстнику жъ надъ посадскими людьми и надъ *вольными* крестьяны, говорится далѣе,— судъ да убрусное (плата съ новобрачныхъ) и лѣсная пошлина, да пятно (клеймо, тавро); присудную пошлину и уѣздъ и хоженое (плата разсыльнымъ намѣстника), и убрусную и лѣсную пошлину и пятно давати намѣстнику по Чердынской по уставной грамотѣ (1554 г.); а въ Чердыни на посадѣ держати намѣстнику кабакъ и въ кабакѣ держати на продажу вино, медъ и пиво. И на посадѣ и въ уѣздѣ держати намѣстнику тіуна да 3 доводчиковъ. Намѣстнику жъ рыбная ловля на рѣкѣ на Вишерѣ, на усть Колвы рѣки; а ловятъ рыбу намѣстнику своими людьми, или кого наймутъ; да на рѣкѣ на Колвѣ, противъ города, противъ починка Покчи, намѣстничьихъ луговъ на 300 копенъ“ *).

Таково было въ 1579 г. довольствіе Великопермскаго намѣстника съ одного Чердынскаго уѣзда. Но сверхъ того ему полагался доходъ съ Усольскаго уѣзда, не имѣвшаго еще своихъ особыхъ воеводъ: на Рождество деньгами 3 рубля 10 алтынъ, на Великъ день 1 рубль 20 алтынъ 10 денегъ, на Петровъ день—какъ на пасхѣ, всего на 3 праздника деньгами 6 рублей 20 алтынъ. Съ сохи по рублю и по двѣ гривны—то ему съ тіуномъ и съ доводчикомъ; да въѣзжаго кто сколько дастъ; да съ 16 варницъ по 20 пудъ соли съ каждой; да ему же пошлины судебныя, убрусныя и лѣсныя да пятно. Да въ Усольѣ Камскомъ на посадѣ держать намѣстнику кабакъ, а въ немъ вино, медъ и пиво; да ему же съ Григорова озерка давать ежегодно двѣ бочки мелкой

*) См. оттискъ Чердынскихъ книгъ Яхонтова, Пермь, 1878 г., стр. 42—44 и *Берха* «Путешествіе», стр. 193—195.

рыбы; либо деньгами за рыбу 1 рубль два гривны, по 20 алтынъ за бочку рыбы (*Верх.*, стр. 190—191).

Неужели такое довольствіе можно назвать скуднымъ по своему времени? А между тѣмъ Великопермскіе намѣстники имъ не довольствовались въ 1580 г., судя по жалобѣ Чердынскихъ монаховъ,—не смотря на то, что въ то время Соликамскъ не имѣлъ еще своего воеводы, и всѣ доходы съ Усольскаго уѣзда шли въ пользу тѣхъ же Великопермскихъ воеводъ. Мы увѣрены, что послѣдніе получали доходы и съ уѣзда Кайгородскаго, въ виду его принадлежности къ Перми Великой, хотя прямыхъ данныхъ по этому вопросу въ источникахъ мы не нашли.

Широкое поле для злоупотребленій воеводъ и ихъ чиновниковъ представлялъ въ этомъ краѣ и азіатскій торговый транзитъ. Мы знаемъ уже, что чрезъ Пермь Великую шелъ главный Сибирскій путь. Онъ пролегалъ сначала чрезъ Ярославль, Тотьму, Устюгъ, южную часть Усть-Сысольскаго уѣзда, чрезъ Кайгородъ, Соликамскъ и Чердынь за Уралъ на рѣку Лозьву; но въ 1595 г., по разслѣдованію Артемія Бабинова, путь направился южнѣе, минуя Чердынь, изъ Соликамска прямо на востокъ, на село Ростесъ, и за Уралъ на Верхотурье. Но и въ этомъ случаѣ путь все таки пролегалъ чрезъ Пермь Великую. Изъ Сибири по нему везли мѣха и другія произведенія страны въ сыромъ, необработанномъ видѣ, а туда слѣдовали преимущественно произведенія мануфактуры и въ очень незначительномъ количествѣ хлѣбъ. *Въ Верхотурье находилась главная таможня по торговлѣ съ Сибирью,* а въ Соликамскѣ и Чердыни были, по свидѣтельству Кайсарова, „таможенныя избы“. До основанія же Верхотурья (1598 г.) главное таможенное управленіе было сосредоточено, по всей вѣроятности, въ Чердыни. Другой дорогой правительство запрещало возить товары какъ изъ Россіи въ Сибирь, такъ и обратно, хотя контрабанда, конечно, существо-

вала*). Замѣчательно, что хлѣбородная Сибирь долго продовольствовалась хлѣбомъ, привозимымъ изъ Евр. Россіи. Для доставки въ Сибирь русскіе купцы (большею частію изъ Москвы) зимою закупали хлѣбъ большими партіями чрезъ своихъ прикащиковъ или „покрученниковъ“ и до вскрытія рѣкъ складывали этотъ хлѣбъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ, что бы весенней водою сплавить его въ Сибирь. *Города, въ которыхъ были такіе склады хлѣба, предназначеннаго для Сибири, получили названіе „поморскихъ городовъ“.* Это были: Устюгъ Великій, Тотьма, Сольвычегодскъ, Вымь, Яренскъ, Вятка съ своими пригородами и въ *Перми Великой Чердынь, Кайгородъ и Соль Камская.* Доказательство тому, что эти три Великопермскіе города принадлежали къ числу *„поморскихъ“*, мы находимъ въ грамотѣ царя Ѳеодора Алексѣевича Верхотурскому воеводѣ Ивану Ѳедоровичу Пушкину да дьяку Дмитрію Аѳанасьеву отъ 24 іюля 1678 г., гдѣ между прочимъ читаемъ: „Въ прошлыхъ годѣхъ, по указомъ блаженные памяти дѣда нашего, Государева, вел. гос. царя и в. кн. Михаила Ѳеодоровича и отца нашего ... Алексѣя Михайловича, *возили въ Сибирь, на Верхотурье, сошные хлѣбные запасы изъ поморскихъ городовъ — съ Устюга Великого, отъ Соли Вычегоцкой, съ Вятки съ пригороды, съ Чердыни, съ Кайгородка, съ Соли Камской, съ Выми, съ Яренского городка, съ посадовъ и съ уѣздовъ, и съ Сысольскихъ волостей* посадскіе люди и уѣздные крестьяне ...“ **). *Н. И. Костомаровъ* слѣдующими словами характеризуетъ „порядки“ на нашихъ таможенныхъ заставахъ въ XVI—XVII в.в.: „Не обезпеченный закономъ, торговый человѣкъ былъ постоянно подъ произволомъ воеводъ, таможенныхъ и приказныхъ людей,

*) Такъ въ XVII вѣкѣ купцы самовольно ѣздили изъ Казани чрезъ Кунгуръ и Уфу на *Катайскій острогъ,* что на р. Исети въ нынѣшнемъ Камышловскомъ уѣздѣ, а оттуда въ Ялуторовскъ. Это заставило правительство въ 1680 году учредить въ Катайскомъ острогѣ, «на старой Казанской дорогѣ», постоянную таможенную заставу. «Акты Историч.» V, 363.

**) «Дополненія къ Актамъ Историч.» VII, стр. 109.

которые при удобномъ случаѣ не забывали пользоваться на счетъ купца лихоимствомъ. Собиратели пошлинъ непремѣнно постараются сорвать съ торговца что нибудь лишнее. На заставахъ, мостахъ, перевозахъ и проч., кромѣ установленныхъ поборовъ, его не пропустятъ безъ взятки. *Посадскія общины въ XVII вѣкѣ были угнетены воеводами, которые вмѣшивались въ общинное управленіе.* Намъ остались жалобы цѣлыхъ посадовъ на воеводъ, жалобы, въ которыхъ посадскіе грозили разбрестись розно. Правительство дѣйствительно старалось ограничить своевольство воеводъ и приказныхъ надъ торговымъ классомъ, но эти ограниченія ничего не значили, ибо воеводы и приказные, обладая административною и судейскою властью, всегда могли найти беззаконныя средства къ наживѣ. Торговый уставъ 1667 года*), для избѣжанія проволочекъ, приказалъ вѣдать всѣхъ торговцевъ въ одномъ Приказѣ, которато обязанность была охранять ихъ отъ *воеводскихъ налоговъ*, но въ немъ сидѣли такіе же подьячіе. Сосредоточенность судебныхъ дѣлъ въ Москвѣ подвергала посадскихъ невыносимымъ стѣсненіямъ: они должны были ѣздить въ Москву съ мѣста своего жительства, иногда за тысячу верстъ, оставлять свои промыслы, проживаться въ Москвѣ. Посадскіе жаловались, дѣло длилось, съ нихъ брали взятки, и наконецъ изъ Приказа присылали воеводѣ грамоту, которая предписывала ему охранять посадскихъ людей; *а этотъ воевода первый готовъ былъ дѣлать съ ними всякія своевольства*“**). „Но не только воеводы и подьячіе утѣсняли торговцевъ, поясняетъ *Н. И. Костомаровъ; случалось, что сосѣдній помѣщикъ или вотчинникъ (въ Пермскомъ краѣ,* какъ мы видѣли, *Строгановы) наѣзжалъ на посадъ и дѣлалъ въ немъ разныя безчинства*. Если ко всему этому прибавить трудность и опасность пере-

*) Въ «Собраніи государств. грамотъ и договоровъ», т. IV, 208.

**) «Очеркъ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ» СПБ. 1862 г., стр. 163—164.

возки торговыхъ грузовъ и приключенія, какимъ торговецъ подвергался въ дорогѣ отъ разбойниковъ, которыми такъ изобиловала наша матушка Русь и на водяныхъ, и на сухихъ путяхъ, то мы легко поймемъ, почему русскій купецъ долженъ былъ сдѣлаться плутомъ, и почему, не смотря на склонность къ торговлѣ и на способность и изворотливость, русскій купецъ былъ бѣденъ" *). Эти полныя глубокой исторической правды слова незабвеннаго *Н. И. Костомарова* вполнѣ подтверждаются многими мѣстными историческими документами Пермскаго края и многочисленными фактами въ прошлой жизни этого края.

Права посадскихъ людей въ Перми Великой были точно опредѣлены особою „Великопермскою уставною грамотою" Чердынцевъ и Усольцевъ XVI вѣка, первоначально напечатанной *Берхомъ* („Путешествіе", стр. 121—134). Безспорно, въ отношеніи къ древней Великой Перми это—историко-юридическій документъ первостепенной важности, и такъ какъ Берхово изданіе его 1821 года теперь стало библіографической рѣдкостью, а въ изданія Археографической Коммиссіи эта грамота не вошла, то я считаю весьма полезнымъ перепечатать „Великопермскую уставную грамоту XVI вѣка" въ первомъ выпускѣ настоящаго сборника, посвященномъ спеціально Перми Великой **).

Грамота написана по формѣ всѣхъ другихъ документовъ этой категоріи. Самое начало ея пострадало отъ времени, но изъ него все же видно, что побудило Чердынцевъ и Усольцевъ (Соликамцевъ) просить для себя царской уставной грамоты. Жалобы на своеволіе намѣстниковъ, ихъ тіуновъ и доводчиковъ слышатся въ первыхъ же строкахъ грамоты,

*) «Очеркъ торговли», стр. 164—165.

**) *Шишонко* не счелъ нужнымъ помѣстить подъ 1558 годомъ своей «Пермской Лѣтописи» Великопермскую уставную грамоту, а ограничился только упоминаніемъ ея. См. томъ I, стр. 39—40.

по обыкновенію повторяющей вкратцѣ содержаніе челобитной посадскихъ людей, слѣдствіемъ которой и была грамота. „Да наши жъ Пермскіе намѣстники, писали посадскіе люди изъ Перми Великой, посылаютъ по Пермской землѣ своихъ людей, тіуновъ и доводчиковъ, луковъ писати*) и кормовъ брати, *и намѣстничіе-де люди приписываютъ у нихъ многіе луки лишніе, и Пермичемъ де въ тѣхъ лишнихъ лукехъ чинятъ продажи и убытки великіе*..... *и они-де въ томъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей*, отъ тіуновъ и отъ доводчиковъ, *охудали и опустѣли и впредь имъ прожити безъ нашія грамоты уставныя не можно*". Такимъ образомъ посадскіе люди надѣялись найти въ уставной грамотѣ защиту отъ насильствъ. Мы видѣли, что эта надежда ихъ далеко не всегда оправдывалась на дѣлѣ.

Въ самой уставной грамотѣ на первомъ мѣстѣ поставлены не безъ основанія доходы намѣстника. Любопытно сравнить ихъ съ указанными позже въ книгѣ Яхонтова и намъ уже извѣстными. Основаніемъ раскладки податей взято въ уставной грамотѣ число бѣлокъ. На Рождество намѣстникъ получалъ за 1400 бѣлокъ 14 рублей—по 2 деньги за бѣлку, на Великъ день (пасху) „намѣстнику корму и его тіуну и доводчикомъ (двумъ) за 700 бѣлокъ семь рублей"; на Петровъ день имъ же за 700 бѣлокъ семь рублей „по двѣ же деньги за бѣлку". Да съ Вышерской варницы имъ полагалось соли ежегодно по пяти *саницъ*, т. е. 30 пудовъ соли (*сатца* равнялась 6 пудамъ), „по старинѣ". Мы видѣли, что у Яхонтова полагалось съ 7 варницъ по 20 пудовъ, всего 140 пудовъ соли, и что у него уже нѣтъ исчисленія податей по числу бѣлокъ: „А опричь того, добавляетъ уставная грамота, намѣстнику и его тіуну и доводчикамъ съ нихъ

*) При существованіи преобладающаго охотничьяго промысла, въ Чердынскомъ краѣ подати брались *и съ сохи, и съ охотничьяго лука*. Люди обязаны были платить или бѣлками, или—соотвѣтственно ихъ стоимости—деньгами. Такъ поступало наше правительство и съ инородцами.

пошлины нѣтъ; *а берутъ кормъ намѣстничь и тіуновъ и доводчиковъ поборъ старосты и люди добрые Пермяки сами*, да отдаютъ кормъ намѣстнику и съ тіуны и съ доводчики въ городѣ, *а сами намѣстники и тіуны и доводчики по погостамъ луковъ писати и кормъ брати не ѣздятъ*". Что означаютъ такія оговорки царской грамоты — ясно безъ поясненій.

Такъ какъ въ приложеніяхъ мы помѣщаемъ весь подлинный текстъ уставной грамоты, то подробныхъ выписокъ изъ нея здѣсь мы не станемъ дѣлать, а ограничимся лишь немногими нужными замѣчаніями. Во всей грамотѣ Чердынцы именуются то Пермичами, то Великопермцами и вездѣ уравниваются въ правахъ съ Усольцами, т. е. Соликамцами. Иногда тѣ и другіе вмѣстѣ называются общимъ именемъ *Пермяки* въ смыслѣ обитателей всей Перми Великой. Важна въ одномъ мѣстѣ ссылка уставной грамоты XVI в. на какія-то старинныя грамоты Пермскихъ князей, доказывающія, что и въ Новгородскомъ періодѣ въ Перми Великой существовали юридически-опредѣленныя отношенія.

Уставная Великопермская грамота точно опредѣляетъ между прочимъ торговыя права Чердынцевъ и Усольцевъ. Изъ этихъ мѣстъ грамоты можно видѣть отношенія ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ Перми Великой — на сѣверѣ къ Устюжанамъ и Вычегжанамъ, на западѣ — къ Вятчанамъ, на востокѣ — къ Вогуламъ и на югѣ — къ Остякамъ. Изъ грамоты видно, что Пермскіе намѣстники, получая хорошее обезпеченіе, тѣмъ не менѣе отъ себя посылали своихъ людей „съ Пермскимъ со всякимъ товаромъ торговати" въ волоку Тюменскому, и къ Вогуламъ и на Сылву къ Остякамъ — въ тѣ мѣста, куда ѣздили для торговли Чердынскіе и Усольскіе посадскіе люди; и намѣстничьи торговые люди запрещали посадскимъ людямъ производить торговлю до тѣхъ поръ, пока сами распродадутъ весь свой товаръ, чѣмъ, конечно, причиняли посадскимъ людямъ „убытки великіе". Кромѣ того

корыстолюбивые намѣстники вступались у Пермичей въ ихъ рыбную ловлю, нанося имъ и тутъ убытокъ. Уставная грамота воспрещаетъ отъ имени самого царя то и другое лихоимство. Устюжанамъ, Вычегжанамъ и Вятчанамъ пермская грамота предоставляетъ исключительное право вести торговыя дѣла въ Перми, о чемъ подробно сказано было и въ „Уставной Устюжской грамотѣ“, по которой они должны были поступать; а ѣздить въ Пермь для торговыхъ дѣлей, въ ущербъ мѣстнымъ торговымъ людямъ, изъ городовъ Московской, Новгородской и Тверской земель воспрещалось. „*И съ оными никакими дѣлы не ѣздятъ* (въ Пермь) *никто опричь Устюжанъ и Вычегжинъ и Вятчанъ.* А Устюжана и Вычегжана и Вятчана ѣздятъ къ нимъ торговати со всякимъ товаромъ *по своей грамотѣ, по жалованной по уставной по Устюжской* и возять отъ нихъ товаръ всякой и соль, куда хотятъ, съ ними“.

Таково было управленіе Перми Великой и отношеніе ея къ сосѣдямъ въ мирное время. Но Великопермскій край, долго служившій самымъ восточнымъ предѣломъ русскихъ поселеній, за которыми начиналось безпокойное инородческое сосѣдство, часто подвергался нападеніямъ нѣкогда воинственныхъ Вогуловъ, Сибирскихъ или, по старинному мѣстному наименованію, Нагайскихъ Татаръ, Остяковъ и другихъ народовъ. Поэтому Пермскіе князья, а потомъ Московскіе намѣстники и воеводы соединяли въ своихъ рукахъ не только мѣстную административную и судебную власть, но и военную. Не даромъ въ Перми Великой, какъ мы видѣли, каждый городъ и слобода были непремѣнно снабжаемъ укрѣпленіемъ, боевыми снарядами и извѣстнымъ числомъ воинскихъ людей. Въ этомъ краѣ необходимо было всегда состоять въ готовности встрѣтить внезапное, неожиданное нападеніе врага. Набѣги болѣе или менѣе значительными массами людей дѣлались не только на Пермь Чусовую, но и на Вычегодскую,

простираясь иногда далеко на западъ, до города Выма, если еще не далѣе. И чѣмъ болѣе показывалось русскихъ въ Пріуральѣ, тѣмъ чаще стали повторяться эти нападенія инородцевъ, очевидно, чуявшихъ въ русскомъ колонизаторѣ будущую силу, съ которой не легко будетъ имъ считаться. Самые опустошительные и значительные по числу людей вогульско-татарскіе набѣги на Пермскую страну были не задолго до покоренія Сибири. Чувствуя все большее колонизаціонное давленіе съ запада, видя все возрастающій наплывъ русскихъ, туземные князьки употребляли послѣднія, самыя отчаянныя усилія въ борьбѣ съ этимъ движеніемъ, грозившимъ въ будущемъ ихъ автономіи. И опасенія ихъ были не напрасны: Завоеваніе Сибири положило конецъ ихъ самостоятельности, послѣ чего зауральскіе набѣги на Пермь постепенно должны были прекратиться, но борьба съ Башкирами продолжалась и въ XVII вѣкѣ.

Впрочемъ русскіе сами подали первые примѣры вторженій въ чужія земли, а инородцы мстили имъ за это. Мы видѣли, какъ рано, еще съ XII в., если не прежде, Новгородцы начали подчинять своей зависимости Югорскихъ князей, а по ихъ слѣдамъ впослѣдствіи направились и Москвитяне. Со второй половины XV в., когда Москвитяне, завоевавши ту и другую Пермь, лицомъ къ лицу встрѣтились съ Вогулами, инородческіе набѣги особенно учащаются и продолжаются потомъ, съ постоянно возраставшимъ ожесточеніемъ, чрезъ все XVI-е столѣтіе. Не входя въ подробности изложенія фактовъ этой борьбы въ Пріуральскомъ краѣ, перечислимъ только наиболѣе извѣстные въ исторіи Пермской страны походы русскихъ противъ инородцевъ и вогульско-татарскіе набѣги въ XV—XVI. в.в. *).

*) Указываю источники и литературу вопроса: «Строгановская Сибирская лѣтопись», изданная *Спасскимъ* отдѣльно и въ «Сибирскомъ Вѣстникѣ» за 1821 г.; «Соликамскій лѣтописецъ» въ «Путешествіи» *Берха;* «Соликамскія лѣтописи», изданныя мною въ Пермск. Губ. Вѣдом. за 1883 и 1884 гг. и отдѣльно (Пермь. 1884 г.);

Походы Москвитянъ противъ Югорскихъ князей начинаются съ того времени, какъ московская власть прочно утвердилась въ Вычегодской и Чусовой Перми, а это было во второй половинѣ XV вѣка.

Въ 1465 году, по мысли Московскаго правительства, состоялся удачный походъ въ Югру устюжанина Василія Скрябы и съ нимъ Вымскаго князя Василія Ермолаевича изъ рода князей Пермскихъ.

Въ 1467 г. Вятчанамъ и Пермякамъ удалось взять въ плѣнъ воинственнаго Вогульскаго князя Асыку, который однако убѣжалъ потомъ изъ плѣна и продолжалъ прежнюю вражду съ русскими.

Въ 1483 г. былъ предпринятъ противъ этого Асыки большой походъ за Уралъ, подъ начальствомъ князя Θедора Курбскаго-Чернаго и Салтыка Травина, и окончился плѣненіемъ Югорскаго князя Молдана.

Въ 1484 году Вогульскіе князья Юмшанъ и Кальпа вмѣстѣ съ Пермскимъ епископомъ Филоөеемъ, вѣроятно по вліянію послѣдняго, уже лично являются въ Москву и заключаютъ миръ съ Іоанномъ (Юмшанъ — сынъ упомянутаго Асыки).

Въ 1485 г. Молданъ, уже отпущенный изъ плѣна, и трое другихъ князей, слѣдуя, кажется, примѣру Юмшана, заключаютъ миръ въ городѣ Усть-Вымѣ съ тамошними князьями (рода Пермскихъ князей) Петромъ и Θедоромъ, слугами великаго князя Іоанна III.

Въ 1499 г. предпринимается, наконецъ, *послѣдній* и самый замѣчательный походъ въ Югру князя Семена Курб-

---

«Усольская лѣтопись» Θ. А. Волегова», изданная мною въ тѣхъ же «Вѣдомостяхъ» 1882 г. и отдѣльно (Пермь. 1882 г.).

«Исторія Государ. Россійскаго» *Карамзина,* томъ VI (соотвѣтствующіе годы); «Исторія Россіи» *Соловьева,* томъ V, стр. 94—95; «Пермскій Сборникъ», т. I, статья *Крупенина;* «Списки населенныхъ мѣстъ Пермской губерніи» *Штиглица.* СПБ. 1875 года, стр. CLV, CLX, CLXI. О набѣгѣ Татаръ 1547 года сообщено только у меня въ «Очеркахъ Чердынскаго края» въ «Календарѣ Пермской губерніи на 1883 годъ»; «Истор.-археологич. описаніе Соликамска», протоіерея *Луканина.* Пермь. 1882 г.

скаго, Петра Ушатаго и Заболоцкаго-Бражника съ 5000 Устюжанъ, Двинянъ и Вятчанъ. Походъ кончился полнымъ покореніемъ Югры и включеніемъ ея въ число московскихъ владѣній.

Пока все это дѣлалось, страна Пермская испытываетъ цѣлый рядъ страшныхъ, опустошительныхъ вогульско-татарскихъ набѣговъ, иногда простиравшихся далеко на западъ— до Усть-Выма и Кайгорода. Злополучными жертвами этихъ набѣговъ сдѣлались даже двое Пермскихъ князей, Михаилъ и Іоаннъ, и третій преемникъ св. Стефана, епископъ Пермскій Питиримъ.

Въ 1455 году извѣстный уже намъ Вогульскій князь Асыка напалъ на Вычегодскую Пермь, проникъ до „владычнаго города" Усть-Выма, взялъ большой полонъ, и въ числѣ полоненныхъ самого владыку Пермскаго Питирима, котораго и умертвилъ мученически.

Въ 1481 г. было нападеніе Вогуличей на Чердынь, не имѣвшее, впрочемъ, гибельныхъ послѣдствій, благодаря скоро подоспѣвшей русской рати Андрея Мишнева.

Въ 1505 г. изъ Тюмени сдѣлалъ набѣгъ на Чердынь и Усолье Камское Кулукъ-Салтанъ, Ивака/сынъ, но, благодаря принятымъ тогдашнимъ намѣстникомъ кн. Василіемъ Ковромъ мѣрамъ, былъ разбитъ на берегахъ Сылвы.

Въ 1531 г. на Чердынь дѣлалъ нападеніе Пелымскій князь съ Сибирскими инородцами.

Въ 1539 году на Пермь Великую нападали Казанскіе Татары.

Въ 1547 г. Нагайскіе Татары побили русскихъ близь Чердыни, на р. Вишерѣ, у Кондратьевой слободы. Русскихъ пало 85 человѣкъ.

Въ 1572 году Башкиры, Черемисы, Остяки и Вотяки побили русскихъ около Канкара и Кергедана (Пыскора и Орла).

Въ 1573 г. былъ опустошительный набѣгъ Кучумова сына царевича Маметкула на Чусовую и вторженіе его въ Пермь Великую.

Въ 1581 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ на Чусовскіе городки и Сылвенскій острожекъ Строгановыхъ сдѣлалъ набѣгъ мурза Бегбелій съ Вогулами и Остяками.

Въ 1581 г. въ сентябрѣ мѣсяцѣ произошло небывалое по размѣрамъ, самое опустошительное, гибельное нападеніе на всю Пермь Великую Пелымскаго князя Кихека съ Сибирскими, Сылвенскими и Иренскими Татарами, Остяками, Вогуличами, Вотяками и Башкирцами. Всѣ окрестные инородцы на этотъ разъ соединились въ одномъ походѣ противъ Перми Великой, разоривъ при этомъ Чусовскіе городки, Сылвенскій и Яйвенскій острожки и особенно Соликамскъ, преданный ими пламени. Кихекъ проникалъ и далѣе на сѣверъ до Чердыни и Кая, которые однако были спасены.

Но вотъ наступаютъ достопамятные 1582—1583 годы, и роли перемѣняются. Русскіе казаки, во главѣ съ своимъ атаманомъ Ермакомъ, дѣятельно поддерживаемые Строгановыми, уже испытавшими столько напастей отъ безпокойныхъ восточныхъ сосѣдей,—вносятъ оружіе въ предѣлы Сибирскаго царства Кучума. Русская власть окончательно утверждается на берегахъ Тобола, Иртыша и могучей Оби, послѣ чего старинные враги Пермской страны должны были притихнуть. Правда, въ первые годы послѣ похода Ермака кое-гдѣ были еще тщетныя попытки сломить это господство русскихъ за Ураломъ. Такъ, подъ 1582 г. Соликамская лѣтопись упоминаетъ еще о нападеніи Вогуличей на Чердынь и избіеніи немногихъ тамошнихъ жителей; а чрезъ 10 лѣтъ, въ 1592 г. упоминается походъ противъ Пелымскаго князя Чердынскаго намѣстника Трохоніотова. Но это были послѣднія вспышки потухавшаго огня, ни для кого не страшныя и вскорѣ прекратившіяся совершенно.

Этой эпопеей кровавой борьбы Русскихъ съ исконными жителями обоихъ склоновъ Урала, — борьбы, кончившейся полнымъ торжествомъ Русской національности, мы и закончимъ настоящее изслѣдованіе прошлыхъ судебъ Перми Великой съ древнѣйшихъ, незапамятныхъ временъ до второй четверти XVII столѣтія *).

А. Дмитріевъ.

---

*) Если разныя внѣшнія обстоятельства не попрепятствуютъ продолженію настоящаго изданія, предпринятаго не безъ риска со стороны издателя, располагающаго очень скромными средствами, то въ слѣдующихъ выпускахъ «Пермской Старины» можно будетъ продолжить исторію Перми Великой до начала XVIII вѣка, для чего издателемъ собраны уже богатѣйшіе рукописные матеріалы.

ОТДѢЛЪ II.

МАТЕРІАЛЫ.

Великопермская уставная грамота Чердынцевъ и Усольцевъ XVI вѣка *).

. . . . что Мнѣ били челомъ Пермичи Данилко да Гришка Ивановъ отъ всѣхъ градскихъ людей и сельскихъ о томъ . . . . что была у нихъ наша . . . . и по сей у нихъ Государя грамотѣ . . . . въ Перми наши намѣстники судили . . . . и та у нихъ наша грамота сгорѣла лѣта семь тысячь шестьдесятъ перваго году (1553 г.) апрѣля въ тридесятый день, въ церкви Варлама Чудотворца на посадѣ, и нынѣ де у нихъ въ Перми наши намѣстники и ихъ тіуны и доводчики безъ нашія жалованныя грамоты безъ уставной Пермичь безъ суда и безъ исцовъ . . . . и судятъ ихъ безъ цѣловальниковъ, а доводчики де ихъ ѣздятъ по погостамъ, да въ какомъ въ одномъ дѣлѣ скольвихъ людей дадутъ на поруки, а ѣздные на нихъ емлютъ разные . . . . . . по головамъ, да славянаго по гривнѣ; а дальнихъ де ихъ погостскихъ людей верстъ за 50 и за 60 даютъ поруки, а сроки де имъ чинятъ стать въ городъ предъ тіуны назавтре, и которой де изъ тѣхъ людей не станетъ въ городѣ на тотъ срокъ предъ тіуномъ, и они де ихъ тѣмъ винятъ.

---

*) Перепечатывается изъ рѣдкой книги *В. Н. Берха*: «Путешествіе въ города Чердынь и Соликамскъ для изъисканія историческихъ древностей». С.-Петербургъ. 1821 г., стр. 121—134. Найдена *Берхомъ* въ Чердыни у купца Д. А. Оболенскаго въ спискѣ, снятомъ съ древняго, сильно пострадавшаго отъ времени и огорѣвшаго въ пожарѣ 1792 г. Оригиналъ, вѣроятно, отправленъ былъ въ 1787 г. въ Петербургъ вмѣстѣ со спискомъ Пермскихъ князей и другими важными документами, о чемъ см. выше главу VI-ю. Собственно это—копія съ древней уставной грамоты, данной еще въ началѣ XVI в. и сгорѣвшей въ церкви Варлаама Чудотворца. Копія эта «дана на Москвѣ лѣта 7062 (1554) декабря въ 26 день».

Да и ваши жъ де Пермскіе намѣстники посылаютъ по Пермской землѣ своихъ людей, тіуновъ и доводчиковъ, луковъ писати и кормовъ брати, а намѣстничіе де люди приписываютъ у нихъ многіе луки лишніе, и Пермичамъ де въ тѣхъ лишнихъ лукехъ чинятъ продажи и убытки великіе, дани . . . . . . имъ продажи отъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей, отъ тіуновь и отъ доводчиковъ, живутъ великіе (?) не по грамотѣ, и они де въ томъ отъ нашихъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей, отъ тіуновъ и отъ доводчиковъ, охудали и опустѣли; и впредь имъ прожити безъ нашія грамоты уставныя не можно, и Мнѣ бы Пермичь пожаловати грамотой жаловальной уставной снимка съ старой грамоты, что у нихъ наши прежніе намѣстники съ тоя уставныя грамоты списывали*):

И Мы, Великій Государь, слышавъ ихъ Данилки и Гришки Иванова челобитья, всѣхъ людей Пермскія земли пожаловали . . . . . . возъ . . . намѣстнику . . . въ верхнемъ городкѣ . . . . . . да дву доводчиковъ въ городкѣ . . . . подводъ . . . . намѣстнику . . . и тіуну . . . . . цѣловальниковъ и по Иванову письму Боброва, съ пятнадцати сотъ луковъ, со шти сотъ сорока съ пяти луковъ; на Рожество Христово за тысячу четыреста бѣлокъ четырнадцать рублевъ, по двѣ деньги за бѣлку.

А на Великъ день намѣстнику корму и его тіуну и доводчикамъ за семь сотъ бѣлокъ семь рублей.

---

*) Хотя мѣстные изслѣдователи Пермскаго края обыкновенно относятъ Великопермскую уставную грамоту къ 1553 году, но эти слова, *да и вообще содержаніе грамоты,* убѣждаютъ меня, что первоначально она дана была Перми Великой значительно раньше. Въ 1553 г. апрѣля 30 грамота сгорѣла, но она могла быть первоначально дарована гораздо раньше этого года. *Берхъ* относитъ ея начало къ 1505 году, когда былъ назначенъ въ Пермь Великую *первый* русскій намѣстникъ (см. стр. 120). Дѣйствительно, уставная грамота ссылается еще на грамоты прежнихъ Пермскихъ князей. *Туманскій* въ «Россійскомъ Магазинѣ» (часть I, стр. 67) относитъ начало грамоты къ 1538 году. *Съ своей стороны я нахожу мнѣніе Берха весьма основательнымъ.*

А на Петровъ день намѣстнику корму и єво тїуну и доводчикамъ за семь сотъ бѣлокъ семь рублевъ, по двѣ же деньги за бѣлку.

Да съ варницы Вишерскія соль имати по пяти сапецъ соли по старинѣ, то ему во весь годъ и съ тїуномъ и съ доводчики. А опричь того намѣстнику и єво тїуну и доводчикамъ съ нихъ пошлины нѣтъ. А берутъ кормъ намѣстничь и тїуновъ и доводчиковъ побор старосты и люди добрые Пермяки сами, да отдаютъ кормъ намѣстнику и съ тїуны и съ доводчики въ городѣ, а сами намѣстники и тїуны и доводчики по погостамъ луковъ писати и кормъ брати не ѣздятъ; а разметываютъ Пермяки межъ себя кормъ по сохамъ, по дани; а намѣстникъ нашъ тїуновъ и доводчиковъ до году не перемѣняетъ, а доводчикомъ изъ погоста въ погостъ не переѣзжати; которой же доводчикъ ѣздитъ въ своемъ погостѣ, а ѣздитъ доводчикъ по погостамъ съ однимъ паробкомъ безъ простые лошади . . . . . а гдѣ есть, тутъ . . . . а у котораго Пермитина хлѣбъ или вологa какова лучится, что самъ ѣстъ, тѣмъ и доводчики кормитъ; а тїуны и . . . . . . у соли силою неста . . . . то онъ даетъ въ лѣсъ лѣсовать . . . . и намѣстнику не является, а хотя хто . . . . иного . . . . . соболиное . . . . а кто прїидетъ съ полузимы . . . . намѣстнику и тїуну . . . . денегъ . . . . а кто прїидетъ излишніе ограбленъ или . . . . и съ того намѣстнику по . . . .

А случится судъ въ займехъ, или въ бою, или въ лаѣ, а досудится виноватой, и намѣстникъ нашу пошлину емлетъ на виноватомъ, съ рубля по гривнѣ, на сколько хто взыщетъ, то ему и съ тїуномъ опричь хоженого, и ѣзду и правды.

А досудится до поля, а у поля не ставъ помирится, и намѣстникъ емлетъ пошлины по тому жъ расчету, съ рубля по гривнѣ.

А сведется у нихъ поле, да у поля стоявъ помирятся, и намѣстнику пошлины имать гривенные жъ, на сколько кто взышетъ, съ рубля по гривнѣ; а опричь того намѣстнику съ дѣла полевыхъ пошлинъ полполтины, то ему и съ тіуномъ; а доводчику искати свое хоженое, и ѣздъ и правду.

А побьются на полѣ въ займехъ, или въ бою, или грабежехъ, и намѣстникъ нашъ велитъ на убитомъ исцово доправити. А намѣстнику на убитомъ съ рубля полполтины, да и опричь того намѣстнику полполтины, а доводчику десять бѣлокъ, опричь хоженого, и ѣзду и правды.

А побьются на полѣ въ душегубствѣ, и татьбѣ, въ пожегѣ, и въ разбоѣ, и въ ябедничествѣ, и намѣстникъ нашъ на убитомъ велитъ исцова доправити, а убитой въ казни и въ продажѣ намѣстнику. А доведутъ до кого татьбу и ябедничество, или пожегу, а будетъ вѣдомой лихой человѣкъ, и намѣстникъ нашъ велитъ того лихова казнити смертною казнію, а исцова велитъ . . . . изъ его статка, а что у статка останетъ, ино то намѣстнику и его тіуну имати себѣ; а не будетъ у котораго лихаго статковъ съ исцово, и намѣстнику его исцу во гибели не выдати, велѣти его казнити смертною казнію.

А погосца ихъ . . . . . . , людей намѣстнику и его тіуну судить по воскресеньямъ, отъ недѣли въ недѣлю, и доводчикомъ въ недѣлю; а посадскихъ людей, гдѣ кто какъ самъ живетъ; а въ которой день дѣла . . . . тогда и судятъ, а намѣстнику и его тіуну безъ цѣловальниковъ и безъ старосты . . . . и безъ лучшихъ людей суда не судить.

А цѣловальниковъ Пермяки выбираютъ у себя сами, кто имъ любъ, а хоженое приставу бѣлка въ городѣ, а уѣзду на двѣ версты бѣлка, а на правдѣ вдвое; а не люба приставу бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А на коихъ людей въ однемъ дѣлѣ приставъ на поруку дастъ и объемлютъ ѣздъ одинъ, а пристава намѣстническаго

на поруку дадуть, и они отъ поруки ставленнаго не дають ничего.

А случится у нихъ душегубство, а не доищутся душегубца, то намѣстнику виры четыреста бѣлокъ, а не люба бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А кто утонетъ, или сгоритъ, или озябнетъ, или кого возомъ состретъ, или дерево убьетъ, или кто отъ своихъ рукъ утеряется, а обыщатъ того безъ хитрости, ино въ томъ намѣстнику виры и продажи нѣтъ. А самосудъ намѣстнику четыреста бѣлокъ, а не люба бѣлка, то ино за бѣлку по двѣ деньги.

А самосудъ то, кто поймаетъ тати съ поличнымъ, да отпуститъ; а опричь того самосуда нѣтъ.

А вынимутъ у кого поличное, да сведетъ себя сводомъ до воливихъ не буди, и до пошлаго татя и сводяаго нѣтъ, и поличное то, что у кого вымутъ; а вымутъ у кого поличное . . . . въ той хоромини не за замкомъ, и въ томъ поличнаго нѣтъ; а кто у кого пере . . . . еже . . . . . . и намѣстнику за баранъ (?) шесть бѣлокъ . . . .

А Пермичь, Устюжанъ и Вятчанъ намѣстники и ихъ тіуны и доводчики . . . . намѣстникъ и его тіуны . . . . на стады своими пожень ихъ не травятъ.

А кто дочерь дасть за мужъ на Вологду, и на Устюгъ, и на Вятку, и намѣстнику за выводную куницу шесть бѣлокъ; а въ одной волости кто дочерь дасть за мужъ, и намѣстнику за убрусъ три бѣлки, а не люба бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А кто прійдетъ Вогулетинъ въ Пермь торговать, или инымъ которымъ дѣломъ, и онѣ намѣстнику и его тіуну являются, а не явивъ Вогулетина намѣстнику, Пермяку и Усольцу не торговати и не хоронить его у себя въ тай никому; а кто не явитъ, а кого вымутъ, и намѣстникъ на

томъ заповѣди, возметъ двѣсти бѣлокъ, а не люба бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А о земляхъ и о рѣкахъ и озерахъ и всякихъ угодьяхъ судъ за три года, а далѣ того о земляхъ не судити; и первыхъ судовъ и грамотъ князей Пермскихъ не посуживати.

А десятильнику даютъ отъ знамени съ холосца по двѣ бѣлки, да третья бѣлка записная; а съ со вдовца десятильнику отъ знамени четыре бѣлки, да записного бѣлка; а не люба бѣлка, ино за бѣлку по двѣ деньги.

А учинитъ десятильникъ надъ ними какову силу, и намѣстникъ нашъ на десятильника дастъ пристава, да ево судитъ и управу чинитъ.

Да Пермяки же били челомъ Мнѣ, Царю и Великому Князю, о томъ, который нашъ намѣстникъ въ Перми у нихъ будетъ на нашемъ жалованьѣ, и они де посылаютъ къ волоку Тюменскому, и въ Вогуличи, и въ Сылву своихъ людей съ Пермскимъ со всякимъ товаромъ торговати; а въ кою де пору намѣстничіе люди въ тѣхъ мѣстѣхъ торгуютъ, а которые Пермичи въ тѣ мѣста пріидутъ со своимъ товаромъ торговати, и намѣстничи люди Пермичемъ торговати не велятъ дотолѣ, доколѣ они сторгуются своимъ товаромъ, и Пермичемъ де имъ въ томъ убытки великіе.

Да и въ рыбную ловлю у Пермичь намѣстники вступаются въ ихъ ловлю; и Азъ Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ всея Руссіи Пермичь пожаловалъ, которой нашъ намѣстникъ въ Перми у нихъ будетъ, и онъ въ Пермскія угодья и къ волоку Тюменскому, и въ Вогуличи, и въ Сылву съ Пермскимъ товаромъ своихъ людей торговати не посылаетъ, а въ рыбную ловлю въ ихъ Пермскую не вступаются у нихъ ни во что.

Да Пермичи жъ посадскіе люди Мнѣ били челомъ о томъ, чтобъ Мнѣ ихъ пожаловати освободити—къ которому празднику помолитись, или родителей помянути канунъ доспѣти, пивца сварити, или медку разсытити; и Азъ Царь

и Великій Князь Пермичь посадскихъ людей пожаловалъ, велѣлъ есми имъ кануны обѣтные и родительскіе держати по старинѣ; а коли Пермитину которому человѣку лучится къ которому празднику или по родителехъ канунъ доспѣть, пиво сварить и медъ разсытити, и они намѣстнику явять, а намѣстники наши Пермичемъ кануны чинить ослобожаютъ, и явки намѣстникъ возметъ съ пива съ сопца по четыре деньги, а съ меду съ сопца по четыре жъ деньги.

Да сверхъ того есми Пермичь пожаловалъ, далъ есми имъ въ году три недѣли питья варити и пити: недѣля Великоденная, другая недѣля въ осень Дмитріевская, третья недѣля въ зимѣ Рожественская; и тѣмъ тремъ недѣлямъ вино пити доспѣти безъ явки, опричь посадскихъ людей, а посадскіе люди къ праздникамъ и по родителемъ кануны чинятъ по старинѣ, какъ напредь того у нихъ было.

А намѣстничьи люди, или иной хто опришной человѣкъ, къ Пермичемъ на пиръ или на братчины не званы, пить да не ходятъ; а кто къ нимъ на пиръ или въ братчину не званъ пріидеть, и они того человѣка изъ пиру или изъ братчины вышлють вонъ отъ себя безпенно.

А кто у нихъ въ пиру или въ братчинѣ учнетъ пити сильно и какову у нихъ учинитъ гибель, и они на томъ человѣкѣ ту гибель возмутъ безъ суда.

А кто у нихъ въ Перми будутъ лихіе люди тати и разбойники, душегубцы, зажигательники, ябедники и поклепцы, и наши Пермскіе намѣстники на тѣхъ лихихъ людей Пермичемъ пристава даютъ, да велятъ ставити предъ собою съ Пермичи съ очей на очи, да ихъ съ ними судятъ. И на которыхъ людей Пермичи передъ нашимъ намѣстникомъ доведутъ, а скажутъ на него человѣкъ пять или шесть людей добрыхъ по нашему крестному цѣлованью, что онъ лихой человѣкъ, и намѣстникъ нашъ того лихаго человѣка велитъ бить кнутьемъ, да изъ земли его Пермичамъ велитъ выслатѣ вонъ безпенно.

Такъ же есми пожаловалъ Великопермцовъ и Усольцовъ гостинскимъ—въ Пермь Великую и къ Соли изъ городовъ Московскія земли, изъ Новгородскія земли и изъ Тверскія земли торговати, и съ оными никакими дѣлы не ѣздятъ никто опрочь Устюжанъ и Вычегжанъ и Вятчанъ. А Устюжана и Вычегжана и Вятчана ѣздятъ къ нимъ торговати со всякимъ товаромъ по своей грамотѣ по жалованной по уставной по Устюжской, и возятъ отъ нихъ товаръ всякой и соль, куда хотятъ, съ ними. Пермичи и Усольцы товаровъ въ Московскіе городы возятъ продавать, а таемъ*) . . . . . къ нимъ въ Пермь или къ Соли торговати изъ городовъ Московскія земли, Новгородскія земли и изъ Тверскія земли, и намѣстникъ нашъ у того станетъ . . . . а его даетъ на поруки, да пришлетъ его ко Мнѣ Царю и Великому Князю. А кто взыщетъ Великопермецъ или Усолецъ на гостехъ на Устюжскихъ, или на Вычегжанинѣ, или на Вятчанинѣ, или на Вогуличахъ, или на Остякахъ, или на иномъ какомъ ни буди, и намѣстникъ на тѣхъ пристава даетъ и судитъ и управу чинитъ его тіунъ или доводчики; и они на нихъ наметываютъ сроки сами во всякихъ дѣлехъ предъ Меня Царя и Великаго Князя на Оспожино заговѣнье; а настанетъ срокъ, Пермской или Усолецъ на намѣстника или на его тіуна или на доводчиковъ въ каковѣ дѣлѣ Пермитина или Усольца, и тому Пермитину или Усольцу къ сроку ѣхати. А Пермитину и Усольцу на Пермитина и Усольца сами сроковые наметываютъ и ни въ которомъ дѣлѣ . . . . а которые Пермитинъ или Усолецъ напишетъ срокъ (не) на Оспожино заговѣнье, и тому Пермитину и Усольцу къ тому сроку ѣздити не велятъ, а хотя окую грамоту возметъ, и то безъсудная не въ безъсудную, и чрезъ сію Мою грамоту изъ тѣхъ на нихъ кто возметъ, или чѣмъ изобидитъ, и тому быть отъ меня Царя и Великаго Князя въ казни.

---

*) А тайно, тайкомъ пусть не ѣздятъ.

А сія имъ грамота дана таковая жъ, какова у нихъ была прежняя уставная грамота.

Дана грамота сія на Москвѣ лѣта семь тысячь шестьдесятъ второго*), декабря въ 26 день. Приказали дати казначей Иванъ Петровичь Головинъ да Ѳедоръ Ивановичь Сукинъ, а казначей имъ говорилъ Царевымъ Великаго Князя словомъ ... словомъ окольничей Алексѣй Ѳедоровичь Адашевъ. Царевъ и Великаго Князя діакъ Петръ Василье вичь сынъ Тороканов.

На подлинной грамотѣ подписи Государей Царей и Великихъ Князей**). Таковы на оборотѣ.

Поступное письмо братьевъ Якова, Григорія и Семена Аникіевичей Строгановыхъ Пыскорскому монастырю 1570 г.***).

„Въ пречестную обитель Всемилостиваго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, честнаго и славнаго Его Преображенія, иже показа славу Своего Божества ученикомъ и апостоломъ на горѣ Фаворстѣй, и Пресвятыя Богородицы Присно-Дѣвы Маріи, заступницы роду христіанскому, а намъ грѣшнымъ во всемъ помощницы и упованія всѣхъ христіанъ, честнаго и славнаго Ея Рождества, начальнику и пастырю Христовыхъ словесныхъ овецъ, Варлааму, о Христѣ миръ и цѣлованіе и всему по Бозѣ братству твоему, Аникіевы дѣти Строгановы Яковецъ, Грыньша и Семенецъ челомъ бьемъ!“

*) *Беркъ* послѣ этой цифры поставилъ свою «1553», почему обыкновенно и стали пріурочивать уставную Великопермскую грамоту къ этому году.

**) Доказательство, что прежняя грамота дана была или при Василіи III, или, что еще вѣроятнѣе, при Іоаннѣ III.

***) Перепечатывается, какъ древнѣйшій документъ главнаго изъ Великопермскихъ монастырей, изъ рѣдкой книги (оттиска изъ «Пермскихъ Епарх. Вѣдомостей») священника *Ипполита Словцова:* «Пыскорскій Преображенскій ставропигіальный 2 класса монастырь». Пермь. 1869 г., стр. 5—7. Раньше было дважды напечатано въ «Пермскихъ Губерн. Вѣдом.» 1857 г. № 23 и 1865 г. № 34 и въ другой редакціи— въ «Пермской Лѣтописи» *В. Н. Шишонко,* см. томъ I, стр. 62—63. Редакція *Словцова* древнѣе.

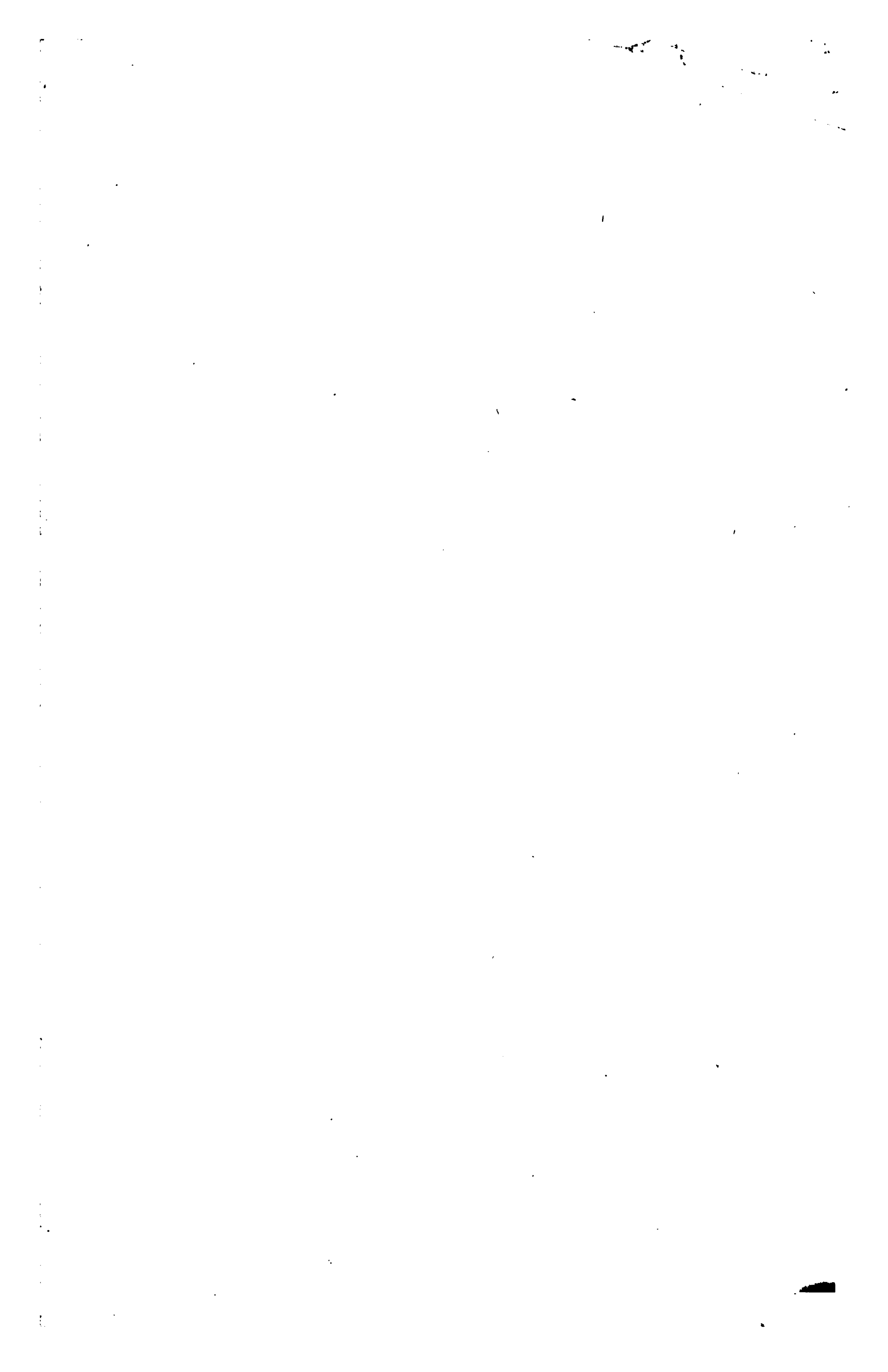
„Божія воля сталась, нашихъ родителей въ животѣ не стало, государя нашего отца Іоанникія, а во инокѣхъ Іоасафа, и нашея государони матушки Софьи. И мы нынѣ въ домъ Боголѣпному Преображенію и Пречистыя Рождеству, въ твою паству, въ монастырь, даемъ свои новыя роспашни отъ Лысвы рѣчки и по Лысвѣ въ верхъ до вершины, межную свою сторону и мельницу большую на Лысвѣ и отъ Лысвы внизъ по правую сторону Камы свои всѣ новыя пашни и городокъ Канкоръ. И пожаловалъ бы ты, начальникъ Варлаамъ, посовѣтовалъ бы твоей паствѣ съ братствомъ, чтобы перенесть и монастырь въ городокъ, а церкви бы ставити по вашему чину, какъ будетъ пригоже. А въ городкѣ боеваго снаряду: 12 рушницъ, да три затинныхъ, да пудъ зелья, да пудъ свинцу. А отъ городка внизъ до Нижней Пыскорки и вверхъ по Пыскоркѣ до вершины; а за Пыскорку монастырю дѣла нѣтъ, также и до Меркурьевскихъ острововъ монастырю дѣла нѣтъ. А межа нашему данью: по Камѣ по правую сторону отъ Лысвы внизъ до нижней Пыскорской курьи, а по лѣвую сторону по Камѣ внизъ до Зырянки, а ниже Зырянки по Камѣ въ нашъ правежъ монастырю дѣла нѣтъ. А которые жильцы живутъ у городка Канкора, которымъ давано отъ насъ подъ дворы мѣста и пахотныя земли и покосы въ Чашкинѣ, и тѣ жилецкія земли и пашни по смерти тѣхъ жильцовъ владѣть монастырю же; да мы же послали въ домъ Боголѣпнаго Преображенія и Пречистыя Рождеству сто рублевъ денегъ. А молити вамъ Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь Присно-Дѣву Марію и святыхъ небесныхъ Силъ, Ангелъ и Архангелъ Михаила и Гавріила и прочихъ безплотныхъ и великаго Пророка и Предотечу Христова Крестителя Іоанна и всѣхъ святыхъ Богоугодившихъ отъ вѣка вѣковъ аминь, чтобы умножилъ Богъ православному Государю Царю и Великому Князю Іоанну Васильевичу, всея Руссіи, его благодарованнымъ дѣтямъ царевичамъ Іоанну и Ѳеодору многолѣтное

здравіе во всякомъ проскомисаніи, на литіяхъ и панихидахъ, и на обѣдняхъ Благовѣрнаго Князя Василья Васильевича, во иноцѣхъ Варлаама, Благовѣрныхъ Царицъ и Великихъ Княгинь и чадъ ихъ, тако и за отца нашего за прежнее данье и за нынѣшнее служить игумену съ соборомъ и кормы кормити, доколѣ Богъ изволитъ и обитель стоитъ; а по Государехъ и по Государыняхъ кормы кормити большими; да и по нашихъ родителехъ служить игумену съ соборомъ по четыре службы на всякъ годъ, доколѣ святое мѣсто стоитъ; родъ же нашъ написать въ синодикъ, прочитывать вряду на всякъ день; а который изъ насъ, Іоанникіевыхъ дѣтей, похочетъ постричися, или дѣти наши, то безъ вкладу стритчи, а кого мы велимъ изъ своихъ людей постритчи, тѣхъ вамъ стритчи безъ вкладу же и братству причести; а послышите коего изъ насъ въ животѣ не станетъ, и вамъ бы приписать къ нашимъ родителемъ, да поминать на литіяхъ по вся дни. Писано 7078 года марта 2 дня".

Конецъ I выпуска.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Пермь—книжный магазинъ Ольги Петровской.

Екатеринбургъ—кн. маг. М. Д. Блохиной и К°.

Томскъ—кн. маг. Михайлова и Макушина.

Казань—у А. А. Дубровина Воскресенская ул., Гостиный дворъ № 1.

Москва—у А. А. Карцева, Мясницкая ул., Фуркасовскій переул., домъ Обидиной.

С.-Петербургъ—у М. М. Стасюлевича Васильевскій островъ, 2-я линія, № 7.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Адресъ автора-издателя:

Пермь. Александру Алексѣевичу Дмитріеву. Мужская гимназія.

